

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО •
ВЕДЕНИЕ

2014

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

3
2014
МАЙ •
ИЮНЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Хаванова О.В.</i> (Москва). Поиск общего знаменателя заслуг в монархии Габсбургов в XVIII веке: орден св. Стефана	3
<i>Улуния Ар.А.</i> (Москва). Дипломатические документы в политическом измерении исторических эпох (случаи «1893 года» и «1935 года»)	14
<i>Мурашко Г.П., Слоистов С.М.</i> (Москва). Несколько слов о Честмире Цисарже	31
<i>Сикимич Б.</i> (Белград). Мобильность и трансграничные миграции румын в сербском Банате ...	40
<i>Будагова Л.Н.</i> (Москва). Об истории и специфике словацкого сюрреализма.....	59

СООБЩЕНИЯ

<i>Ждановская А.А.</i> (Москва). Богемский вопрос на рубеже 1870–1880-х годов: чешско-немецкое противостояние	79
<i>Глац Ф.</i> (Будапешт). Вспоминая Домокоша Кошари (к 100-летию со дня рождения историка)	85

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Лаптева Л.П.</i> (Москва). Памяти двух серболужицких ученых. Павел Новотны (1912–2010). Мартин Каспер (1929–2011).....	94
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Задорожнюк Э.Г.</i> J. Suk. Politika jako absurdní drama. Václav Havel v letech 1975–1989	101
<i>Косик В.И.</i> П. Мангачев. Генерал Казимир Ернрот – живот и дело в България	106
<i>Пескова А.Ю.</i> Poetika humoru.....	107

<i>Гришина Р.П.</i> Международная научная конференция «Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI веков».....	110
<i>Задорожнюк Э.Г.</i> Международная научная конференция «Идеи новой государственности в программах и концепциях инакомыслящих и диссидентства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец 60-х–80-е годы XX в.».....	120

НЕКРОЛОГИ

<i>Мокиенко В.М.</i> Памяти Галины Алексеевны Лилич (1926–2012).....	123
<i>Носов Б.В.</i> Памяти Александра Михайловича Орехова (1933–2013).....	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2014 г. О.В. ХАВАНОВА

ПОИСК ОБЩЕГО ЗНАМЕНАТЕЛЯ ЗАСЛУГ В МОНАРХИИ
ГАБСБУРГОВ В XVIII ВЕКЕ: ОРДЕН СВ. СТЕФАНА

В статье рассматривается место и функции понятия «заслуга» при назначении на чиновничьи должности, обобщаются аргументационные стратегии, характерные для прошений о награждении орденом св. Стефана, учрежденным в 1764 г. для поощрения элит в монархии Габсбургов XVIII в.

The article considers the place and functions of the notion of «merit» by administrative appointments, studies the argumentation strategies typical for petitions about decorating with the St. Stephan order, founded in 1764 for encouraging elites in the eighteenth-century Habsburg Monarchy.

Ключевые слова: заслуга, дворянство, чиновничество, монархия Габсбургов, прошения, орден св. Стефана.

Современные методики работы с письменными источниками развиваются под перекрестным влиянием филологии, социологии, культурной антропологии. Историков интересует не только *что* рассказывается в тексте, но и *как* это рассказывается. Смежные дисциплины побуждают задавать источникам, прежде всего эго-документам¹, новые вопросы и тем самым больше узнавать о коллективных и индивидуальных представлениях людей минувших эпох. Одним из направлений, получивших широкое распространение в исторических исследованиях последних десятилетий, стали анализ и реконструкция дискурсов и дискурсивных практик. Исследователи дискурсов полагают, что речевые понятия социально обусловлены, а речь, в том числе письменная, не только что-то высказывает, но и объясняет то, что высказывает. Так путем сопоставительного анализа контекстов выявляются принципы, в соответствии с которыми реальность в тексте определенным образом классифицируется и репрезентируется.

Лингвист Т.М. Николаева предложила интересный подход к изучению замкнутых художественных текстов, не слишком протяженных и имеющих некий смысловой центр, и назвала его «ключи нарратива». Подобно тому, как детектив случайно находит в траве шпильку, клочок материи или булавку, и связи событий вдруг становятся ему ясны, – пишет она, – «ключи нарратива» – это элемент, как бы открывающий глаза читателю на *неочевидные смыслы* [1. С. 41]. В данной статье речь пойдет не о художественных текстах (хотя многим их авторам нельзя отказать в литературном таланте), но о массовом, по сути, источнике – обращении

Хаванова Ольга Владимировна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Этот термин и методология изучения подобных источников были впервые предложены голландскими историками Р. Деккером и Я. Прессером, которые описывали их как тексты, где автор рассказывает о личной жизни и эмоциях, раскрывает, вольно или невольно, свое «я».

ниях к властям. Чтобы разгадать социальные обусловленности многих понятий, историку тоже приходится подбирать ключи – ключи к дискурсивным практикам. Одним из таких ключей, открывающим многие прежде неочевидные смыслы, стало понятие «заслуги».

В последние десятилетия историки обратились к феноменологии заслуг в континентальных монархиях раннего Нового времени и предложили оригинальные интерпретации дискурса о природе и характере заслуг в обществах «старого порядка». Дж.М. Смит на примере Франции XVII в. [2] и Э. Ла Вопа на материале протестантской Германии XIX в. [3] показали, как переосмысление этого феномена меняло корпоративную этику дворянства или карьерные стратегии духовенства. Во владениях Австрийского дома, как, возможно, нигде в Европе, заслуги (по крайней мере, с начала XVIII в.) стояли в центре общественного внимания, служили действенным инструментом социального дисциплинирования² и самодисциплины индивида.

Для Габсбургов поражение в войне за испанское наследство (1700–1713) стало водоразделом, знаменовавшим отказ от геополитических амбиций [4. S. 13]. Двойной эффект от условий Сатмарского мира 1711 г., положившего конец кровопролитной гражданской войне в Венгрии, и Утрехтского мирного договора 1713 г., фиксировавшего уступку испанской короны в пользу Франции, нашел выражение в концентрации внимания на центральноевропейских владениях [5. С. 11]. В последующие десятилетия венскому двору предстояло заинтересовать элиты в долгосрочном сотрудничестве с династией, создать прагматические основания для политической лояльности. Для этого в обществе начала насаждаться меритократия особого рода – не только связанная с достижениями индивида, но и аккумулировавшая заслуги семьи на поколения в глубь веков. Заслуги становились разновидностью символического капитала (термин П. Бурдьё) – ресурса, доступного индивиду на основе чести, престижа, признания.

Австрийский историк Э. Гармс-Корнидес пишет о том, что именно в правление Карла VI (1711–1740) обществу был предложен негласный договор, суть которого заключалась в обмене лояльности на государевы милости. Проанализировав ситуацию в Северной Италии начала XVIII в. (сразу после ее вхождения в состав владений Австрийского дома), автор пришла к выводу, что верные службы предков монарху легитимировали социальный статус и претензии подданного. Преимущественное внимание уделялось случаям, когда преданность правящему дому была сопряжена с моральными и физическими страданиями – тюремное заключение, разорение, разлука с семьей, эмиграция. Редкая просьба не подкреплялась отсылками к послужному списку отца, деда, родственников по отцовской и материнской линии, где собственные достижения – учеба или служба – становились закономерным продолжением семейной традиции [6. S. 211].

Первая дверь, которая открылась с помощью ключа «заслуги», была система королевских стипендий в правление Марии Терезии (1740–1780), о чем подробно говорилось в главе «Накопление заслуг, подсчет достоинств» книги «Заслуги отцов и таланты сыновей» [7]. Там же было сделано предположение, что награждение заслуженных отцов возможностью бесплатно дать престижное образование детям является частью более широкой социальной практики. Причем практика эта не сводилась к праву потомков жить за счет капитализации достойных похвалы и награды деяний предков, но являлась универсальным общим знаменателем общественной полезности каждого подданного. Молодой чиновник Янош Пал Петри-

² Социальное дисциплинирование – теория немецкого историка Г. Эстрайха (1910–1978), описывающая суть базовых изменений, охвативших в раннее Новое время власть и общество: с одной стороны, речь шла об объективной потребности в дисциплинирующем вмешательстве государства в разнообразные сферы человеческой деятельности, с другой – о сознательно дисциплинированном поведении индивида, о переносе «точки принуждения» внутрь человека.

чевич, прося повышения по службе, писал: «Всемирно известная милость вашего величества вселяет в меня уверенность, что вы не откажетесь меня выслушать, и я тем более буду услышан, что многое свидетельствует: ваше императорское величество постоянно думает о вознаграждении верноподданных служб» [8. Fasz. r. Nr. 914. 14 X 1761. Fol. 307r].

Универсальность категории «заслуга» проявляется, помимо прочего, в том, что характеризует и дворянина, и простолюдина, ибо желанный путь добровольного служения общему благу был открыт для всех. Можно привести немало примеров того, как заслуги конвертировались в наследственный дворянский титул, пусть зачастую и номинальный, не сопряженный с немедленными изменениями качества жизни и социальной среды обитания. Дворянин же, по определению обладая родовыми заслугами, ни на минуту не должен был успокаиваться, чтобы не уронить доставшееся ему от отца и дедов доброе имя. О природе и месте родовых заслуг говорит как бы вскользь оброненное замечание референта Венгерской казенной палаты о соискателе Ференце Ради: «Заслуги его помимо дворянского звания коренятся в том, что начиная с 1720 г. он пять лет прослужил в одной из подведомственных бухгалтерских контор» [8. Fasz. r. Nr. 827. 7 XI 1750. Fol. 256r].

В обществе царил консенсус относительно того, что все заслуги требуют того или иного вознаграждения. При этом характер и размер монаршей милости должен был соотноситься с весомостью заслуг. Граф Миклош Эстерхази (1711–1764), отправляясь послом к русскому двору, писал отцу: «По моем возвращении [в Вену] мне в самых лестных выражениях была обещана приемлемая и соразмерная моим заслугам награда» [9]. За одно и то же признаваемое заслугой деяние можно было получить вознаграждение или компенсацию лишь единожды.

Стандартная резолюция на прошениях неудачливых соискателей звучала как приговор: «О заслугах просителя ничего не ведомо». Это могло означать, что, например, Казенная палата не признавала в качестве достаточных оснований ранения и награды боевого офицера без финансово-экономического опыта. Это могло также говорить о том, что соискатель слишком молод и неопытен и в его окружении нет ни одного влиятельного лица, кто взял бы на себя роль патрона, выступив с поручительством о благонадежности и профессиональной пригодности юноши. Янош Анхелли признавался: «Заслуги мои, всемилостивейшая государыня, кроме того, что со всем старанием и прилежанием прослушал курс наук, дабы сделаться полезным подданным и гражданином отечества, равны нулю» [10. Fasz. r. Nr. 1/2. Konv. 3. N 99 ex Dec. 1767. Fol. 186r]. Отсюда настойчивые поиски покровителей (как это делать – учили имевшие широкое хождение письмовники) и законная гордость, когда положения удавалось добиться без посторонней помощи.

О том, как «нулевые заслуги» при наличии патрона не мешали делать весьма успешную карьеру, можно судить по жизненному пути венгра Андраша Слабига. В 1759 г. он писал: «Заслуг, которые мог бы перечислить [для получения должности] у меня нет, если не счесть таковыми неустанные усилия, которые с молодых ногтей прилагал я, чтобы стать способным и пригодным для службы вашему священнейшему величеству». Между тем, из прошения следовало, что по окончании учебы он семь лет был домашним наставником у сына венгерского канцлера Миклоша Палфи (1710–1773) – Кароя (1735–1816), будущего канцлера и основателя герцогской ветви рода. Неудивительно, что молодого человека зачислили в штат Венгерской казенной палаты в обход трех заранее отобранных ведомством кандидатов. Палата «забыла» указать, знают ли поддержанные ею соискатели немецкий язык, поэтому место досталось протее канцлера, владевшему, согласно рекомендации, латинским, немецким, венгерским и «славонским» языками [10. Fasz. r. Nr. 885. 3 IV 1759. Fol. 19v, 23r]. Слабиг, впрочем, там не задержался и через полтора года уже трудился контролером в соляной конторе в Таркане. Еще через

полгода в его карьере произошел новый поворот: он поступил камердинером и «информатором [референтом?] по венгерскому языку» к эрцгерцогу Фердинанду (1754–1806), а в 1766 г. – в штат эрцгерцогини Марии Кристины (1742–1798), чей супруг (они поженились в 1765 г.) Альберт Саксен-Тешенский (1738–1822) был венгерским палатином и держал двор в Пресбурге³. Вне всяких сомнений, близость к герцогской семье помогла Слабигу получить должность казначейского инспектора в этом вольном королевском городе [11. N 21]. Испрашивая в 1777 г. сыну место в Терезианской академии в Буде, он уже ссылаясь на свои «порядочность», «профессионализм» и «заслуги».

Что было делать просителю, который за душой не имел ничего, кроме родительских заслуг? Лишь уповать на филантропические побуждения властей. Некто Фердинанд Фессель – по его словам, «осиротевший сын заслуженных родителей» – в 1760 г. составил целую таблицу, где перечислил восемь оснований, по которым заслуживает сострадания, и указал источник, способный подтвердить истинность его слов. Дед Сигизмунд прослужил в императорских войсках 59 лет, в 1764–1772 гг. храбро сражался с повстанцами Имре Тёкёли (1657–1705), дослужился до полковника и скончался в 1703 г. возрасте 78 лет. Его сын Франц (отец просителя) тоже стал военным и в годы войны (1703–1711) под предводительством Ференца II Ракоци (1676–1735) не пошел на стовор с мятежниками [12. С. 199–205], более того – передал властям три адресованных ему письма от вождя бунтовщиков нераспечатанными. Мать просителя (ее он лишился в младенчестве) была кормилицей будущей императрицы Марии Терезии, а это значит, что сам он родился не позднее 1717 г. и на момент составления петиции ему было за 40. Сын и внук офицеров, в жены Фердинанд Фессель выбрал дочь военного, но, по иронии, сообщая о заслугах тестя, даже не назвал его имени. Сочтя родительские заслуги достаточно весомыми, он влез в долги и около 1755 г. приехал в Вену, чтобы просить себе не столько должность, сколько пенсию или иное содержание. Скорее всего, он не имел никакого образования или профессиональных навыков, поскольку о них нигде не говорится. Императрица лично просила президента Венгерской казенной палаты графа Антала Грашшалковича (1694–1771) изыскать способ хоть чем-то помочь несчастному. На работу в Палату его из-за отсутствия опыта, конечно, не взяли [8. Fasz. r. Nr. 894. 22 II 1760. Fol. 880r; Fasz. r. Nr. 896. 9 IV 1760. Fol. 160r–162v]. Но, возможно, ему как-то удалось стабилизировать свое финансовое положение и дать детям образование. В начале XIX в. в королевской академии в венгерском Дёре трудился профессор права Сигизмунд (в честь прадеда?) Фессель [13].

Итак, за заслуги повышали по службе, возводили в дворянство, оплачивали детям образование в престижных учебных заведениях, удовлетворяли просьбы, в которых иначе следовало бы отказать. Наконец, за них награждали орденами. Не секрет, что череда разорительных войн опустошила императорскую казну, поэтому широкое распространение получили немонетарные формы поощрения лояльности подданных, такие как дворянские и аристократические титулы или ордена. Не случайно, ходатайствуя о награждении, просители особо отмечали, что сэкономили для казны немалые средства, безвозмездно несли общественно-полезные службы и пр.

В 1757 г. для поощрения подданных, отличившихся в дни войны, был создан орден Марии Терезии, в 1764 г. – для чиновников основали орден св. Стефана. Свое название награда получила по имени первого венгерского короля Иштвана (Стефана, ок. 1001–1038 гг.), обратившего страну в христианство ок. 1000 г. и в 1083 г. канонизированного. С одной стороны, это было заигрыванием двора с лояльным сегментом венгерской элиты, следующим шагом в ряду мер, подоб-

³ Пресбург – ныне Братислава в Словакии, в венгерской традиции Пожонь.

ных учреждению четырьмя годами ранее венгерской дворянской лейб-гвардии. С другой стороны, орден предназначался не исключительно для венгров, как это нередко полагают современные авторы [14. S. 164], но для всех элит монархии, и венгры не должны были непременно иметь численного преимущества или пользоваться предпочтением.

Орден имел три степени – большой, командорский и малый крест, выпускался ограниченным числом, находился во владении награжденного пожизненно, после чего возвращался казне и вручался новому достойному владельцу. Первые двадцать кавалеров (четыре – награжденных большим крестом, восемь – командорским и восемь – малым крестом), среди которых были 13 венгров, получили ордена из рук императрицы на торжественном приеме 6 мая 1764 г. [15. 1764 V 9. N 37; V 12. N 38]. Со временем число кавалеров большого креста было установлено в 20, командорского – в 30, малого (или рыцарского) – в 50 человек. Список тех, кого в период с 1764 по 1914 г. Габсбурги отличили орденом св. Стефана, опубликован. Согласно этим данным, в эпоху просвещенного абсолютизма, или в годы правления Марии Терезии и ее сыновей Иосифа II (1780–1790) и Леопольда II (1790–1792), 243 награды были вручены 209 кавалерам, в том числе 66 больших крестов, 65 – командорских и 112 – малых крестов св. Стефана [16].

При распределении орденов власти старались по возможности соблюдать принцип пропорционального представительства элит монархии, хотя это и не было обязательным. Так, в 1783 г. канцлер граф Ференц Эстерхази (1715–1785) обратил внимание Иосифа II на то, что среди кавалеров ордена нет ни одного выходца из Хорватии-Славонии. В том же году малого креста был удостоен вице-бан (заместитель королевского наместника) Антон Бедекович (1717–1800) [17]. В 1790 г. трансильванский казначей граф Габор Халлер ходатайствовал о малом кресте (впрочем, безуспешно) под предлогом, что на тот момент никто в княжестве не обладал наградой [17. N 244].

Среди награжденных были представители правящих дворов Европы (одним из первых кавалеров большого креста стал Альберт Саксен-Тешенский), отпрыски австро-чешских, венгерских, бельгийских, итальянских аристократических родов, чиновники высшего и, что особенно важно, среднего звена. В числе орденосцев преобладали лица особо приближенные к венскому двору: чешский канцлер граф Йозеф Хотек (1706–1771) и венгерский канцлер Эстерхази, архитекторы внешней политики Австрийского дома в первой половине столетия госсекретарь Иоганн Бартенштайн (1689–1767) и во второй половине XVIII в. государственный канцлер князь Венцель Антон Кауниц (1711–1794), члены Государственного совета Фридрих Биндер (1708–1782), Эгид Борье (1719–1793) и Тобиас Геблер (1720/1722–1786), кабинет-секретари императрицы Корнелий МакНени (ум. 1775) и Йозеф Пихлер. В дальнейшем орденов удостоивались высокое духовенство, дипломаты, губернаторы провинций, профессора юриспруденции, чиновники разных уровней и пр.

Гораздо меньше известен историкам архив ордена, переданный после распада Австро-Венгрии на хранение в Венгерский государственный архив. Именно там находятся прошения о присвоении ордена, в том числе от тех, кто не был удостоен награды. Компактная коллекция второй половины XVIII – первого десятилетия XIX вв. включает в себя 310 прошений от почти двухсот соискателей (некоторые подавали прошения многократно, а также параллельно на имя Марии Терезии и ее соправителя Иосифа II). Там же можно ознакомиться с делопроизводственной документацией. Она довольно лаконична, но все-таки дает некоторое представление о принципах и критериях отбора соискателей. Этот ценнейший проσιοграфический материал до сих пор не становился предметом специальных исследований по социальной или культурной истории и использовался главным образом фалеристами или архонтологами [18. 112–116. old.].

Орден св. Стефана быстро получил второе название – «орден за заслуги». Как писал один из соискателей, барон Кристиан Штегнер, государыня преследовала цель «отметить знаком особой милости тех, кто вперед других снискал заслуги в заботе о благе государства и при несении высочайшей службы» [19. N 192]. Вручая его, венский двор сигнализировал обществу не только о том, кто в данный момент находится «в фаворе», но и какого рода поступки, достижения, заслуги особо ценятся в назидание современникам и потомкам. Дошедшие до наших дней прошения удачливых и менее удачливых просителей, позволяющие – через апелляции к родовым заслугам или скрупулезное перечисление позиций из собственного послужного списка – реконструировать дискурс о заслугах и таксономию коннотаций этого понятия в текстах эпохи.

Во всем многообразии риторических приемов и стилистических особенностей изложения можно выделить четыре аргументационные стратегии.

К первой – самой популярной – относится *соединение собственных заслуг с заслугами предков*, представление себя как их преемника. Набор риторических приемов позволял по-разному расставлять акценты: от нескрываемой гордости за принадлежность к славному роду до напускной скромности (мол, недостойн своих дедов и прадедов) и от скрупулезного перечисления родительских заслуг до утверждения, что «всем они и так ведомы».

Эта стратегия не случайно оказалась самой популярной. Дискурс о суммировании заслуг, можно сказать, был стар, как само дворянство (что есть привилегированное сословие, как не наследование чести?), и получил в XVIII в широкое, повсеместное распространение. Еще в 1729 г. Франц Клемер, испрашивая должность весовщика в соляной конторе, писал, обращаясь к руководству Венгерской казенной палаты: «Ваше высокографское сиятельство и ваши милости заботятся, дабы при назначениях на те или иные казначейские посты всякий раз снисходительное внимание обращалось на тех, чьи отцы и деды снискали заслуги на императорской службе» [8. Fasz. r. Nr. 620. 15 III 1729. Fol. 238r]. В 1750 г. советник этого же ведомства Карой Конкей, прося о зачислении сына в штат, расточал похвалы: «С одной стороны, заслуги родителей по обыкновению переводятся на сыновей, особенно тех, кто, следуя примеру славных своих отцов, стремится отличиться перед августейшим Австрийским домом, с другой стороны, нигде на свете не ведома такая милость, которую мы с восторгом почитаем в сем августейшем доме» [8. Fasz. r. Nr. 824. 30 VI 1750. Fol. 335r]. В 1752 г. юрист Михай Блашковиц, желавший получить должность таможенного инспектора, выражал уверенность: «Отец продолжает жить в своем сыне, и милость ее величества, как и при ее славных предшественниках, распространяет заслуги отцов на пока еще не столь достойных сыновей» [8. Fasz. r. Nr. 837. 18 X 1752. Fol. 224r].

О том, что речь здесь шла не о пустых ожиданиях, свидетельствуют вотумы, подававшиеся государю для принятия окончательного и взвешенного решения. Например, по поводу Габора Копронаи, получившего назначение в одну из таможенных контор, было сказано: «Не только его собственная верная служба, но и добрые заслуги отца дают основания полагать, что он и далее будет приносить пользу в этой должности» [8. Fasz. r. Nr. 838. 7 XI 1752. 264r]. Об Антоне Радле, сыне налогового инспектора, говорилось: «[Рекомендуется] за то, что накопил опыт в сборе тридцатинного налога, за отцовские и собственные, добытые на воинском поприще, заслуги» [8. Fasz. r. Nr. 912. 12 VIII 1761. 226v]. В 1762 г. чиновник Венгерской казенной палаты Карл Мет удостоился замечания: «Как его собственные достоинства, так и (в общей сложности) деда и отца его 60 лет службы требуют вознаграждения в потомстве» [8. Fasz. r. Nr. 926. 2 X 1762. 113v].

К подобному дискурсу охотно прибегали соискатели ордена св. Стефана. Граф Леопольд Коловрат (1727–1809) прямо писал: «Подобно моим предкам, которые

служили светлейшему Австрийскому дому военными и статскими, и моему отцу, прослужившему долгие годы, я сам вот уже 17 лет наслаждаюсь милостью состоять на службе вашего величества» [19. N 97]. В самом деле, отец просителя, граф Филипп Коловрат был одним из первых лиц в Чешском королевстве: носил титул бургграфа, входил в состав комитета земельного ландтага (сословного представительства), возглавлял земельный губерниум (орган исполнительной власти), был кавалером ордена Золотого Руна. Его сын к 37 годам успел послужить в Апелляционной палате, Комиссии мер и весов, Военно-навигационной комиссии, получить должность ассессора в том самом губерниуме, где председательствовал его отец, наконец, стать действительным тайным советником. Прошение Л. Коловрата было удовлетворено, и в 1765 г. его наградили командорским крестом, а в 1772 г., через год после назначения президентом Венской придворной казенной палаты грудь его украсил большой крест.

Президент Главного торгового интендантства Приморья, отпрыск древнего краинского рода граф Адольф Вагенсперг, 20 лет жизни отдавший государевой службе, не получил заветного ордена. Не помогли отсылки к родовому имени: «Я не буду ничего говорить о заслугах моих предков, ибо вашему священнейшему величеству и всему обществу они не безызвестны, семья Вагенспергов прославилась верностью и заслугами, добытыми на протяжении многих веков в плаще воина и тоге государственного мужа⁴» [19. N 151]. Внук губернатора Трансильвании и сам фёйшпан (глава) трех комитатов граф Денеш Банфи (1723–1780) писал: «Я по праву называю себя счастливецом, ибо моя семья уже шесть веков подряд входит в число венгерских магнатов». О себе он скромно замечал: «Мои заслуги, которые я в течение пятнадцати лет снискал на различных государственных должностях, слишком ничтожны, чтобы тешить себя надежной на этот высокий орден» [19. N 136]. Прошение было оставлено без ответа, зато в 1783 г. сразу двое из этого рода – губернатор Трансильвании граф Дёрдь Банфи (1746–1822) и губернский ассессор барон Вольфганг Банфи получили по командорскому кресту.

Мелким дворянам, если они решались просить об ордене, казалось, что отсылки к заслугам – если не предков, то дальних родственников – могут чудесным образом поднять их собственный вес в глазах властей. Скромный капитан Имре Шишкович, чей полк был расквартирован в недавно присоединенной к Габсбургским владениям Галиции, в прошении восклицал: «Я – прирожденный венгр, ношу имя заслуженного перед отечеством генерала [Йозефа] Шишковича и хочу использовать его немалые и общественно признанные заслуги себе во благо» [19. N 238]. Однако заслуги капитана, как многих других подобных ему скромных просителей, были сочтены слишком малыми. Такие петиции откладывались в сторону, и к их рассмотрению никогда более не возвращались. Те, у кого в запасе не было впечатляющего генеалогического древа, действовали по-иному.

Второй по частотности аргументационной стратегией является *апелляция к собственным заслугам*. Позже эту тенденцию превращения заслуг в главный критерий продвижения по службе подметил государственный советник и профессор Венского университета Йозеф Зонненфельс (1732/1733–1817) [20], в будущем – сам кавалер малого креста св. Стефана. В знаменитом учебнике делового стиля он сравнивал старый и новый образец заявления о повышении по службе. Раньше в соответствии с широко распространенной практикой писали: «N.N. скончался / вышел на пенсию – проситель стоит следующим в очереди, исполняет свои обязанности и пр. – посему ходатайствует о назначении на освободившуюся должность». Теперь же рекомендовалось: «Проситель имеет такие-то и такие-то

⁴ Широко распространенная идиома в венгерской латыни раннего Нового времени «*saga togaque*» дословно переводится «в плаще и тоге» и означает, по сути, военную и гражданскую службу. Венгерский историк Л. Хайду лаконично переводил ее «мечом и советом».

заслуги – посему ходатайствует о назначении его на должность, освободившуюся после смерти / выхода на пенсию N.N.» [21. С. 63–64].

Советник Венгерской казенной палаты Антон Котман (ум. 1768) получил малый крест св. Стефана в числе первых – в 1765 г. Сын вестфальца и богемской немки, он приехал в Венгрию около 1740 г., попал в окружение советника Иоганна Антона Дешана, ведавшего соляным делом в королевстве. За свои деньги Котман путешествовал с патроном по Венгрии и Трансильвании, открывал для себя новую страну, постигал секреты профессии, и в 1743 г. попал в штат Венгерской казенной палаты на скромную должность. Через три года он стал секретарем, а в 1750 г., после смерти Дешана, был повышен до советника и унаследовал соляное ведомство. Шестнадцать лет компетентный и исполнительный Котман руководил добычей соли в королевстве, «без насилия или с минимальным его применением» умиротворял волнения православных сербов на юге Венгрии, неустанно пекся о привлечении переселенцев-колонистов и «введении более высокой культуры» в этих полвека, как освобожденных от османов землях [19. № 63]. Детей у него не было, почти все имущество погибло при двух пожарах. В завещании он распорядился с большой осторожностью распродать то небольшое, что останется после его кончины, чтобы на жену не перешли сделанные им при жизни долги. Поскольку чиновник нередко находился в разъездах по казенной надобности, последней волей Котмана было: «Пусть тело мое будет без всякой роскоши погребено в крипте приходской церкви того населенного пункта, где меня застанет смерть» [22].

Власти, буквально заваленные шквалом прошений и повторных прошений о заветной награде, не имели возможности удовлетворить всех достойных соискателей. Советника венской Придворной казенной палаты Иоахима Карла Циглера можно было бы с полным правом отнести к целевой группе, которой адресовался если не сам орден, то призыв служить так, чтобы рассчитывать на награду [19. N 177]. Между тем, Циглеру, в отличие от его более удачливого современника Антона Котмана, не повезло. Прощение же его, составленное с достоинством и обстоятельностью, заслуживает того, чтобы быть рассмотрено подробнее.

15 апреля 1764 г., вскоре после учреждения ордена, Циглер поспешил на аудиенцию у Марии Терезии попросить себе малый крест. Однако и десять лет спустя, в 1775 г., он по-прежнему ожидал этой милости. Его аргументы, как они изложены в двух дошедших до нас прошениях, построены вокруг этапов карьеры и высоких начальников, способных дать ему отменные рекомендации. Послужной список Циглера – пример высокой горизонтальной мобильности чиновничества. Он поступил на службу в 1747 г. ассессором в Обергофмаршалский суд, в 1751 г. получил чин надворного советника, перешел на службу в Казенную палату в Вене, где ведал чеканкой монеты, горным делом в Чехии, Моравии и Силезии, производством железа в Австрии. Кроме того, с 1751 по 1768 г. он заседал в Казначейской комиссии по Темешварскому Банату и Придворной депутации по санитарным вопросам. Наконец, на протяжении 15 лет Циглер был членом Придворной депутации по иллирской нации (ведала делами сербов во владениях Австрийского дома). О своей семье проситель упоминает в самом конце: его род в 1550 г. был возведен в рыцари Священной Римской империи за героическую оборону рубежей Венгрии от османов. Заслуги далеких предков становились еще одной рекомендацией в пользу заслуженного просителя. Не его вина, что для него не нашлось лишней награды.

Те, кому не доставалось ордена, могли тешить себя надеждой, что в обществе, где заслуги накапливались и передавались по наследству, награда достанется кому-то из потомков. Так случилось с бароном Антоном Тадеусом Зумерау (1697–1771) – первым президентом Передней Австрии (группы владений Австрийского дома на юго-западе Германии). Он начинал в 1728 г. в земельном правительстве Верхней Австрии, в 1735 г. перевелся в Вену, в Придворную казенную палату,

в годы войны за австрийское наследство (1740–1748) отвечал за передислокацию войск на баварский фронт, восстанавливал институты габсбургской власти в мятежной Чехии, занимал должность вице-гофканцлера в Инсбруке. В 1749 г. он ненадолго вернулся в Вену, где был занят в Административно-финансовой дирекции. С 1751 г. Зумерау руководил созданием новой территориальной единицы во владениях Австрийского дома – Передней Австрии с центром сначала в Констанце, затем – во Фрайбурге. Свое право на орден он обосновывал верной службой и немалыми поступлениями в казну, которые обеспечивал на всех занимаемых должностях [19. N 27], но был обойден этой милостью. Орден св. Стефана в 1808 г. заслужил его племянник, тоже президент Передней Австрии, Йозеф Тадеус (1749–1817), воспитанный дядей после смерти родителей.

Третью, не самую распространённую, стратегию выбирали аристократы, считавшие достаточным упомянуть свою принадлежность к одному из славнейших родов монархии, т.е. *ограничиться только родовыми заслугами*. Нельзя сказать, что они полностью игнорировали необходимость упомянуть о своих службах и должностях, но делали это вскользь, походя. Князья, герцоги, графы, как никто, прекрасно понимали, что прошение о награде является в известной степени формальностью и государь прекрасно осведомлен, кому и за что полагается вручить очередной орден. Тем более что при распределении орденов нередко учитывалось положение кандидата при дворе. Обергофмейстер и доверенное лицо императрицы граф Иоганн Йозеф Кевенхюллер-Меч (1706–1776), не утруждая себя обоснованием правомерности претензий, писал: «Заслуги предков моих и древность их происхождения, как по отцовской, так и по материнской линии, всем прекрасно известны» [19. N 163]. Граф Габор Эстерхази замечал: «В качестве заслуги могу привести разнообразные и почетнейшие службы, которые на протяжении многих лет предоставляла моя семья августейшему Австрийскому дому» [19. N 13].

Четвертой стратегией была постановка себе в заслугу *близости ко двору*. Не случайно многие использовали аудиенции, личные встречи с монархом для изложения просьбы о награде. Профессор юриспруденции Карл Антон Мартини (1726–1800), преподававший государственно-правовые дисциплины, в том числе естественное право, в Венском университете, в столичных рыцарских академиях, наконец, пятерым сыновьям Марии Терезии, в прошении упоминал: прежде чем подать ходатайство, он лично попросил государыню об ордене и получил милостивое согласие [19. N 114]. Графиня Анна Халлер – дочь любимца императрицы, президента Венгерской казенной палаты Антала Грашшалковича – на приеме по случаю награждения отца большим крестом св. Стефана воспользовалась моментом, чтобы замолвить слово за супруга. Но милостивое согласие Марии Терезии оказалось в данном случае не более чем формальной вежливостью, не имевшей последствий. Барон Карл Ульм, служивший по казенному ведомству в отдаленном Фрайбурге, ходатайствовал об ордене за то, что был в числе приглашенных на прием по случаю предстоящего бракосочетания эрцгерцогини Марии Антонии (1755–793) с французским дофином (будущим королем Людовиком XVI (1774–1789 г.)). В 1772 г. ему действительно вручили орден, но, по всей вероятности, за профессиональную деятельность.

Интересно, что к такому аргументу прибегали не только соискатели ордена. Все, кому волей случая посчастливилось приблизиться к придворному обществу, непременно сообщали об этом в обращениях к властям. Привратник Матиас Вальделивре, прося принять своего сына на службу в Придворную казенную палату, обращался к Марии Терезии со словами: «Я не только сопровождал его величество покойного императора Франца во всех его поездках и походах, но имел счастье лично присутствовать при всех коронациях [...] и мне не нужны никакие аттестаты, ибо лучшим доказательством моего служебного рвения является то,

что я поседел на глазах вашего величества» [23. Fasc. r. Nr. 2142. N 52 ex Nov. 1772. Fol. 798r].

Отпрыск старинного хорватского дворянского рода аббат Дёрдь Маленич в своем прошении объединил все четыре аргументационные стратегии. Предки его служили отечеству в армии, администрации и церкви, избирались депутатами Государственных собраний королевства и проливали кровь за Австрийский дом. Прадед Криштоф сражался в Тридцатилетнюю войну и участвовал в битве при Люцене, в которой погиб шведский король Густав II Адольф (1611–1632 гг.). Дед Дёрдь изгонял османов из Среднего Подунавья под знаменами Священной лиги. Отец Миклош служил в армии, представлял хорватские сословия на Государственных собраниях (в том числе голосовал за ратификацию Прагматической санкции), исполнял обязанности фёйшпана комитатов Загреб и Кёрёш. Сам проситель изучал теологию в Вене и Болонье, пять лет окормлял церковный приход, два года руководил духовной семинарией в Загребе, в 1755 г. был назначен каноником, представлял католический клир на Государственном собрании 1764–1765 гг. Просьбу свою об ордене он мотивировал заслугами предков, многолетней безупречной службой и тем обстоятельством, что в числе депутации хорватского духовенства имел честь присутствовать на бракосочетании императора [19. N 49]. (По всей видимости, речь шла о свадьбе Иосифа II с Марией Йозефой Баварской (1739–1767), состоявшейся в январе 1765 г.) Однако, как и в случае с Иоахимом Циглером, спрос превышал предложение настолько, что на всех орденов не хватало. Не хватило их и для брата Дёрдя Маленича – Шандора Михая (несколькими годами ранее первым в роду получившего баронский титул) [19. № 217].

Подводя итог анализу этой социальной практики можно сказать, что конструирование венским двором причудливой «наследственной меритократии» позволило заложить основы стабильности общественного порядка, закрепить в дворянско-аристократическом сознании такие ценности, как политическая лояльность и служебное рвение. Американский историк Уильям Годси справедливо пишет о том, что габсбургская аристократия создавала различные механизмы регулирования членства в самом узком, самом могущественном слое элиты – придворном обществе (*Hofgesellschaft*). Для отделения себя от других групп социального спектра был придуман ряд механизмов и практик, наиболее важным и эффективным из которых историк считает институт камергерства [24. P. 63]. Орден св. Стефана предназначался членам придворного общества и тем, кого в XIX в. начнут называть «второе общество» (*zweite Gesellschaft*) – служилое и предпринимательское дворянство. Двамя полюсами когорты его кавалеров вплоть до 1918 г. останутся влиятельный вельможа и исполнительный чиновник.

В год основания ордена австрийский дипломат при английском дворе Кристиан Август Зайлерн (1717–1801) просил о кресте под тем предлогом, что стоявшие ниже него в дипломатической иерархии французский и испанский послы уже имеют, соответственно, ордена Св. Духа и Золотого руна. Награждение должно было благотворно сказаться на австро-английских отношениях, ибо свидетельствовало бы о важности, придаваемой в Вене отношениям с Лондоном [19. N 76]. Уже на следующий год дипломат получил командорский, а три года спустя – большой крест. Постепенно орден св. Стефана стал все более напоминать «декорацию», предназначенную не тем, кто «скопил заслуги», но обладателям sinecur, высоким официальным лицам, членам иностранных правящих домов. Кавалерами большого креста в XIX в. стали в 1859 г. персидский шах Насер ад-Дин (1831–1896), в 1864 г. министр-председатель прусского правительства Отто Бисмарк (1815–1898), сыновья российского самодержца Александра II (1856–1881 гг.) – великие князья Алексей (1850–1908), Сергей (1857–1905) и Павел (1860–1919). Последнему в год вручения едва исполнилось 14 лет.

В дальнесрочной перспективе проект насаждения, наряду с родовой меритократией, принципа верховенства индивидуальных заслуг потерпел в обществе старого порядка относительное поражение. Нельзя отрицать наличия вертикальной мобильности в Габсбургской монархии, где внимание к меритократии манифестировалось, помимо прочего, и в награждении за личные заслуги. В то же время, как в конце XIX в. иронизировал в сатирическом романе «Выборы в Венгрии» писатель, публицист, депутат венгерского парламента Кальман Миксат (1847–1910): «В этой стране дворянских титулов и званий и у заслуги свое звание есть: “только”. Только заслуга» [25. С. 155].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николаева Т.М. Введение // Ключи нарратива. М., 2012.
2. Smith J.M. The culture of merit. Nobility, royal service and the making of absolute monarchy in France, 1600–1789. Ann Arbor, 1996.
3. La Vopa A. Grace, Talent and Merit: Poor Students, Clerical Careers and Professional Ideology in Eighteenth-Century Germany. Cambridge, 1988.
4. Klingenstein G. Bemerkungen zur Politischen Situation um 1740 // Im Dienste einer Staatsidee. Künste und Künstler am Wiener Hof um 1740. Wien, 2013.
5. Месарош К. Сагмарский мир 1711 г. и «надежда на русских» // Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I. СПб., 2013.
6. Garms-Cornides E. Funktionäre und Karrieren im Italien Karls VI. // Österreichisches Italien – Italienisches Österreich? Interkulturelle Gemeinsamkeiten und nationale Differenzen vom 18. Jahrhundert bis zum Ende des ersten Weltkrieges. Wien, 1999.
7. Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784 гг. СПб., 2006.
8. Österreichisches Staatsarchiv. Allgemeines Verwaltungs-, Finanz- und Hofkammerarchiv. Hoffinanz Ungarn.
9. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. Családi Levéltárak. Az Eszterházy család tatai és csákvári levéltára. P 197. Familiaria. 20. cs. 67. fasc. М. Эстерхази – Ф. Эстерхази, Вена, 15 III 1753.
10. Österreichisches Staatsarchiv. Allgemeines Verwaltungs-, Finanz- und Hofkammerarchiv. Ungarisches Camerale.
11. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. Magyar Király Helytartótanács Levéltára. Commissio in negotio studiorum. С 67. 81. d. 1777. Universitas Budensis. F. 7.
12. Хаванова О.В. Пострадать от Ракоци... (из истории взаимоотношений венгерских подданных с верховной властью) // Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I. СПб., 2013.
13. Fessel Zsigmond // <http://mek.oszk.hu/03600/03630/html/index.htm>
14. Cerman I. Habsburgischer Adel und Aufklärung. Bildungsverhalten des Wiener Hofadels im 18. Jahrhundert. Stuttgart, 2010.
15. Wienerisches Diarium.
16. Namenverzeichnis der Persönlichkeiten, die in den Jahren 1764–1914 mit dem Königlichen Ungarischen St. Stephan-Orden ausgezeichnet worden sind. Herausgegeben anlässlich der 150 Jahreswende der Gründung dieses Ordens von der Ordenskanzlei. Budapest, 1914.
17. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. Kisebb testületi, egyesületi és intézményi fondok. P 1058. Szent István Rend. Lajstromozott kérvények, 2. d. Ф. Эстерхази – Иосифу II, Вена, 27 X 1783.
18. Pandula A. A Szent István-rend története, különös tekintettel a magyar vonatkozásokra // A Harmadik (Londoni) Magyar Östörténeti Találkozó előadásai és iratai. London, 1988.
19. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. Kisebb testületi, egyesületi és intézményi fondok. P 1058. Szent István Rend. Lajstromozott kérvények. 29. cs.
20. Karstens S. Lehrer – Schriftsteller – Staatsreformer. Die Karriere des Joseph von Sonnenfels (1733–1817), Köln; Weimar; Wien, 2011.
21. Sonnenfels J. von. Über den Geschäftsstyl. Die ersten Grundlinien für anlegende österreichische Kanzleybeamten. Wien, 1820.
22. Österreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Obersthofmarschallamt. Testamente. Kt. 639. 1768/15. Cothmann Anton. 14 VIII 1768.
23. Österreichisches Staatsarchiv. Allgemeines Verwaltungs-, Finanz- und Hofkammerarchiv. Österreichisches Camerale.
24. Godsey W.D., Jr. Quarterings and Kinship: The Social Composition of the Habsburg Aristocracy in the Dualist Era // The Journal of Modern History. 1999 (March). Vol. 71. N 1.
25. Миксат К. Выборы в Венгрии. М., 1965.

© 2014 г. *Ар.А. УЛУНЯН*

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ (СЛУЧАИ «1893 ГОДА» И «1935 ГОДА»)

Автор статьи рассматривает проявившуюся в российско-болгарских отношениях конца XIX в. – первой трети XX в. тенденцию использования дипломатических документов из архивов в политических целях. В центре внимания находится политика Российской империи в отношении Болгарии как в период ее освобождения, так и первых десяти лет после получения ею независимости. В этой дискуссии архивные документы были призваны служить для подтверждения политических позиций как самой Болгарии, так и России/СССР.

The author analyses a tendency in the Russian-Bulgarian relations in the late nineteenth and three first decades of the twentieth centuries, which found its manifestation in the use of diplomatic archival documents in order to attain certain political goal. The article focuses on the policy of the Russian Empire regarding Bulgaria on the eve of her liberation and during the first decades of independence. The archival documents were designed to provide certain sort of justification of political positions both of Bulgaria and Russia/USSR.

Ключевые слова: Болгария, Россия, СССР, Ст. Стамболов, М. Якобсон, Д. Петков, М.А. Хитрово, Задунайская губерния, «археографический инструмент» в политике.

Развернувшаяся в 80-х годах XX в. сначала в германской, а затем и мировой историографии дискуссия по проблеме, приобретшей не только научное, но и общественно-политическое значение [1], и введшей в понятийный аппарат историков и политиков XXI в. термин «историческая политика» [2], не является исключительно новым явлением. Постоянно происходящая переоценка исторического нарратива в рамках национального дискурса, а также в международном гуманитарном пространстве обуславливается объективными причинами. Главными среди них является, во-первых, социально-политические трансформации в соответствующих странах и/или их группах, и, во-вторых, объективный характер дальнейшего развития собственно историко-научных знаний и методологии исторического исследования [3]. Важную роль в данном контексте играет обращение представителей политических и общественных кругов на определенных этапах развития конкретных стран и народов, при внутривнутриполитическом кризисе, осложнении двусторонних межгосударственных отношений, в неблагоприятных международных условиях к аутентичным историческим источникам в виде письменной доку-

Улунян Аргём Акопович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Работа выполнена в рамках гранта Программы Отделения историко-филологических наук Российской академии наук «Нации и государство в мировой истории».

ментальной базы и материально-вещественным артефактам [4]. Такие действия рассчитаны как на внутреннюю, так и внешнюю аудиторию. Они призваны не только легитимировать позиции конкретных политических сил, консолидировать общество или укрепить национальную идентичность, но и продемонстрировать справедливость внешнеполитического курса страны, неправомочность и уязвимость позиций оппонента(ов) на международной арене. Особое место в проведении такой политики занимает обнародование дипломатических документов, не предназначенных для публичного пользования. В определенной степени, данная практика способствует демифологизации исторических знаний, формулируя новую повестку дня внутривосточного национального дискурса, вызывая острую реакцию внутри- и внешнеполитических сил, которые заинтересованы использовать сложившиеся стереотипы в собственных интересах. На протяжении двух последних столетий обнародование ранее конфиденциальных дипломатических документов приобрело широкий масштаб, создав определенную традицию. В балканском историческом нарративе эта практика являлась и продолжает оставаться частью общей тенденции, обладая чертами определенного своеобразия. Наиболее ярким примером, остающимся важным как с точки зрения межгосударственных отношений, так и исследовательско-историографической традиции, является публикация дипломатических материалов о болгаро-русских отношениях. К их числу относятся случаи «1893 года» и «1935 года», когда в княжеской Болгарии и в СССР в разных исторических условиях и по инициативе совершенно различных политических сил были опубликованы подобные издания.

Общественно-политическое развитие в 80–90-е годы XIX в. Княжества Болгария, образованного после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на части болгарских земель национального государственного образования, свидетельствовало о системе взаимоотношений новых государств полуострова с великими державами, складывавшейся с момента обретения независимости Сербией и Грецией. Доминирующее влияние Российской империи на внутривосточную жизнь Болгарии и ее внешнеполитические позиции рассматривались российской стороной как естественное и важное с точки зрения балканского регионального направления имперской внешней политики. Прекращение Временного русского управления в Болгарии 19 мая 1879 г. и передача всей власти в княжестве Александру I Батенбергу, а в Восточной Румелии – ее генерал-губернатору Алеко Богориди, фактически означало признание *de jure* национального суверенитета нового государства. Однако ситуация, складывавшаяся в болгаро-русских отношениях на протяжении 80-х годов XIX в., и особенно после 6 сентября 1885 г., когда было провозглашено объединение Княжества Болгария и Восточной Румелии, свидетельствовала о стремлении Российской империи не допустить никаких самостоятельных действий со стороны Болгарии, способных помешать реализации планов усиления имперского влияния в регионе, имевшем выход на традиционную цель русской внешней политики – Проливы. Фактически российская сторона, активно вмешиваясь во внутренние дела нового государства в различных формах, поставила задачу политического подчинения Болгарии. Среди использовавшихся методов, координировавшихся Азиатским департаментом МИД Российской империи при активном участии Военного ведомства, были организация государственного переворота в Болгарии, подготовка и финансирование подпольной заговорщической деятельности в болгарской армии, организация убийств политических, общественных и военных деятелей княжества. Во время сербско-болгарской войны (14–28 ноября 1885 г.) Российская империя фактически оказалась на одной стороне с Австро-Венгрией, поддержавшей Сербию. Одновременно с российской стороны готовились планы по оккупации Болгарии, однако от них пришлось отказаться из-за противодействия европейских государств. В конечном счете, Россия разорвала в 1886 г. отношения с Болгарией, восстановив их только спустя десять

лет, в 1896 г. Тем временем, отречение от престола болгарского князя Александра I Батенберга и избрание Великим народным собранием 25 июня 1887 г. без российского одобрения новым князем Фердинанда I Саксен-Кобург-Готского, взошедшего на престол 14 августа 1887 г., проходило на фоне жесткого противодействия со стороны Российской империи.

Действия Санкт-Петербурга, как и методы, использовавшиеся российской стороной в отношении Болгарии, не являлись секретом для ее политических кругов. Выдвинувшийся на первое место в политической жизни премьер-министр страны Ст. Стамболов решительно выступил против российского вмешательства во внутренние дела Болгарии. В то же время, уже спустя два года после разрыва 1886 г. он попытался наладить отношения с Россией. Однако Санкт-Петербург выдвинул явно неприемлемые условия [5]¹, что окончательно убедило Стамболова в необходимости избранного курса, направленного на укрепление национального суверенитета и внутренней безопасности Болгарии.

Одним из способов реализации этой задачи стало использование документально подтверждаемых фактов враждебных действий российской стороны. Еще в 80-е годы XIX в. эта тема активно поднималась на страницах ряда изданий, особое место среди которых занимала издававшаяся с сентября 1882 г. по март 1885 г. известным политическим и общественным деятелем, героем русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Димитром Петковым газета «Свирка» («Свисток»), а затем его же газета «Независима България» (сентябрь 1886 – июль 1887 г.). Являясь одним из ближайших сподвижников Стамболова, Петков был также постоянным автором партийного органа – газеты «Свобода». На протяжении 1888–1893 гг. он занимал должность кмета г. Софии, а в 1892–1893 гг. стал председателем Великого народного собрания. В 1893–1894 гг. Петков был членом правительства.

Разрыв русско-болгарских отношений в 1886 г. сопровождался эвакуацией русских дипломатических учреждений и их архивов в Россию. Ответственность за сохранность одного из них – архива русского консульства в Русе (Руссучке) была возложена на переводчика этого учреждения М. Якобсона, находившегося там до 1889 г. до перевода на должность переводчика русского посольства в Бухаресте. Являясь одной из ключевых фигур в реализации секретных операций Азиатского департамента российского МИДа Болгарии, он обладал детальной информацией о подготовке российской стороной подрывной работы против болгарских властей внутри страны, финансировании конкретных антиправительственных болгарских организаций и их руководителей, а также планировании Россией террористических актов против болгарских государственных деятелей. Находясь в Румынии, М. Якобсон был одним из координаторов этой деятельности. Однако по мере того, как ухудшались его отношения с непосредственным начальником – чрезвычайным посланником и полномочным министром Российской империи в Румынии М.А. Хитрово, которого Якобсон фактически обвинил в растрате и присвоении государственных средств, отпускаясь на подрывную работу в Болгарии, последний все больше склонялся к мысли о разрыве отношений с МИДом. Он решил начать свою «собственную войну» и частично изъяс, а также скопировал ряд документов, относящиеся к «болгарской теме», из архивов руссенского консульства. Эти материалы содержали информацию о тайных действиях российского МИДа в отношении Болгарии как внутри этой страны, так и в других Балканских государствах. Попытки Якобсона передать документы румынским властям не увенчались успехом [6], так как те не желали быть втянутыми в русско-болгарский конфликт и осложнять отношения с Российской империей. Содержание материалов было крайне чувствительным для российских властей: они фактиче-

¹ Письмо Ст. Стамболова директору Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьеву от 25 февраля 1888 г. и ответ последнего [5. С. 48–50].

ски доказывали, что за всеми действиями болгарской политической оппозиции, включая армию, стоял Санкт-Петербург. Произошедшее стало главной причиной быстрого отзыва весной 1891 г. Хитрово из Румынии и его назначение посланником в Португалию.

Бежавший из Бухареста Якобсон сначала переправился в Великобританию. Здесь его предложение опубликовать имевшиеся у него документы так же не было принято: британские власти не желали открыто конфликтовать с Санкт-Петербургом в момент, когда решалась судьба разграничения влияния двух империй в Афганистане, Иране и Центральной Азии. В 1892 г. по подложному паспорту Якобсон прибыл в Болгарию и передал (по другой версии – продал за 3 тыс. франков вместо ранее обещанных ему 10 тыс.) [7] свои записи болгарским властям. В этой операции принимал участие и уже упоминавшийся Д. Петков. Российские власти требовали экстрадиции беглеца, но правительство Стамболова скрывало его в Болгарии, где он оказывал помощь болгарским властям в выявлении агентов российского правительства и предоставлял документальные доказательства, легшие в основу ряда судебных приговоров тем, кто участвовал в попытке захвата власти («Дело Паницы»)². На протяжении достаточно долгого времени он оставался в Болгарии, а затем прибыл в Сербию. Однако в Белграде Якобсон был арестован по запросу российских властей, но не выдан им, хотя имевшиеся в его распоряжении документы и были переданы сербским правительством российской стороне. В 1895 г. он переселился в Будапешт.

Летом 1892 г. проправительственная газета «Свобода» опубликовала материалы Якобсона, начав с тех из них, которые касались тайной финансовой поддержки отдельных болгарских политиков российскими властями, а также организации политических убийств и подрывной работы в армии, провоцировании мятежей в Болгарии и планов ее превращения в составную часть Российской империи. Вместе с изданной в 1892 г. одним из «стамболистов», известным юристом Гендо Цукевым, книгой о заговоре и подготовке убийства князя Фердинанда I, премьер-министра Ст. Стамболова и совершении убийства министра финансов Хр. Белчева во время неудавшегося покушения на Стамболова [9], эти документы стали серьезным аргументом, оправдывавшим действия правительства в отношении Российской империи. Зарубежная европейская пресса достаточно активно публиковала изданные «Свободой» документы. Помимо газет Австро-Венгрии и Германии, государств, поддерживавших Стамболова, тема российских тайных операций оказалась в центре внимания и британской (как лондонской, так и региональной) прессы [10], которая теперь могла публиковать эти документы со ссылками на болгарские газеты, а не на архив, предлагавшийся ранее Якобсоном британским властям. В 1893 г. записи М. Якобсона с предисловием Д. Петкова были изданы на русском языке без перевода на болгарский в виде отдельной книги под названием «Оккупационный фонд, основанный для устройства Русско-Дунайской области. Документы из секретных архивов русского правительства» [11].

В кратком введении к сборнику Петков подчеркивал, что документы аутентичны и демонстрируют реальное отношение Российской империи к Болгарии, ее подлинные цели и мотивы действий. Один из материалов, приводившийся в сборнике и касавшийся непосредственно планов Российской империи относительно оккупации ею Болгарии, с последующим превращением ее в имперскую «Задунайскую губернию», был особенно красноречив в этом отношении. Как данный материал, так и другие, содержащиеся в книге, были серьезно восприняты общественностью Болгарии, породив, однако, подозрения в фальсификации настоящих

² См. информацию, опубликованную известным специалистом по Востоку и Балканам, британским дипломатом и журналистом, являвшимся очевидцем событий, Арденом Джорджем Хум Биманом [8. P. 164].

российских дипломатических документов. Во многом это было обусловлено тем, что Якобсон, передавший бумаги болгарским властям, делал копии с подлинников, а в ряде случаев, как это было с так называемым Оккупационным фондом, воспроизводил по памяти содержание документов.

Обнародование правительством Княжества Болгария секретных консульских и посольских депеш, дипломатической переписки МИДа Российской империи по «болгарскому вопросу» стало серьезным ударом для Санкт-Петербурга и преследовало цель пресечь его дальнейшее вмешательство во внутриболгарские дела. Одновременно ставилась задача изоляции тех болгарских политических и общественных фигур, деятельность которых направлялась и финансировалась российскими властями. Параллельное издание этих документов на немецком и французском языках было рассчитано на внешнюю аудиторию – политические круги европейских государств и общественное мнение. Болгарское правительство не ошиблось, ожидая соответствующую реакцию, нашедшую отражение в европейской прессе. Российским властям пришлось оправдываться на дипломатическом уровне. Так, в частности, германский посол в Вене Генрих VII принц Рёйсс цу Кёстриц сообщил 1 мая 1893 г. германскому канцлеру Лео фон Каприви, что во время беседы с бывшим министром иностранных дел Австро-Венгрии графом Густавом Кальноки действующий глава российского МИДа Н.К. Гирс «по собственной инициативе начал говорить о недавней публикации [документов] в Софии. Граф Кальноки был очень удивлен, услышав, что его собеседник не обсуждал подлинности ряда документов, опубликованных там. Он [Гирс] был вынужден признать, что несколько писем, к сожалению, были написаны чиновниками российского Министерства иностранных дел, но без его осведомленности в этом деле и согласия, и он был вынужден снять с себя ответственность за это. Однако многие документы [по заявлению Гирса] являются подделкой» [12. S. 435]. Дискуссия о подлинности представленных документов вновь активизировалась уже в 50-х годах XX в. в кругах американских славистов, разделив их как на сторонников, так и противников аутентичности данных материалов [13].

После публикации в Болгарии аналогичное издание (репринт) на русском языке появилось в Берлине [14], а затем там же и в тот же год – перевод на немецкий и французский языки, сделанные Р. Леоновым [15]. Примечательным фактом было обращение к изданному в 1893 г. в Болгарии сборнику документов постоянных и жестких критиков российской имперской внешней политики из числа российских социал-демократов. Под редакцией одного из них – В.С. Лаврова и с его предисловием этот сборник был опубликован сначала в Берлине (1904), а затем Женеве (1906) под названием «Тайные документы восточной политики царского правительства (1881–1890)» [16]³. Смысл публикации и ее цель не оставляли сомнений. Уже в предисловии к изданию его автор заявлял о том, что «регистрация преступлений царизма недостаточно полно ведется не только в подцензурной печати, несмотря на всю красноречивость одних голых фактов, но и в памяти революционных слоев населения; она должна быть закреплена нелегальной прессой. Небезынтересно, поэтому, приподнять край завесы с того уголка политической арены русского царизма, который был неистощимым амбаром идеалистической лжи нашего правительства в области пресловутой “восточной политики”, инспирируемой, якобы, гуманнейшими побуждениями братской любви к угнетенным славянским народностям» [18. С. 3–4].

В самой Болгарии, где публикация документов стала сенсацией года и ударом по престижу ряда известных политиков, была предпринята попытка если не минимизировать влияние обнародованных сведений на общественное мнение страны, то хотя бы объяснить причину действий Российской империи и цели, преследовав-

³ Лавров Владимир Степанович, псевдонимы: П.С., К.Д., Стрельский, П., P.S. (см. в [17. С. 267]).

шиеся инициаторами появления сборника материалов. Самой первой по времени и наиболее подробной по содержанию работой подобного рода стала оформленная как ответ Петкову брошюра под названием «Открытое письмо» Пандели Кисимова – известного политического и общественного деятеля, участника национально-освободительной борьбы 50–70-х годов XIX в. Он был одним из основателей Болгарского тайного центрального комитета (БТЦК), автором петиции, адресованной в 1867 г. султану Абдул Азизу с проектом создания двуединого болгаро-турецкого государства по примеру Австро-Венгрии, одним из критиков Л. и П. Каравеловых, а в годы пребывания Стамболова на посту премьера – эмигранта в Бухаресте [19]. Жесткие действия главы правительства, к которому был близок издатель «Документов из секретного архива» Петков, нашла выражение в крайне негативной оценке Кисимовой ситуации в Болгарии: «Одним словом, все в ваших руках, и Вы можете делать все: арестовывать, судить, наказывать даже и без суда, воровать, когда Господь спит, или когда ходит в исподнем («ходи по бели гащи» дословно значит по-русски «ходит в кальсонах». – А.У.) (ваше литературное выражение), интернировать, экстернировать и убивать невинных людей (ваша исповедь «Свобода» 17 июля 1892)» [19. С. 2]. Весьма примечательным было обращение автора «Открытого письма» к использованному Петковым во введении к сборнику стилю изложения и использованию простонародного, явно не подходящего подобного рода изданию, выражению «ходи по бели гащи». Ссылка на него, судя по всему, была намеком на широко известную болгарскую поговорку «на чужди гащи учгур не ставай» (дословно: «не будь ремнем на чужих штанах»), т.е. «не будь затычкой в каждой бочке», или в более литературной форме и в данном случае: «не играй в чужие игры». Сама характеристика издания была дана автором «Открытого письма» в довольно резкой форме: «И мнение мое таково: Ваша книга, позвольте мне высказаться, используя Ваш литературный язык и коротко, скверно пахнет (в тексте – «мириши на козе месо», дословно – «смердит козлицем». – А.У.)» [19. С. 4]. Особое неприятие у П. Кисимова вызвал документ, помещенный в начале публикации, занимавший его первые 59 страниц, и называвшийся «Оккупационный фонд, основанный в 1879 году из остатков приходнорасходных сумм Управления императорского комиссара в Болгарии». Он рассматривался автором «Открытого письма» как составленный исключительно лично М. Якобсоном с использованием сомнительных по своей аутентичности документов из «архивов гражданского управления» и «секретных архивов действующей армии» [19. С. 5].

Жесткой критике была подвергнута и сама идея разделения болгарского общества на тех, кто искренне сражался против Османской империи во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – молодежи и интеллигенции – и тех, кто пытался использовать войну в своих целях – представителей высших слоев болгарского общества, к числу которых относились крупные торговцы и землевладельцы, объединенные в «класс чорбаджиев». Последние оценивались Якобсоном как готовые на замену османского господства российским и «превращение Болгарии в русскую губернию». Как данный тезис, так и связанный с ним о подозрительном отношении революционного крыла болгарского национально-освободительного движения к политике Российской империи в отношении Болгарии и в целом к Балканам, предупреждало о ее захватнических планах, вызывало серьезные возражения П. Кисимова. Прежде всего, он отверг подобное разделение, так как, по его словам, практически все болгары приветствовали действия России по освобождению страны и представители различных слоев участвовали в различной форме в борьбе против османского господства. Кисимов напомнил Петкову, что те, кого поддерживает редактор «Свободы» – сам премьер-министр Стамболов и многие другие представители «класса чорбаджиев», принимали активное участие в снабжении русских войск. Поэтому обвинения этого слоя болгарского общества в стремлении к наживе и недобросовестности, выдвигаемые Якобсоном, таким

образом, означают согласие Петкова с подобной оценкой его же коллег по политическому лагерю.

Выдвижение на первое место среди тех, кто изначально с подозрением и негативно относился к политике России в отношении Болгарии – революционного крыла болгарского национально-освободительного движения⁴ так же вызывало критику Кисимова, отмечавшего, что подобную позицию занимали и отдельные представители политического класса, ставшие впоследствии известными в истории как консерваторы [19. С. 6–7]. Истоки подобного отношения к чорбаджийству относились, как отмечал автор открытого письма, к оценке этого слоя Любеном Каравеловым, что являлось по словам Кисимова, «порождением его ненависти в отношении чорбаджиев во время турок». Разделение болгарского общества Якобсоном по этому принципу рассматривалось автором как имеющее политическую цель и фактически ставящее издателя сборника документов сомнительной подлинности – Д. Петкова – в исключительно неловкое положение, так как именно те, кого Якобсон обвинял в предательстве интересов Болгарии, как писал Кисимов, обращаясь к своему оппоненту, были «людьми, которые и сейчас около Вас как политические друзья и единомышленники» [19. С. 8]. Не меньшую критику со стороны Кисимова заслужила публикация сомнительных по происхождению и подозрительных по содержанию документов, которые не признавались им в большинстве случаев подлинными [19. С. 19].

Дискуссия о роли и месте Российской империи в политической судьбе Болгарии после Освобождения, тем не менее, продолжалась. Однако основным жанром вышедших после 1893 г. изданий были публицистические произведения, хотя и с привлечением опубликованных исторических источников, авторы которых принадлежали к разным политическим лагерям. Их точка зрения варьировалась от попыток представить позицию России как сформулированную объективными обстоятельствами самой природы международных отношений последней четверти XIX в. [21] до утверждений, базировавшихся на тезисах имманентности имперских устремлений России и присущему ей исторически общественно-политическому строю [22].

Примечательными и в определенной степени символичными были условия, в которых шло восстановление русско-болгарских отношений. Смерть в ноябре 1894 г. Александра III – непримиримого противника болгарского князя Фердинанда и восшествие на престол Николая II, гибель спустя три дня после покушения 3/15 июля 1895 г. находившегося уже в опале бывшего премьера Болгарии Ст. Стамболова, наконец смерть М. Якобсона 27 марта 1896 г. в Будапеште, за которой последовала смерть 30 июня/12 июля 1896 г. его врага и бывшего начальника М.А. Хитрово, занимавшего уже пост посла Российской империи в Японии – все эти события символизировали уход с политической арены основных участников российско-болгарского конфликта.

Восстановление дипломатических отношений между Российской империей и Болгарией в 1896 г. сопровождалось обращением властей двух государств к историческим архивам, публикация материалов из которых имела не только и не столько научное, сколько политическое значение. Одним из первых в Болгарии на тот момент вышел сборник документов, изданный в 1905 г. Министерством народного просвещения Болгарии. Ему было предпослано большое предисловие статского советника Муратова – бывшего чиновника администрации комиссара русской администрации в Болгарии. Это был 400-страничный том на русском языке и с названием на болгарском языке «Документы о деятельности русских по созданию гражданского управления в Болгарии 1877–1879 гг.» [23]. В отли-

⁴ Об отношении в болгарском обществе в конце XIX в. к отдельным политическим и общественным деятелям-участникам национально-освободительной борьбы см. [20].

чие от опубликованного еще в 1881 г. Ст. Бобчевым – известным общественным деятелем, занимавшим в период правления Либеральной партии В. Радославова пост министра юстиции, сборника «Русско-турецкая война по неизданным документам» [24]⁵, эта публикация носила системный характер и включала большое введение, имевшее явно просматривавшийся интерпретационный характер.

В Российской империи с 1898 г. началась публикация архивных материалов в виде многотомных изданий и серий: «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» [25], «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–1878 гг.» [26] и «Русское управление в Болгарии 1877–78–79» [27]. Практически все эти издания содержали документы, относящиеся к периоду русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и кратко к периоду после нее, но не касались драматических событий последующих лет и особенно русско-болгарского разрыва 1886–1896 гг. Особое внимание обращалось на российскую внешнюю политику по вопросу Проливов, так как именно данное направление было тесно связано с «болгарскими делами» на протяжении долгого времени [28]. Фактически эти издания были призваны составить общедоступную документальную базу и подтвердить на основе подобранных чиновниками Российской империи материалов из российских архивов официально сформулированную еще в 70-е годы XIX в. позицию по российской политике в Болгарии и на Балканах. В определенной степени они становились инструментом внешнеполитической «контрпропаганды» и могли расцениваться как ответ на публикацию нашумевшего сборника под редакцией Петкова, содержащего материалы, предоставленные Якобсоном. «Археографическое» противоборство становилось частью внешнеполитического курса Российской империи, но не являлось чем-то исключительным, как показали следовавшие накануне Балканских войн и после Первой мировой войны публикации внешнеполитических документов, предпринятые как европейскими державами, так и советской Россией в виде многотомных серий.

Одним из первых обращений к теме российской имперской политики в Болгарии в последние десятилетия XIX в. стало переиздание в 1917 г. уже упоминавшейся книги В.С. Лаврова. Значимость «археографического оружия» как внешнеполитического средства рассматривалась большевистским руководством достаточно серьезно. Свидетельством этому может служить приводившееся очевидцами событий высказывание первого народного комиссара по иностранным делам Л. Троцкого, якобы заявлявшего о том, что «дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку» (цит. по [29. С. 99–100]). Однако если на первом этапе предполагалось печатать документы, относившиеся к периоду Первой мировой войны, позже тематика и хронологические рамки планировавшихся к обнародованию архивных документов были расширены. В то же время уже на этом этапе начинает выявляться один из парадоксов, имевших в дальнейшем непосредственное отношение и к проблеме использования «археографического» инструмента в советской внешней политике. Его суть заключалась в том, что «к началу 1920-х гг. в процессе распространения информации обозначились две противоположные тенденции, основанные на большевистском понимании политической целесообразности и государственной тайны: с одной стороны, публиковались документы царского правительства, источники по истории революционного движения, открывались закрытые до революции архивы и фонды; с другой – вырабатывалось понимание секретности политически значимых материалов» [31. С. 234–235]. Провозглашенный официально большевистским правительством России курс на всемирную революцию и создание в Москве в 1919 г. Коммунистического

⁵ В том же году была опубликована и его другая книга «Хроника на Руско-турската война» (Сливен, 1881).

Интернационала – международного объединения, ставившего своей целью координацию и организацию подобных действий⁶ сопровождался широкой идеологической кампанией по «разоблачению мирового империализма». В формировавшейся советской исторической школе, которая должна была стать противопоставлением «буржуазно-дворянской историографии», изучение, а точнее – объяснение исторических событий, включая и те из них, которые относились к международной жизни, велось на основе жесткого неприятия и осуждения с позиций социального детерминизма внешнеполитических действий великих держав как в прошлом, так и настоящем. Характеристика внешней политики Российской империи давалась в резко критическом стиле, и ее действия оценивались как захватнические с социально-классовой и национально-территориальной точек зрения. Ведущую роль в формулировании этого подхода играл историк М.Н. Покровский, занимавший в 1917–1932 г. пост заместителя наркома просвещения РСФСР, и являвшийся, помимо всего прочего, инициатором так называемых чисток научного гуманитарного сообщества СССР [33]. Весьма примечательным в данном контексте была характеристика данная им предыдущим поколениям историков: «История, писавшаяся этими господами, ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет» [34. С. 5–6]. В то же время, в первой половине 1920-х годов и применительно к балканскому направлению на уровне конкретной политики, хотя и в атмосфере строжайшей секретности, в среде советского руководства делались вполне очевидные ссылки на возможность возвращения к политике Российской империи, но уже с «революционным» содержанием». Об этом говорил секретарь Коминтерна Д. Мануильский на Втором заседании VII конференции Балканской коммунистической федерации 9 июня 1924 г.: «Нам, может быть, придется перейти к традиционной политике старого царского времени, когда Россия вела более активную политику на Балканах. Если у нас будет перспектива революции на Балканах, то мы должны со своей стороны, занять в балканском вопросе позицию более активной политики» [35. Л. 98]. Обращение к коминтерновскому аспекту «археографического инструмента» советской внешней политики в данном случае не случайно, и объясняется тем, что именно здесь как общевосточная, так и конкретная болгарская тематика обсуждалась среди представителей соответствующих коммунистических партий региона. Они были достаточно хорошо знакомы с национальной спецификой государств полуострова. Тема внешней политики Российской империи не являлась предметом отдельных обсуждений, но незримо присутствовала в контексте разработки стратегии и тактики самого Коминтерна, постепенно становившегося неофициальным внешнеполитическим институтом СССР. Однако если в конфиденциальной обстановке и делались какие-либо ссылки на необходимость использования российского имперского внешнеполитического опыта, то на уровне публичной политики и в официальной пропаганде об этом не могло быть и речи. Более того, подобные аналогии принципиально избегались со ссылками, как это делал в 1927 г. представитель венгерской компартии Б. Кун, на «любителей исторических уподоблений, ждавших повторения балканских войн в качестве преддверия к войне всемирной» [36. С. 21]. Примечательным фактом в данном контексте становилась характеристика, дававшаяся представителями болгарской компартии внешней политике Российской империи в Балканском регионе и Средиземноморье. Парадокс сложившейся ситуации заключался в том, что «болгарские (“тесные”) социалисты были большевизированы и абсолютно просоветски настроены после Октябрьской революции, но их отношение продолжало оставаться жестко “русофобским”, то есть, против политики царской России в Болгарии» [37. Р. 22]. Это нашло отражение в оценке Х. Кабакчива – одного из высших руководителей БКП, находившихся в эмиграции в СССР и работавших в

⁶ См. подробнее об особенностях стратегии и тактики Коминтерна по данному вопросу [32].

Коминтерне (он также был сотрудником Института марксизма-ленинизма и созданного в 1936 г. Института истории АН СССР), писавшего в 1928 г. о том, что царская Россия «прикрываясь маской “освободительницы” славян от турецкого ига, преследовала свои давнишние цели – завладеть Балканами, Царьградом и Дарданеллами» [38. С. 103]. Это было отражением общей тенденции, складывавшейся не только в целом в советской историографии, но и в неугодном советским властям в тот период славяноведении: «Большинству немногих “официальных” публикаций и выступлений 1920–1930-х годов по славянской проблематике было свойственно множество передержек, они носили в основном поверхностно-пропагандистский характер и были далеки от научной корректности. Одна из тогдашних установочных статей М.Н. Покровского, который занимал в то время положение главного советского историка, называлась без обиняков – “Панславизм на службе империализма” (1927). Доклад “Славяноведение на службе самодержавия”, прочитанный в 1933 г. в Институте славяноведения его ученым секретарем В.Н. Корблевым (до революции 1917 г. – помощником редактора “Правительственного вестника”), был посвящен деятельности одного из основоположников этой науки в России, весьма консервативного академика В.И. Ламанского. При этом зачастую неоправданно отождествлялись такие разные исторические явления, как славянофильство и панславизм, а исследования по истории славянских народов рассматривались как пропаганда “славянской взаимности”» [39. С. 90–91].

На протяжении первой половины 30-х годов XX в. создавалось впечатление о все еще продолжавшемся господстве в советской историографии российской и зарубежной истории взглядов М.Н. Покровского. Частью их оценочных критериев была характеристика внешней политики Российской империи как завоевательной и колониальной. Особенности внутриполитического развития большинства балканских государств, где на протяжении десятилетия 1925–1935 гг. прошла череда кризисов, приведших к установлению авторитарных режимов, а также изменения в региональном сегменте международных отношений, проявившихся в создании в 1934 г. Балканской Антанты при участии Греции, Румынии, Турции и Югославии, но без оказавшейся в изоляции Болгарии, повлияли на активизацию «болгарской тематики» в СССР как на политическом, так и научном уровнях. Первой документальной публикацией в СССР, возвращавшей к теме русской имперской политики в Болгарии, была статья Панайота Топалова – болгарского коммуниста-эмигранта в СССР и сотрудника АН СССР, использовавшего псевдоним «П. Павлович». Она появилась в июньском (1933) номере журнала «Борьба классов», являвшемся официальным печатным органом Общества историков-марксистов и редактировавшемся в это время Б.М. Волиным (И.Е. Фрадковым), занимавшим на протяжении 1931–1935 гг. пост начальника советской цензуры – Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита). Содержание статьи, называвшейся «Авантюры русского царизма в Болгарии в 80-х и 90-х годах», было во многом близко опубликованному в 1893 г. в Болгарии сборнику документов. Однако, судя по всему, ее появление ставило задачу не столько подкрепление болгарской версии конца XIX в. действий Российской империи в отношении Болгарии, сколько демонстрацию отказа СССР от подобной практики в отношении Софии в новых условиях межвоенного периода. Неустойчивость политической ситуации в Болгарии; ее изоляция от других Балканских государств, стремившихся создать военный союз без ее участия; возможность усиления влияния на нее со стороны одной или нескольких великих держав; заинтересованность Москвы в установлении дипломатических связей с Софией – таковы, вероятнее всего, были причины появления статьи «П. Павловича» в журнале «Борьба классов», призванной стать сигналом и для болгарских властей. С точки зрения руководства БКП ее публикация была важна с пропагандистской и идеологической точек зрения, так как подчеркивала в расчете на болгарскую аудиторию (создавалась возможность помещения ее в

болгарской прессе) приверженность компартии идее национального суверенитета страны. Таким образом, «ахеографический» инструмент внешней и партийной политики был призван сыграть важную роль.

Характеристики и оценки внешней и внутренней политики Российской империи, во многом ассоциировавшиеся с именем М.Н. Покровского, содержащиеся в публикации П. Топалова в отношении Болгарии, не отличались от тех, которые давались советскими историками и по другим проблемам. Однако казавшиеся на первый взгляд незыблемыми тезисы к середине 30-х годов XX в. начали постепенно подвергаться, пока и в мягкой форме, критике высшего партийного руководства, прежде всего лично И. Сталина. Первым знаковым явлением стало появление в официальном печатном органе ЦК ВКП(б) журнале «Большевик» (1934, № 9) материала под названием «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”». Письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б). 19 июля 1934 года»⁷. В ней обосновывались причины, по которым работу Энгельса (где содержалась достаточно жесткая критика внешней политики Российской империи) нельзя было публиковать «в ближайшем номере “Большевика”». Основными положениями Сталина были следующие. Во-первых, как он писал, «характеризуя завоевательную политику русского царизма и воздая должное мерзостям этой политики, Энгельс объясняет ее не столько “потребностью” военно-феодално-купеческой верхушки России в выходах к морям, морским портам, в расширении внешней торговли и овладении стратегическими пунктами, сколько тем, что во главе внешней политики России стояла якобы всемогущая и очень талантливая шайка иностранных авантюристов, которой везло почему-то везде и во всем, которой удивительным образом удавалось преодолевать все и всякие препятствия на пути к своей авантюристической цели, которая удивительно ловко надуwała всех европейских правителей и добилась, наконец, того, что сделало Россию самым могучим в военном отношении государством» [41. С. 18–19]. Во-вторых, заявлялось о том, что «завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща – не в меньшей, если не в большей степени – королям и дипломатам всех стран Европы, в том числе такому императору буржуазной формации, как Наполеон, который, несмотря на свое нецарское происхождение, с успехом практиковал в своей внешней политике и интриги, и обман, и вероломство, и лесть, и зверства, и подкупы, и убийства, и поджоги» [41. С.20]. В-третьих, Сталин указывал на «переоценку стремления России к Константинополю в деле назревания мировой войны» и «роли царской власти как “последней твердыни общеевропейской реакции” (слова Энгельса). Что царская власть в России была могучей твердыней общеевропейской (а также азиатской) реакции – в этом не может быть сомнения. Но чтобы она была последней твердыней этой реакции – в этом позволительно сомневаться» [41. С. 21–22]. Образ мыслей главы советского режима объяснялся, помимо всего прочего, и еще одним моментом. Он, в частности, сам указывал на него: «Характерно, что в своих письмах на имя Бебеля, писанных в 1891 году (через год после опубликования статьи Энгельса), где трактуется о перспективах надвигающейся войны, Энгельс прямо говорит, что “победа Германии есть, стало быть, победа революции”, что “если Россия начнет войну, – вперед на русских и их союзников, кто бы они ни были!”. Понятно, что при таком ходе мыслей не остается места для революционного поражения, для ленинской политики превращения империалистической войны в войну гражданскую» [41. С. 22–23].

Появление статьи Сталина было лишь первым признаком начавших меняться оценок внутренней и внешней политики Российской империи, но являлось до-

⁷ Подробнее об оценках И. Сталиным подходов Ф. Энгельса к российской проблематике см. [40].

статочно симптоматичным. Однако он не относился к характеристике российской внешней политики в Болгарии в конце XIX в. Нестабильная политическая ситуация в 1933 г., когда был раскрыт заговор, в котором планировалось участие нескольких гарнизонов в основных городах Болгарии, а затем государственный переворот 19 мая 1934 г., совершенный тайной офицерской организацией «Венная лига» и политической группировкой «Звено», давали основания руководству СССР надеяться на выгодное для них развитие ситуации в этой стране. Приход к власти правительства К. Георгиева, который был инициатором восстановления дипломатических отношений с СССР (1934) рассматривались Москвой как важный шаг в сторону усиления советского влияния в Болгарии. Однако отстранение от власти кабинета Георгиева 21 января 1935 г. царем Борисом III и установление его авторитарного правления стало серьезным ударом для Москвы, имевшей тесные отношения со свергнутым премьером. Укрепление позиций болгарского монарха оценивалось в Москве с точки зрения сохранения советско-болгарских отношений. В расчет брался и тот факт, что царь Борис являлся сыном Фердинанда I (до 1908 г. князя, а затем царя Болгарии), в первые годы правления которого Российская империя, не признавшая его главой государства, организовывала в Болгарии мятежи, политические убийства, покушения на самого монарха и членов кабинета министров, что и инициировало публикацию в 1893 г. небезызвестного «сборника Якобсона».

Выход в свет в начале 1936 г. (его издание официально датируется 1935, но лишь в декабре он был подписан в печать) сборника документов «Авантюры русского царизма в Болгарии», охватывавшего период с 1885 по 1896 г. и включавшего 182 документа из архивов МИДа Российской империи стало, в данной связи, знаковым событием. Название сборника повторяло название статьи П. Топалова, опубликованной в 1933 г., а сам автор значился под уже упоминавшимся псевдонимом составителем всего издания и автором введения. Предисловие и послесловие к изданию были соответственно написаны одним из руководителей БКП и Коминтерна, находившимся в СССР В. Коларовым и историком А.Л. Поповым, специализировавшимся по проблемам международных отношений. Судя по всему, подготовка к изданию как самих небольших документов из архива МИДа, так и их фрагментов велась еще с 1933 г., когда под одноименным названием появилась публикация П. Топалова в «Борьбе классов».

Точка зрения В. Коларова, ссылавшегося на то, что «советская историческая наука недостаточно осветила политику экспансии царского правительства на Балканах», заключалась в том, что «экономические и торговые связи с первых дней существования молодого государства создали и в Болгарии сильное западнофильское течение, на базе которого образовалась прогрессивная антирусская партия под водительством Стамбулова. Этой партии удалось поднять прогрессивные силы народа и устоять победоносно против козней и ударов царского правительства» [42. С. IV]. В свою очередь, основными постулатами П. Топалова были следующие. Во-первых, утверждалось, что «создание “независимого” болгарского княжества должно было служить лишь прикрытием и этапом к захвату Россией подступов к Константинополю на западном берегу Черного моря» [42. С. VII]. Во-вторых, Топалов подчеркивал, что ряд статей Берлинского трактата создавали «возможность использовать пребывание [русских войск] в Болгарии для превращения временной оккупации в постоянную, а самой Болгарии в Задунайскую губернию [...] Овладение Болгарией должно было быть произведено “незаметным образом” и притом так, что это было “осуществлением желаний” самого болгарского народа» [42. С. VII]. Это порождало, по словам автора введения, необходимость «поисков царизмом нужной ему болгарской “общественности”» [42. С. VII]. В-третьих, прибегая к социальному детерминизму как методу анализа внутривосточной и социально-экономической ситуации в Болгарии после освобождения, Топалов

выдвинул тезис, в соответствии с которым «консерваторы, защищавшие интересы старых крупных землевладельцев, чорбаджиев и ростовщиков, стремившихся к реставрации феодально-крепостнических отношений, стоявшие за неограниченную монархию с аристократическими учреждениями, были партией реакции. Либералы, представлявшие на данном этапе не только интересы зарождающейся промышленной буржуазии, но и интересы крестьян и ремесленников в их борьбе против феодально-помещичьей реставрации, отстаивали конституционно-демократические порядки в государстве» [42. С. IX]. В-четвертых, автор особо отмечал роль болгарской армии в российских имперских планах осуществления контроля над Болгарией [42. С. IX]. Наконец, сама характеристика тех, кто выступил против планов Российской империи в Болгарии, в частности из числа руководителей Либеральной партии (Д. Цанкова и П. Каравелова), делалась, прежде всего, с упором на то, что издававшаяся последним в Восточной Румелии газета «Независимость» развернула «страстную кампанию против притязаний России» [42. С. XI], а затем превращении кабинета «цанковистов» в «подсобный аппарат российского министерства иностранных дел» [42. С. XIV]. Позиция Александра Баттенберга во введении оценивалась как солидарная с «буржуазными националистами» [42. С. XIII], но объективно способствовавшая воссоединению болгарских земель. Признавая политическую ориентацию Ст. Стамболова как «взявшего твердый и определенный курс на Запад и поддерживавшегося западными государствами», Топалов отмечал, что этот факт создавал серьезные трудности для реализации Российской империей внешнеполитического курса в отношении Болгарии [42. С. XVII]. Одновременно славянские комитеты, выступавшие в виде «пламенных проповедников славянской идеи», рассматривались автором введения как инструменты проведения политики Азиатским департаментом российского МИДа [42. С. XXIII]. В определенной степени введение Топалова, посвященное исключительно русско-болгарским отношениям, дополнялось послесловием А. Попова «Наступление царской России на Балканах. Восточный вопрос до русско-турецкой войны 1877/78 гг.», занимавшим 48 страниц, и содержащим как интерпретацию, так и оценки всей внешней политики Российской империи в Балканском регионе в контексте ее взаимоотношений с великими державами. Детально описывая борьбу империй за господство в Средиземноморье и влияние на Балканах, Попов отметил, что «борьба царизма за проливы проходила под флагом “покровительства” балканским славянам или, что то же, турецким христианам, хотя последние не все были славянами. Она предвлялась и сопровождалась соответствующей идеологической подготовкой, выражавшейся в посылке русских ученых, лингвистов и историков в южно- и западнославянские страны, в установлении с последними культурной связи, в привлечении в русские учебные заведения славянской молодежи, т.е. в создании кадров работников в области укрепления русского влияния как на Балканах, так и на их австрийском гинтерланде» [42. С. 182]. Действия Российской империи в Балканском регионе и его задачи в этой связи характеризовались А. Поповым как «продолжение агрессии на Балканах», в интересах которой «царизм нуждался в соответствующей идеологической подготовке» [42. С. 183]. Сама концепция славянской солидарности оценивалась автором послесловия к сборнику в той же тональности, как это делали М.Н. Покровский в статье «Панславизм на службе империализма» (Правда. 26.VI.1927) и Д.Д. Димитров в докладе, опубликованном под названием «Славянская филология на путях фашизации», затем напечатанный в 1935 г. в журнале «Язык и мышление» (1935. № 5) [43]. Сами представленные в сборнике документы (хотя и без точного указания фондов архива МИД Российской империи) во многом подтверждали, а в большинстве случаев даже расширяли обнародованные в 1893 г. данные.

Как помещенные в книге документальные материалы, сопровождавшие их комментарии, персональный состав авторов и составителей сборника, так и время

его публикации, были примечательны во многих отношениях. Судя по всему его появление свидетельствовало о существовании сразу нескольких задач, которые преследовались составителями издания. Этот «археографический инструмент» был рассчитан на использование его не только в научных, но и политических целях в общественно-политическом дискурсе внутри СССР. В то же время он являлся своего рода «инерционным» продолжением ранее принятого курса на демонстративный пропагандистский публичный отказ от имперской традиции оценки внешней политики Российской империи и осуждение ее внешнеполитических действий, демонстрировал обращение к интернационалистическому классовому подходу к международным событиям. Одновременно, его использование для осуждения действий имперской дипломатии в отношении Болгарии, а также подчеркивание тезиса антинациональной роли чорбаджийства (что было и в «сборнике Якобсона») в процессе становления болгарского суверенитета, были призваны продемонстрировать отказ СССР как от концепции «славянской солидарности», так и от прежней политики Российской империи, а также, косвенно, и от советских действий в 20-х годах XX в. по вмешательству во внутривосточные дела Болгарии. Инициатор издания В. Коларов, судя по всему, еще не воспринимал начавшиеся меняться у руководства СССР подходы к оценке прошлого, и публикация подобного издания, как показали события, могла серьезно повлиять на его судьбу в Советском Союзе, где разворачивалась очередная волна политических репрессий.

Казавшаяся неизменной с момента октябрьского (1917) переворота точка зрения на внешнюю политику Российской империи как захватническую и колониальную, начала меняться, хотя пока и не очень заметно, в 1934 г. с публикации И.В. Сталина в журнале «Большевик». На протяжении 1935–1937 гг. советские власти при иницилирующей роли Сталина фактически отказались от прежних оценок, перейдя к концепции «меньшего зла» [44], но при этом все еще продолжали резко выступать против попыток реабилитации концепции общеславянского единства, видя в ней определенную угрозу проводимой ими внутренней политике. Однако со второй половины 1930-х годов ситуация стала качественно иной. Начался возврат и к идеологеме славянского единства. Хронологически этот отсчет условно ведется с 1938 г., когда академик Н.С. Державин направил 23 июля 1938 г. докладную записку «О положении славяноведения в Советском Союзе» Председателю СНК СССР В.М. Молотову. В ней, помимо необходимости развития славяноведения как научной дисциплины, ее автор заявлял о политической значимости идеи славянского единства для внешней политики СССР как инструмента сплочения славянских народов вокруг СССР для борьбы с германским фашизмом (см. [43]). Примечательным фактом в данном контексте является актуализация в 30-е годы XX в. в научном и политическом дискурсе Болгарии темы этногенеза болгарской нации, что было обусловлено политической ситуацией в стране. Поэтому концепция принадлежности болгар к «славянскому миру» и европейскому этнополитическому и культурному пространству приобретала общественно-политическую значимость, что нашло отражение и в болгарских научных публикациях [45].

Тем временем точка зрения Покровского оказалась в центре жесткой официальной критики, а ее автор, названный главой целой исторической школы, подвергся посмертно политическому осуждению [46]. Историки, разделявшие его взгляды, были вынуждены публично осудить его (среди них оказался и автор послесловия сборника – А.Л. Попов) [47], что, впрочем, не спасло многих из них от преследований [48]. Изданный в 1935 г. сборник документов, парадоксальным образом перекликавшийся со многими положениями и по многим представленным документам со сборником 1893 г., но опубликованный совершенно по иной причине, был изъят из открытого доступа и переведен в специальное хранение. Последней попыткой возвращения к этой теме стал изданный в 1939 г. впоследствии извест-

ным советским украинским болгаристом С.И. Сидельниковым [49] материал под одноименным сборнику 1935 г. названием [50]. Политическая судьба «археографического инструмента», попытка использования которого была предпринята в 1935 г., оказалась близкой к той, которую постигла и изданный в 1893 г. сборник документов: на их смену при изучении болгаро-российских отношений стали приходиться совершенно иные по содержанию публикации архивных документов, сопровождаемые соответствующими интерпретациями, содержащимися во введениях и комментариях. В начале 50-х годов XX в. советская историография отказалась и от пришедшего на смену критической оценке М.Н. Покровским внешней политики Российской империи в 30-е годы XX в. тезиса «наименьшее зло». Основой новой концепции стал тезис об «объективно прогрессивной» роли действий России, сначала в отношении народов и территорий, вошедших в состав СССР, а затем и шире [51]. «Археографический инструмент», задействованный в целях подтверждения этого постулата получил широкое развитие не только в СССР, но и во многих государствах-членах Восточного блока хотя и с определенными нюансами, зависившими от специфики соответствующей страны. Возвращение к «археографии» как политическому инструменту по теме болгаро-российских отношений в той форме, как это было сделано в 1893 г. болгарской, а в 1935 г. советской стороной, нашел свое проявление в 1991–1993 г., когда в Болгарии на болгарском языке были переизданы оба сборника [52]. Но это была уже «другая история» и «другая эпоха».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Historikerstreit und politische Bildung. Stuttgart 1989; Vergangenheit, die nicht vergeht: Die «Historiker-Debatte»: Darstellung, Dokumentation, Kritik (Politik und Zeitgeschichte). Köln, 1987; Zeitgeschichte, Wissenschaft und Politik: der «Historikerstreit» – 20 Jahre danach. Volker Kronenberg (Hrsg.). The Netherlands, 2008.
2. Историческая политика в XXI веке. Сборник статей. М., 2012.
3. Lavabre M.-C. Historiography and Memory // A Companion to the Philosophy of History and Historiography. Oxford, 2010.
4. Улунян А.А. Дехронологизационные концепты в истории новейшего времени. (Опыт постсоветского режима в Туркменистане) // Формы и способы презентации времени в истории. М., 2009.
5. Княгина Н.С. Болгария в балканской политике России (1886–1896) // Отечественная история. 1992. № 2.
6. KönigsLöw J., von. Ferdinand von Bulgarien (vom Beginn der Thronkandidatur bis zur Anerkennung durch die Grossmächte 1886 bis 1896), R. Oldenbourg, 1970.
7. Story of a Russian Spy. He Played an Important Part in the Politics of Bulgaria // The New York Times. 1896. 10 V.
8. Veaman A. H. M. Stambuloff. London, 1895.
9. Дело по заговору за убийството на Негово Царско Височество Княза и министър-председателя Стамболов и убийството на министъра Белчев. Обвинителен акт. София, 1924. Bd. 7.
10. Bulgaria And Russia // The London Daily News. 1892. 18 VIII; News In A Nutshell // The Ipswich Journal. 1892. 20 VIII; Russian Plots Against Bulgaria// The Whitstable Times and Herne Bay Herald. 1892. 27 VIII.
11. Оккупационный фонд основанный для устройства Русско-Дунайской области. Документы из секретных архивов на Русском Правительстве. София, 1893.
12. № 1656. Der Botschafter in Wien Prinz Heinrich VII. Reuß an den Reichskanzler Grafen von Caprivi. Ausfertigung. Wien, den 1. Mai 1893. // Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Berlin, 1924. Bd. 7.
13. Jelavich Ch., Jelavich B. The Occupation Fund Documents: A Diplomatic Forgery // American Slavic and East European Review. 1953. V. 12. № 3; Blackstock P. W. The Occupation Fund Documents: A Reassessment of «A Crude and Ignorant Forgery» // American Slavic and East European Review. 1954. V. 13. № 4; Jelavich Ch., Jelavich B. The Occupation Fund Documents: Additional Evidence // American Slavic and East European Review. 1955. V. 14. № 3.
14. Оккупационный фонд, основанный для устройства Русско-Дунайской области. Документы из секретного архива русского правительства. Берлин, 1893.
15. Geheime Dokumente der russischen Orient-Politik 1881–1890. Nach dem in Sofia erschienenem russischen Original herausgegeben von Leonow R. Berlin, 1893; Documents secrets de la politique

- russe en Orient, 1881–1890. D'après le livre russe paru à Sofia sous le titre «Les fonds d'occupation». Berlin, 1893.
16. П.С. Тайные документы «восточной политики» царского правительства (1881–1890). Женева, 1904; Берлин, 1906.
 17. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 4.
 18. П.С. Тайные документы «восточной политики». Берлин, 1906.
 19. Открыто письмо до Г-на Д. Петкова главний редактор на В. «Свобода» и издателя на книгата: «Документи из секретните архиви на Русското Правительство. (По повод на тая книга и дедикацията му). От П. Кисимова. Букурещ, 1898
 20. *Detchev S.* «Forebears», «saints» and «martyrs»: the politics of commemoration in Bulgaria in the 1880s and 1890s. // Four empires and an enlargement: States, Societies and individuals: transfiguring perspectives and images of Central and Eastern Europe. London, 2008.
 21. *Касабов J.* Руссия и българский въпрос. София, 1895.
 22. *Раковски К.* Русия на Исток – Историческо изследване на Русската политика на Исток и частно – в България по Официални, официозни руски и други чужди источники. Варна, 1898
 23. Документи за дейността на русите по уредбата на гражданското управление в България от 1877–1879 год. Събрал и коментирал бившият чиновник в канцеларията на императорския руски комиссар в България Статски съветник Муратов. Материали за историята на България. София, 1905. Т. 1.
 24. *Бобчев Ст.* Руско-турската война според неиздадени документи, София, 1881.
 25. Сборник материалов по руско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1898–1910. Вып. 1–97. Кн. 1–112.
 26. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–1878 гг. СПб., 1903–1907. Вып. 1–4
 27. Русское управление в Болгарии 1877–78–79. СПб., 1906–1907. Т. 1–3.
 28. *Горяинов С.М.* Босфор и Дарданеллы: Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С.-Петербургом Главном Архивах. СПб., 1907.
 29. *Пестковский С.* Об октябрьских днях в Питере // Пролетарская революция. 1922. № 10.
 30. *Воронина И.А.* Первые публикации Народного комиссариата по иностранным делам (1917–1918 гг.) // Международная жизнь. 2003. № 2.
 31. *Цемenkова С.И.* Из истории спецхрана архивов РСФСР и СССР (1917–1938) // Документ. Архив. История. Современность. Уральский государственный ун-т им. А.М. Горького. Сб. науч. тр. Екатеринбург. 2010. Вып. 10.
 32. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998.
 33. Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1998. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В.Тарле. Ч.1–2.
 34. *Покровский М.Н.* Общественные науки в СССР за десять лет. Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. М., 1928. Кн. XXVI (2).
 35. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 509. Оп. 1. Д. 39.
 36. *Кун Б.* Антисоветский блок придунайских балканских государств // Коммунистический Интернационал. 1927. № 8.
 37. *Daskalov R.* Debating the Past: Modern Bulgarian History – From Stambolov to Zhivkov. Budapest, 2011.
 38. *Кабачиев X.* Национальный и аграрно-крестьянский вопрос на Балканах // Коммунистический Интернационал. 1925. № 25/26.
 39. *Романенко С.А.* Советская югославистика: между славяноведением и поисками «Средней Европы» // Новое литературное обозрение. 2009. № 97.
 40. *Романовский И.В.* Сталин и Энгельс: забытый эпизод кануна Великой Отечественной // Социологические исследования. 2005. № 5.
 41. *Сталин И.В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б). 19 июля 1934 года // *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1997. Т. 14.
 42. Авантюры русского царизма в Болгарии. Сборник документов. М., 1935.
 43. *Досталь М.Ю.* Славистика между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1917–1941) // Славянский альманах 2006.– <http://slav-almanakh.narod.ru/2006/Dostal.htm>; *Досталь М.Ю.* Славистика: между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1941–1948) // Славяноведение. 2007. № 2.
 44. И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–50-е годы. Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. СПб., 2006. Ч. 1. 1920–30-е годы.
 45. *Попов М.* Българският народ между европейските раси и народи. София, Придворна Печатница, 1938.

46. Против исторической концепции М.Н. Покровского. М., 1937; Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1939–1940. Ч. 1, 2.
47. Попов А.Л. Внешняя политика русского царизма в XIX веке в «кривом зеркале» М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. М.;Л., 1940. Ч. 2.
48. Артизов А.Н. Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. М., 1994. № 7.
49. Сайтанова А.А. Неопубликованные монографии С. И. Сидельникова по истории Болгарского Возрождения // Дриновський збірник. Харків, 2011. Т. IV.
50. Сидельников С.И. Авантюра русского царизма в Болгарии. 1878–1896 гг. // Ученые записки Ленинградского государственного ун-та. Сер. ист. 1939. Т. 36. Вып. 3.
51. Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло»// Вопросы истории. 1951. № 4.
52. Авантюризм на руския царизъм в България. По документите на царските архиви. Варна, 1991; Документи за секретните архиви на руското правителство. Политиката на Русия към България от освобождението до сега. Известна и с Оккупационный фондъ основанный для устройства Русско-дунайской области. Руссе, 1993.

© 2014 г. Г.П. МУРАШКО, С.М. СЛОИСТОВ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЧЕСТМИРЕ ЦИСАРЖЕ

В статье дана краткая биография Ч. Цисаржа и представлен фрагмент его последней исторической работы.

The article suggests a short biography of Čestmír Císař and presents a fragment of his last historical work.

Ключевые слова: Ч. Цисарж, публицистическое наследие, Э. Бенеш, Пражская весна.

Для современных российских историков имя Честмира Цисаржа, как правило, ассоциируется с Пражской весной, с его докладом, сделанным в мае 1968 г. на торжественном заседании, посвященном 150-летию К. Маркса. Именно тогда впервые и было сформулировано идеологическое обоснование необходимости демократических реформ через новое осмысление марксизма как учения о социализме. Автор выдвинул тезис о том, что диктатура пролетариата исчерпала свои возможности. Вывод из доклада сводился к следующему: «Мы должны искать и найти такой вариант политической системы, который будет соответствовать всем условиям нашей страны и достигнутого уровня развития [...] Для этого нужно новое возрождение марксизма, отвечающее потребностям последней трети XX века» [1. С. 32].

Хорошо известна его полемика с главным редактором советского журнала «Коммунист» Ф.В. Константиновым, опубликовавшим в «Правде» 14 июня 1968 г., как ответ на этот доклад, статью с резко негативной оценкой теоретических позиций Цисаржа. Последний обвинялся в том, что считает ленинизм чисто русским явлением и не признает за ним права на монопольную интерпретацию марксизма. Руководство ЦК КПСС стало рассматривать теперь Ч. Цисаржа как главного идеолога чехословацкого ревизионизма.

Однако мало кому известно, что еще за три года до Пражской весны, в 1965 г., советское посольство в ЧССР сообщило в Москву о намерениях министра образования и культуры чехословацкого правительства (эту должность Ч. Цисарж занимал с конца 1963 г.) провести глубокие реформы в системе образования, перестроенного в 1950-е годы по советскому образцу. Эта информация базировалась на сведениях, полученных послом СССР в Чехословакии М.В. Зимяниным в беседе с заместителем министра образования и культуры Ф. Кагудой. Последний, в частности, сообщил, что «тов. Цисарж начинает потихоньку насаждать в школах Чехословакии влияние западных теорий и практики в системе народного образования. Он носит с такими идеями преобразований в школе, которые по суще-

Мурашко Галина Павловна – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Слоистов Сергей Михайлович – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ству направлены на подрыв сложившейся по образцу школы Советского Союза системы народного образования в ЧССР [...] Сомнительная реформаторская деятельность тов. Цисаржа не ограничивается только рамками средней школы, он аналогично действует и в сфере высшего образования. Там он имеет также в виду возвращение к западному образцу, к тому, что было в Чехословакии до революции [...] Тов. Цисарж известен своими либеральными взглядами. Он протаскивает их и в других сферах культуры» [2. Л. 74–75]. Как свидетельствует запись беседы, советский посол посоветовал Ф. Кагуде поговорить на эту тему с тов. Новотным, но Кагуда объяснил, что опасается обращаться за поддержкой в ЦК КПЧ, «так как тов. Цисарж располагает серьезной поддержкой некоторых работников ЦК КПЧ» [2. Л. 76].

Трудно установить, сыграл ли «советский фактор» какую-либо роль в том, что в ноябре 1965 г. Цисарж получил официальное письмо от А. Новотного, состоящее из одной фразы: «Уважаемый товарищ, я освобождаю Вас от функции министра и благодарю за Вашу работу» [3. С. 629]. Он был в срочном порядке переведен на дипломатическую работу – отправлен послом в Румынию. Как активная фигура он фактически оказывался выведенным из политической жизни страны.

Однако это решение получило весьма широкую негативную огласку в общественном мнении, особенно среди чешской интеллигенции. В высших учебных заведениях страны прокатилась волна партийных собраний, на которых коммунисты требовали от руководителей ЦК КПЧ дать публичные разъяснения о причинах спешной отставки министра и объяснить, почему об этом умолчали средства массовой информации. Ситуация оказалась столь напряженной, что на собраниях в партийных организациях вузов и культурных учреждений Праги вынуждены были давать разъяснения секретари ЦК Й. Гендрих и В. Коуцкий, курировавшие сферу идеологии. Брненский университет демонстративно наградил отставного министра золотой медалью Пуркине [4. С. 296].

Ситуация, сложившаяся в конце 1965 г. в связи со спешной отставкой министра образования и культуры, явно обеспокоила советское посольство. Новый советский посол в Праге С.В. Червоненко имел в декабре 1965 г. по этому поводу специальную беседу с заведующим идеологическим отделом ЦК КПЧ П. Ауэспергом. Последний проинформировал советского посла о трудностях, «которые возникли в Чехословакии, где среди части творческой интеллигенции появились тенденции отхода от принципов партийности в литературе, искусстве, от принципов социалистического реализма, появились тенденции либерализации и ревизионизма» [2. Л. 129]. Доказывая советскому послу необходимость и обоснованность принятого решения, Ауэсперг настойчиво подчеркивал, что ЦК КПЧ «вынужден был пойти на освобождение от работы министра школ и культуры ЧССР т. Цисаржа, который не обладал достаточной принципиальностью и устойчивостью, часто плыл по течению, [...] не проявлял настойчивости в проведении партийной линии в учреждениях науки, образования и культуры» [2. Л. 130].

Возникает вопрос: почему Новотный и его окружение столь спешно убрали с политической арены страны молодого, энергичного политика – представителя нового поколения, пополнившего ряды КПЧ в первые послевоенные годы? Думается, что одна из основных причин – личность самого Цисаржа. Выходец из семьи ремесленника, он благодаря своим способностям сумел получить фундаментальное образование: окончил реальную гимназию в Духцове в 1936 г., пройдя в Праге конкурс, был направлен во Францию в лицей Карно в Дижоне, который был до начала Второй мировой войны своего рода традиционной «кузницей кадров» чешской и словацкой гуманитарной интеллигенции. Трехлетнее обучение в нем обеспечивало не только свободное владение тремя европейскими языками, но и создавало основы для понимания европейской культуры. Завершил образование

молодой коммунист Цисарж, окончив Карлов университет в 1948 г. по специальности «социология и философия».

Вспоминая об этом времени, он писал позже в мемуарах: «Мое поколение выросло в Первой республике под знаком идей Т.Г. Масарика. В этом смысле мы стали наследниками его социологических и морально-духовных принципов. И когда мы – молодые марксисты – пытались наполнить эти принципы революционно-социалистической идеологией, нам казалось, что они непременно и естественно с ней совместятся» [3. С. 63].

С такими настроениями он, вступив в КПЧ в 1946 г., выбрал путь кадрового партийного работника, прошел его от сотрудника отдела пропаганды и культуры Пражского крайкома до редактора теоретического журнала «Nová mysl», а затем и секретаря ЦК КПЧ по идеологии (1963). Как человек широко мыслящий, он к началу 1960-х годов сумел установить контакты с ведущими представителями науки – академиком Й. Мацеком, с крупнейшими экономистами страны О. Шиком, М. Кадлецом, М. Тучеком и другими деятелями науки и культуры. Его пятидесятилетнее пребывание в 1963 г. на посту секретаря ЦК получило среди интеллигенции название «милостивое лето», когда под влиянием «оттепели» в СССР были несколько ослаблены рамки цензуры.

Для самого Цисаржа это, по-видимому, было время осознания того непреложного для него факта, что создаваемая по советскому образцу «модель социализма» нуждается в реформировании. В нее необходимо внести важнейшие отсутствующие элементы – демократию и гуманное отношение к человеку. «Мне, – писал он, – удалось установить контакты в кругах тех интеллектуалов, которые, занимая четкие позиции в вопросе о необходимости реформ, увидели во мне одного из сторонников обновления партии и общества» [5. С. 21].

Возвращение в Прагу состоялось лишь через два с лишним года, после отставки Новотного в январе 1968 г., когда реформы только-только начинали набирать обороты. Цисарж сразу же активно включился в процесс «возрождения», войдя в историю как один из ярких политиков Пражской весны. В секретариате ЦК КПЧ ему было доверено курировать весьма не легкое направление – работу с интеллигенцией, отвечать за политику в области культуры, науки и средств массовой информации. Несколько позже он возглавил Чешский национальный совет, много сделав для урегулирования чешско-словацких национальных отношений и разработки основ перестройки государства на принципах федерации.

После 21 августа 1968 г., когда разработка и реализация реформ были прерваны военной акцией стран Варшавского договора, и страна стала постепенно погружаться в атмосферу гусаковской «нормализации», Цисарж, исключенный в 1970 г. из КПЧ, не уехал в эмиграцию, а продолжил, оставаясь под бдительным надзором органов безопасности, отстаивать свои политические взгляды и позиции. Свидетельством тому являются не только многочисленные материалы, хранящиеся в фонде Ч. Цисаржа в Национальном архиве Чешской республики, но и опубликованный к его девяностолетнему юбилею в 2011 г. специальный сборник с символическим названием «И капля воды камень точит» [6]. Здесь собраны его статьи, выходившие в 70–80-е годы XX в. в различных «самиздатовских» газетах и журналах.

Особое место в его эпистолярном наследии занимают мемуары, написанные в 1990-е годы, уже после «бархатной революции» [3–4]. Пожалуй, из всего мемуарного наследия, доставшегося современным историкам от активных политиков Пражской весны (см., например [7–12 и др.]), именно воспоминания Цисаржа дают (как с точки зрения хронологических рамок, так и по глубине осмысления) наиболее полное представление не только о формировании его личных позиций, но об изменениях политических настроений больших социальных групп чешского общества, в первую очередь в среде интеллигенции. Причем его воспоминания

охватывают практически период с 30-х до 90-х годов XX в. Думается, что для российских исследователей новейшей (особенно послевоенной) истории Чехословакии они представляют интерес как источник при изучении эволюции общественной мысли.

Не меньший интерес представляют и исторические очерки Цисаржа, написанные уже в конце жизни. В 2006 г. вышла его небольшая книга о людях, которые были президентами республики на разных этапах ее развития. Книга называется «Мои чехословацкие президенты» [13]. Над этой темой он работал до последних своих дней, готовя второе издание книги, которое должно было выйти в 2013 г.

Специфической чертой данной работы является ее ярко выраженная биографичность. Анализируя судьбы президентов, Цисарж напрямую обращается к своим воспоминаниям. В них раскрывается отношение к ключевым фигурам политического процесса в среде чешской интеллигенции, к которой он, несомненно, принадлежал. Перед читателем первые лица государства предстают в самые трагические минуты их жизни – кризисов и перемен чехословацкого общества. При этом Ч. Цисарж часто проявляет себя не только как сторонний наблюдатель, но и как активный участник событий. Его богатый политический опыт особенно раскрывается в метких характеристиках послевоенного времени.

Мы предлагаем читателю фрагмент из книги 2005 г. [13. С. 42–48], где автор разбирает и анализирует деятельность президента Э. Бенеша.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Národní archiv České republiky. F.Č. Císař. Kar. 5. A.j. 21.
2. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 52. П. 328. Д. 7.
3. *Císař Č. Paměti. Nejen o zákulisí Pražského jara.* Praha, 2005.
4. *Císař Č. Člověk a politik: kniha vzpomínek a úvah.* Praha, 1997.
5. *Цисарж Ч.* Размышления о Пражской весне сорок лет спустя... // 1968 год. Пражская весна. Сборник статей. М., 2010.
6. *Císař Č. I kapky proděravější kámen.* Praha, 2011.
7. *Šimon. B. Takoví jsme byli.* Köln, 1989.
8. *Ke sporům o obrodný proces roku 1968.* Praha. 1980.
9. *Srpen 1968.* Praha, 1990.
10. *Šik O. Jarní probuzení – iluze a skutečnost.* Praha, 1990.
11. *Hájek J. Paměti.* Praha, 1997.
12. *Dubček A. Naděje umírá poslední.* Praha, 2002
13. *Císař Č. Moji českoslovenští prezidenti.* Praha, 2006.

ЭДВАРД БЕНЕШ В 1945–1948 ГОДАХ

Экономический кризис и наступление воинственного фашизма в 30-х годах, разрушительный мюнхенский диктат, зловещий апокалипсис войны, но также воспитанный политический реализм, сопутствующий гуманистическим идеалам, привели Бенеша к значительным сдвигам в концептуальных размышлениях. В них стали заметны новые эволюционные веяния, выдвинутые на первый план конфликтом войны не только в военно-стратегическом, но идейно-политическом плане, в том числе столкновением философских и социальных антагонизмов. Так же как когда-то Т.Г. Масарик помогал сокрушить прогнившую габсбургскую монархию и продвинуть демократию с гражданским обществом, Бенеш отважился вскрыть противоречия и пережитки либерализма. Он решил, что невозможно лишь простое возвращение к государственной системе и общественным отношениям прошедших десятилетий, но существует необходимость приступить к принципиальным реформам и глубоким переменам, видевшимся ему в процессе, лаконично выраженном в призыве «Мир шагает влево». Бенеш предвидел новую и более эффективную, с повышенными нормами социальной справедливости де-

мократию, которую он назвал «социализирующаяся демократия». Ее объяснение найдем в его книге «Демократия сегодня и завтра»¹.

Я привожу эти размышления, которые свидетельствуют об относительном сближении Бенеша с некоторыми аспектами марксизма, о его движении к тому, что можно назвать демократическим социализмом, для реализации которого после 1945 г. у нас были подходящие условия. Отсюда появляется возможность вывести его тогдашнее сочувственное отношение к представителям КПЧ в Москве во главе с Клементом Готвальдом. Эта партия после не менее сложных размышлений пришла тогда к отказу от тезиса о революционном пути диктатуры пролетариата и приняла стратегию национального демократического пути к социализму без данной диктатуры, наоборот согласно специфическим условиям и традициям развитой Чехословакии. С точки зрения истории бесспорно является чудовищной трагедией, что последующее политическое развитие этой стратегии дома и в Европе, разделяемой под иным углом зрения, лишь с небольшими отличиями и Бенешем, совершенно не удалось.

Учитывая это, мы можем понять и рассудительное отношение Бенеша к такому историческому феномену, каким стал в XX в. Советский Союз. Отсталая, Первой мировой войной и большевицкой революцией разрушенная гигантская страна, пройдя через все внутренние несчастья, стала настолько стабильной и экономически развитой державой, что сумела победить военную машину нацистской Германии. По-своему это было чудо, которое никогда никто из истории не вычеркнет. Нет ничего удивительного в том, что существование СССР и его возвышение пробудили уважение у традиционно влиятельных европейских стран, политические руководители которых всегда держались с его представителями как равный с равным. Бенеш за время своей службы в Женевской Лиге наций, где СССР отстаивал принцип коллективной безопасности, мог узнать достоинства его дипломатов. Наконец он имел опыт заключения чехословацко-советского договора в 1935 г. и его сведения на нет в 1938 г., но также и подписания нового договора в декабре 1943 г. Бенеш понимал роль СССР не только во время войны, но и реалистично воспринимал его влияние на отношения в послевоенной Европе. Он полагал, что договорные обязательства идут в русле его видения успешного и безопасного пути «социализирующейся демократии» в освобожденной республике. Не его вина, что такой план ему не удался.

Если Бенеш реально оценивал большую роль СССР, это не значит, что он симпатизировал советской системе эпохи Сталина. Он не был одинок среди тех, кто тогда полагал, что эта система обязательно будет еще модернизироваться и постепенно демократизироваться. Он не мог предвидеть, что главная попытка добиться этого наступит лишь через сорок лет, во время Михаила Горбачева, а потом она претерпит причудливые перипетии. Бенеш считал, что можно верить обещаниям Сталина, данным освобожденным странам, уважать их право свободного выбора государственного и общественного устройства без вмешательства извне. Он предполагал, что залогом обещания будет продолжающееся сотрудничество союзников и после окончания войны. Все эти надежды его обманули.

Интересы великих держав-членов антифашистской коалиции очень скоро разошлись, несмотря на исполнение соглашений о сферах влияния, заключенных на встречах Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране и Ялте, а также их общим решением в Потсдаме. СССР имел свои военные базы в проигравших и освобожденных странах Центральной и Восточной Европы. От нас же Красная армия одновременно с американскими военными ушла уже в 1945 г. В то же время по всей Европе наблюдалось упомянутое движение «влево», сопровождавшееся ростом силы и влияния коммунистических и социалистических партий. Это не могло не пробудить у западных государств беспокойство о возможном обращении к социализму стран и за пределами советской сферы. Первый сигнал про-

звучал из уст Уинстона Черчилля уже в марте 1946 г. в Фултоне, где он призвал к объединению всего Запада против коммунистической опасности с Востока. На это выступление Сталин отреагировал тезисом о закономерном распространении социалистических идей в народных массах после пережитой катастрофы войны. По-своему оба были правы. Не было ни гениального рецепта, ни политика, который бы предотвратил ссору союзников и обращение к взаимному соперничеству, получившему название «холодной войны», иногда балансирующей на грани войны горячей.

Международная напряженность обязательно переходила и на отношения внутри отдельных стран, в зависимости от лагеря, к которому они принадлежали. Эта волна не обошла и Чехословакию. Мы вошли в эру восстановленной независимости с властью четырех политических партий, паритетно представленных в Национальном фронте с общей политической программой. В ней содержались положения о системе самоуправляемых территориальных органов в форме национальных комитетов, многопартийном парламенте, исполнительной власти, президенте республики и независимом правосудии. В области экономики должен был возникнуть национализированный сектор крупных предприятий, банков и страховых компаний, сохранение частного среднего и малого предпринимательства, причем крестьяне должны были получить землю в результате масштабной земельной реформы. В социальной сфере рассчитывали на развитие общественного образования, здравоохранения и пенсионного обеспечения, культурных потребностей и творчества. Во внешней политике доминировали связи с Советским Союзом при традиционных контактах со странами Востока и Запада. Согласно потсдамским договоренностям произошло выселение немцев и венгров в их национальные государства.

После парламентских выборов весной 1946 г. возникла новая ситуация. В Чешских землях КПЧ получила 40%, социал-демократы 15%, национальные социалисты и Народная партия (лидовцы) примерно поровну разделили оставшиеся голоса избирателей. Это означало конец паритета в органах власти и администрации, где руководящие функции в большинстве заняли коммунисты. В Словакии коммунисты проиграли, получив лишь 30% голосов, тогда как демократическая партия набрала свыше 60%, приобретя властный перевес. Итог выборов вместе с напряженной международной атмосферой принес элементы раскола в Национальный фронт, в партиях происходила дифференциация, забуксовало сотрудничество в правительстве. Президент назначил правительство во главе с Клементом Готвальдом, которое провозгласило новую, так называемую Созидательную программу, центральным положением которой была разработка новой конституции и подготовка двухлетнего народнохозяйственного плана на период 1947–1948 гг.

Насколько расходились великие державы, настолько же совершенствовались позиции «левых» – коммунистов и социал-демократов и «правых» – лидовцев, словацких демократов и примкнувшим к ним национальных социалистов, вышедших из так называемого Социалистического блока, первоначально объединявшего три партии². Для Бенеша как для надпартийного президента начался новый период, потому что развитие принуждало его менять свое кредо рьяного демократа, переоценивать свои взгляды, реагировать на радикальную активность коммунистов, а также объединенных профсоюзов, союза земледельцев, союза молодежи и других организаций, находившихся под влиянием КПЧ. Для него было очевидно, куда ведет численный рост КПЧ – к миллиону ее членов и поддержке не только промышленными рабочими, но получившими землю крестьянами, а также значительной частью интеллигенции, включившими многих известных деятелей науки и культуры. Он осознавал, что эта партия имеет большой шанс довести свою программу пути к социализму демократической, парламентской политикой, но не исключалось и

введение режима советского типа. При всей корректности в отношении к Готвальду, который пока отвечал взаимностью, но укреплял свое положение, он не мог безучастно смотреть на ослабление позиций коллег и друзей из своего прошлого. Неудержимо приближался момент очень серьезного решения.

1947 г. был наполнен необычайным трудовым напряжением значительного большинства народа, чтобы достичь цели восстановления стандарта жизни и экономики до предвоенного уровня. Одновременно это был период всеобщих диспутов обо всех вопросах политики и вообще общественных делах. На страницах печати и на различных собраниях сталкивались сторонники одного или другого лагеря. Вспоминаю страстные дискуссии на философском факультете, где я заканчивал учебу и готовился представить докторскую диссертацию в области социологии. Исключительное впечатление оставили полемические дуэли профессоров философии масариковского демократа Яна Благодслава Козака и ортодоксального марксиста Арношта Кольмана. В то время как Кольман, за которого болела значительная часть студентов, энергично отстаивал ленинские положения, Козак лояльно признавал вклад Карла Маркса в современное, основанное на науке мышление. Например, он ценил заслуги Маркса, который сумел «раздеть донага» капитализм и разоблачить его глубокие противоречия, чтобы потом самому убедительно приводить аргументы против революционного насилия и диктатуры пролетариата, за последовательные общественные реформы, в том числе социалистические. Известно, что позднее Кольман из-за своего непреклонного догматизма поссорился с руководством партии и был вынужден вернуться в Советский Союз, откуда он приехал на свою первоначальную родину после войны.

О драматическом периоде 1945–1948 гг. много сказано и написано, настолько эти годы примечательны для нашей истории XX века. Вероятно, более значительна только Пражская весна 1968 г. Поэтому хочется в заключении сосредоточиться на историческом переломе в феврале 1948 г., в котором и Бенеш сыграл свою последнюю и неотъемлемую роль, по правде весьма неблагоприятную. Он был одним из ключевых действующих лиц, хотя, по моему мнению, и не решающим, как стремились утверждать в своих воспоминаниях проигравшие политики. Как президент он имел право по предложению правительства назначать и отзывать министров. Когда он получил отставку, 12 министров, представляющих три партии – национальных социалистов, лидовцов и демократов, среди которых фигурировали некоторые из его друзей, то встала дилемма: либо, отправив в отставку, пожертвовать ими, что означало освободить простор КПЧ для укрепления своих позиций, или отложить решение и нажимать на Готвальда с целью политического объединения на платформе Национального фронта, благодаря чему мог бы возникнуть приемлемый компромисс и окончание правительственного кризиса.

Оставим в стороне многочисленные соображения, насколько Бенеш заранее предвидел отставки или будто бы к ним призывал, либо был, согласно его собственному утверждению, удивлен отставками. Возможно, что он согласился с Фердинандом Пероуткой, который характеризовал отставки «мальчишеством», поскольку «из правительства легко уходят, но тяжело в него возвращаются». Важно подчеркнуть, что Готвальд своим хорошо сработанным искусным приемом не оставил никаких возможностей воспрепятствовать переменам в правительстве ни ушедшим министрам, ни президенту. У него в кабинете осталось большинство из 14 министров, включая Яна Масарика и Людвика Свободу, так что существовала возможность только дополнить правительство новыми лицами, которых в конечном итоге он нашел во всех партиях Национального фронта. Разумеется, еще важнее было то, что Готвальд имел поддержку огромной массы демонстрантов, могущественного восьмидесяти тысячного съезда профсоюзов, сформированных подразделений рабочей милиции, сверх того мог рассчитывать на нейтральность

армии, не желавшей идти против народа. Когда советский дипломат Валериан Зорин сообщил ему о предложении советской помощи, то он по праву уверенно от нее отказался. Готвальд не сомневался в успехе формально законного приема пополнения правительства и его утверждения в парламенте. Достаточно было дожждаться подписи Бенеша.

Здесь уместно упомянуть о состоянии здоровья президента. С виду уверенный в себе, крепкий и энергичный человек, привыкший принимать решения и приказывать подчиненным, он уже во время лондонской эмиграции после двух инсультов имел подорванное здоровье, болезнь не отступила и по возвращении домой. Врачи стремились замедлить течение болезни, но упорное трудолюбие пациента и непрестанное душевное перенапряжение ухудшали его самочувствие. Заболевание, как это бывает в случае глав государств, держалось в строгой тайне. Без сомнения февральский кризис принес ему физические и душевные страдания.

Однако было бы упрощением считать, что необходимость избавиться от страданий стала главным поводом принятия отставки и назначения новых, предложенных Готвальдом министров. Мне кажется, что коренной причиной данного его решения был трудный, но преимущественно рациональный политический расчет. Бенеш столкнулся не с правительственным кризисом равновеликих сил, а с ситуацией, когда одна партия сильно превалировала над ослабленной другой стороной. Он понимал, что решение против сильнейшего будет означать превращение правительственного кризиса в кризис государственный, когда подвергнется испытанию на прочность сама республика, народ разделится на непримиримые и разъяренные части, когда нельзя будет исключить столкновения вплоть до гражданской войны. Он осознавал также неуступчивость и решительность Готвальда любой ценой идти к победе – кто кого одолеет. Бенеш принимал во внимание, что избежать угрожающих рисков единственно возможно отступлением, признанием поражения. При этом он не упустил возможность упрекнуть проигравших министров в их беспомощности, неспособности и бездейственности, с которой они пассивно ожидали президентского решения, без малейшей попытки к эффективным действиям, которые в изобилии откровенно применяли коммунисты. Храбрую попытку правого студенчества оказать влияние на президента уличными шествиями остановило охранявшее подходы к Граду подразделение безопасности.

Когда Бенеш принимал Готвальда, чтобы передать ему грамоту о назначении новых министров, он мотивировал свое решение стремлением выйти из и так уже затянувшегося кризиса, так как стране нужно правительство и нельзя погружаться в хаос. Прозвучало также, что президент не хочет стоять поперек дороги, которой собирается идти Готвальд со свои правительством, и что на этом пути он желает ему успеха. Из Града февральский победитель отправился на Вацлавскую площадь, где его встречала многотысячная, прославлявшая его толпа.

Вскоре и Бенеш покинул президентскую резиденцию, чтобы удалиться в свою виллу в Сезимовом Усти, изнуренный и на грани упадка сил с решением подать в отставку и исполнить просьбу Готвальда – сделать это позже, после прекращения политической шумихи. Найдя последние силы, 7 июня 1948 г. он ушел с поста президента. Его сердце остановилось 3 сентября того же года. Наследник президентского трона, которым стал Готвальд, принял решение организовать ставшему легендой умершему достойные, на государственном уровне похороны.

Тяжело избавиться от навязчивой идеи, что история позволяет сравнивать наполненную трагизмом и с печальным концом жизнь Бенеша с судьбой Эмиля Гахи³. Конечно, с чрезвычайно важным отличием: оба умерли загнанные горькой участью и смертельными болезнями, однако творчество Эдварда Бенеша составляет историческое наследие. Обширный разбор драмы жизни Бенеша и его вклада в историю содержится в работах Веры Оливовой, Александра Орты, Яромира Смутного и др. Это был один из великих чехов XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Последняя глава этой книги «Перерождение и будущее послевоенной демократии» переведена на русский язык и опубликована В.В. Марьиной в журнале «Вопросы истории» (1993. № 1, 3).
2. Коммунистическая, социал-демократическая и национально-социалистическая партии, объединенные еще в 1943 г. в так называемый Социалистический блок, подтвердили 8 июня 1945 г. стремление к сотрудничеству специальным соглашением. Созданный на основе этого соглашения блок получил название Национальный блок трудящихся города и деревни (*примеч. пер.*).
3. Э. Гаха (1872–1945) – чешский политик правой ориентации; с 1938 г. – президент Чехословакии, с 1939 г. – президент образованного оккупационными немецкими властями Протектората Богемии и Моравии. Умер в пражской тюрьме 27 июня 1945 г.

© 2014 г. Б. СИКИМИЧ

МОБИЛЬНОСТЬ И ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАЦИИ РУМЫН В СЕРБСКОМ БАНАТЕ

В статье рассматриваются различные типы миграций банатских румын, проживающих в Воеводине. Институт балканистики Сербской академии наук и искусств проводит качественные полевые исследования. При анализе интервью применяется антрополого-лингвистический подход. В интервью выделяются следующие темы: образование, религиозная идентичность, туризм, научная мобильность и т.д.

The article treats different types of migrations of the Romanians from Banat living in Vojvodina, based on the field-research of the Institute of Balkanistic of the Serbian Academy of Sciences and Arts. Analysis is made with the help of the anthropological-linguistic approach. Those are such issues, as education, religious identity, tourism, academic mobility and so forth, which are included into the inquiry.

Ключевые слова: миграции, румыны, Банат, интервью, мобильность, Воеводина, качественные полевые исследования.

В статье делается попытка объяснить динамическую модель, в которой мобильность индивидов в рамках сельской общности является константой. Эта модель получена в результате недавних качественных полевых исследований¹ банатских румын. Результаты этих исследований можно использовать для нужд различных гуманитарных наук, в основном – лингвистических. Наряду с динамической моделью исследуемой общности рассматривается и фигура самого исследователя.

Так, во время одного из своих первых полевых исследований, проведенного в Банате в румынском селе Владимировац (рум. Petrovasâla) в 2004 г., А. Сореску-Маринкович, интересующаяся антропологическими подходами в лингвистике и участвующая в процессе научной мобильности, отметила несколько аспектов, которые в позднейших полевых исследованиях оказались весьма значимыми в интервью-биографии открытого типа: собеседники говорят о своих поездках за границу, о жизни в Белграде, о визитах к родственникам в Тимишоару и о времени, проведенном во Франции и в Америке. Исследователю остается в этом случае постулировать локальный концепт «быть дома», что подразумевает семейные воспоминания о переселении предков во Владимировац и о строительстве первых

Сикимич Биляна – сотрудник Института балканистики САНИ (Белград).

¹ Существуют *количественные* и *качественные* полевые исследования. Эти термины распространены в англосаксонской социолингвистике и антропологической лингвистике. Количественные исследования проводятся с использованием закрытых вопросов (подразумевающих ответы по системе да/нет и под.), эти исследования проводят социолингвисты с использованием статистических методов, поскольку важно репрезентативное число информантов. Антропологическая лингвистика работает с открытыми интервью. В отличие от количественных исследований здесь вместо термина «информант» используется термин «собеседник». Роль исследователя заключается в сотворчестве с собеседником. Количество собеседников не регламентируется.

домов (исторические источники относят это событие к 1808 г.). Автор рассматривает различные типы ухода из сельской общины [1. С. 20–21].

Автор данной статьи предлагает лингвистам и антропологам, исследующим эту область, возможные направления при формировании их целей и методов в соответствии с реальностью полевого исследования. Исследователь должен обладать необходимым предзнанием (хотя и не должен быть так называемым инсайдером), чтобы в процессе самой работы смочь разглядеть новую, неисследованную тему, которая на микроуровне, на уровне конкретного собеседника дает представление о динамике общности.

Вопросы миграций и мобильности в равной степени относятся к политическим наукам, демографии, историографии, социологии или антропологии, но могут быть также предметом интереса лингвистов, занимающихся качественными полевыми исследованиями. Темы трудовой миграции за границу во второй половине XX в. вновь оказались в фокусе общественных и гуманитарных наук в Сербии (в качестве иллюстрации нужно упомянуть антропологические исследования [2–7]). Большинство исследований в области гуманитарных наук в Сербии посвящено статусу мигрантов в принимающей стране, лишь в редких случаях уделяется внимание тому, что остается в сообществе, когда мигранты на время или навсегда покидают его. Исследование «не-эмигрантов» имеет большое значение при изучении миграций, поскольку миграция затрагивает также то общество, которое мигранты покидают [8. С. 22]².

Демографы и статистики согласны с тем, что количество и структуру мигрантов, уезжающих за границу, трудно проследить, и все же результаты переписи 2002 г. показывают, что из всего населения Воеводины за границей пребывало в том или ином статусе (временно или на постоянной основе) 70 тыс. человек [10. С. 81]. Доступные данные переписи населения в Республике Сербия 2011 г. демонстрируют соотношение числа «лиц, находящихся за границей», к общему количеству жителей в населенном пункте, которое во многих селах, где румыны являются большинством, составляет 20–30%: например Стража – 211 : 752, Ритишево – 200 : 696, Локве – 374 : 2091, Гребенац – 472 : 1292, Войводинци – 61 : 389 и т.д. Подобное же соотношение намного ниже в населенных пунктах Воеводины, в которых румыны не составляют большинство (см. [11]).

При исследовании мобильности банатских румын важными являются другие типы трудовой миграции, которые в данной статье не рассматриваются: миграции из села в город, дневная трудовая миграция или актуальная в прошлом скотоводческая миграция [12. С. 146–166]. Традиционные направления скотоводческих миграций были изменены в 1918 г. после установления новых границ. Полевые исследования банатских румын, которые этнолог М. Малуцков проводил с середины XX в., показали, что во многих населенных пунктах еще жива была традиция, согласно которой предки румын пришли в Банат в поисках пастбищ для овец, и, таким образом, банатские румыны являются потомками тех пастухов, которые спустились в банатскую долину с гор. Однако в XIX и особенно в XX в. банатские пастбища были перепажаны, что повлекло за собой изменения в способах занятия скотоводством. Тем не менее еще в середине XX в. пастухи из многих населенных пунктов водили своих овец на довольно отдаленные пастбища, например пастбища населенного пункта Бегейци находились в окрестностях Конака, Хайдучицы и Маргиты (30–50 километров по прямой линии [12. С. 152–153]).

Настоящая статья стремится показать возможности применения полевого исследования с использованием антрополого-лингвистического подхода при изуче-

² Исключением являются исследования вернувшихся мигрантов или детей мигрантов, оставленных на попечение близким родственникам. В 1970-е годы были опубликованы социологические исследования о детях, родители которых работали за границей; в этом случае о детях заботились родственники (подробнее см. [9. С. 19–21]).

нии миграций и мобильности и опирается на исследования [13; 14]³. В качестве дополнительного материала в статье использованы интервью, проведенные для изучения гендерных явлений [15]. Эти материалы восполняют недостатки в существующих материалах Института балканистики САНИ, которые содержат меньше интервью с образованными слоями населения именно из-за первоначально узко заданных рамок исследования: преследовались сугубо лингвистические цели – документирование местных говоров.

Сербия: трудовая миграция

Рассматривая современные трансмиграционные процессы в Сербии, историк П. Маркович исходит из различных традиций исследования трудовых миграций, которые унаследовала современная Сербия, и из различий между традициями в бывших австро-венгерских и османских землях [9]. Первая традиция соотносится с формами миграций, типичными для Центральной, Восточной и, возможно, Южной Европы. В свое время миграционные потоки из этих земель были направлены в Северную и Южную Америку, речь здесь идет в основном о длительной миграции. В соответствии с другой традицией, типичной для Восточной Сербии и Македонии, трудовая миграция была направлена к плодородным регионам Османской империи и соседних стран⁴. В основном была распространена сезонная миграция, характерная, однако, для определенных географических областей. Некоторые этнические и региональные группы традиционно склонны к трудовым миграциям, так Маринкович отмечает влахов Северо-Восточной Сербии и шопов, населяющих пограничье Болгарии, Македонии и Сербии.

Направления трудовой миграции несколько меняются в межвоенный период: исчезают сезонные внутрибалканские миграции, а эмиграция за океан продолжается; темпы ее замедлились после экономического кризиса 1929 г. В межвоенный период страны Западной Европы также становятся целью трудовых мигрантов из Сербии. Представители национальных меньшинств в Королевстве Югославия составляли от одной трети до половины всех переселенцев за океан [18. S. 75].

После Второй мировой войны легальная миграция была запрещена. После либерализации режима и начала выдачи паспортов в первой половине 60-х годов XX в. трудовая миграция стремительно возрастает. Миграция рабочей силы больше всего распространена в традиционных эмиграционных областях среди традиционных групп мигрантов. Так, в Северо-Восточной Сербии (с многочисленным влашским населением) была самая большая доля мигрантов в Сербии (10–15%). Маркович предполагает, что среди цыган также было много мигрантов, но, как и влахов, их достаточно трудно статистически проследить⁵ [9. S. 9].

Клубы югославских рабочих, экономических мигрантов, в Западной Европе были организованы «в духе братства и единства», а клубы, организованные по национальному принципу, югославская политика не поддерживала [20. S. 135]. С падением коммунизма изменилось и восприятие мигрантов: в языке появляется термин «диаспора», которым следует обозначать эмигрантские сообщества. Меняется и социальная структура мигрантов в 1980-е и особенно в 1990-е годы: из Сербии из-за тяжелой политической и экономической ситуации, вызванной войной, уезжают специалисты, студенты.

³ В этих работах речь идет о том, что при изучении мигрантов, представителей национальных меньшинств (как, например, румын из сербской части Баната), можно говорить о «трех родинах», т.е. о специфической миграционной системе группы представителей национального меньшинства, члены которой мигрируют в двух направлениях – и на Восток, и на Запад.

⁴ Об этом типе трудовой миграции на Балканах более подробно см. [16; 17].

⁵ Культурная и этническая идентичность цыган-гастарбайтеров из Миничева (Восточная Сербия) анализируется в антропологической работе А. Банич-Трубишич [19].

Одной из важных отличительных черт миграций является сфера инвестиций, отличающаяся в основном потребительством, а не предпринимательством. Рабочие-мигранты в Сербии выделяются тем, что вкладывают непродуктивные инвестиции в строительство домов, также следует упомянуть и другие непродуктивные вложения средств, осуществляемые для того, чтобы получить более престижный личный/семейный статус в том сообществе, из которого они уехали: установка памятников на могилах и организация массовых зрелищных мероприятий – помолвки, венчание, крестины или день рождения. Все эти мероприятия значительно расширяют узкие семейные круги (ср. [3; 21–23]).

В этнологических, антропологических и лингвистических исследованиях в основном внимание уделяется сербам, проживающим в диаспоре⁶. Географ Б. Букуров на основе статистических данных первой половины 70-х годов XX в. показывает этническую структуру рабочих из Воеводины, «временно трудоустроенных за границей» (термин характерен для того периода социалистической Югославии) [25]. Больше всего мигрантов в общих цифрах было среди сербов, затем следуют венгры, хорваты, румыны и словаки. Процентное же соотношение было совсем другим: по отношению к общему числу представителей этнических групп больше всего иммигрантов было среди румын (9,32%), затем следуют хорваты, куда включены и буневцы (3,97%), венгры (3,92%), словаки (3,20%), и на последнем месте – сербы (2,27%). Отсутствуют данные о воеводинских цыганах и баняшах⁷, однако ясно, что часть баняшей была отнесена к румынам⁸.

Серьезные исследования трудовой миграции представителей национальных меньшинств современной Сербии посвящены косовским албанцам [27–32] и воеводинским венграм [33–35]⁹. Что касается румыноязычных общин Сербии, здесь в основном проводились исследования трудовой миграции влахов и, реже, баняшей (например [37–42]). Власти остаются «невидимыми» даже в современных исследованиях постюгославских миграций. Например, Я. Дахинден исследует албанцев и сербов, проживающих в Швейцарии, к сербам исследователь причисляет и одного влaha из влашского села Рановац; в этом и заключается «невидимость влахов» [31. S. 251].

Трансграничные миграции банатских румын

Для понимания истории миграций и мобильности важным событием является установление границы после окончания Первой мировой войны и разделение Баната на три части. Территориальные претензии между двумя государствами – Королевством Румыния и Королевством сербов, хорватов и словенцев – решены на парижской конференции 1919 г. В результате проведения границ в сербской части Баната оказались 65 000 румын. Это было в основном сельское население

⁶ Например, недавнее этнологическое исследование Г. Благоевича посвящено вопросам этничности верующих сербских православных прихожан в Калифорнии [24], а в исследовании Г. Недельковича [6] идентичность мигрантов рассматривается с точки зрения экономических связей.

⁷ Баняши, этническая группа румыноязычных цыган, частично принадлежат к румынской традиционной культуре. В новой переписи населения, проведенной в 2011 г., эта группа впервые включена в список при исследовании национальной принадлежности в Сербии [26. С. 11].

⁸ В исследовании упоминается община Апатин, в которой, по данным переписи 1971 г., проживало 1427 румын. В Апатине румыны «нашли работу во вторичных, третичных и других отраслях, много румын было занято на кирпичном производстве. Вероятно, поэтому показатель эмиграций самый низкий» [25. С. 151]. Таким образом, несмотря на основную цель – показать этническую специфику мигрантов – из-за не критического отношения к данным переписи в этом исследовании затемнены данные о группах, для которых характерна этническая мимикрия, как, например, для баняшей в Апатине.

⁹ Эта тема нашла отражение в литературе, например в романе Мелинды Надь Абоньи о трудовой миграции воеводинских венгров [36].

ние, большая же часть образованных слоев общества переселилась в Румынию. Поскольку сейчас все еще недоступны данные по этнической принадлежности в переписи, проведенной в Сербии в 2011 г., необходимо напомнить, что в переписи 2002 г. зафиксировано 30 419 румын в Воеводине (во всем регионе, а не только в Банате), а в Сербии всего – 34 576 румын.

Литература о трудовой миграции и других типах мобильности румын в сербском Банате весьма скудна. Наряду с глобальным трудом – историей румын в сербском Банате до начала Второй мировой войны, принадлежащим Г. Попь [43], весьма полезной является монография историка М. Мэрана, посвященная культурной ситуации румын в Банате в период агитпропа [44]. Немного сведений можно найти и в существующих монографиях о тех населенных пунктах, в которых румыны составляют большинство. По данным М. Мэрана, румынская миграция на «Запад» на протяжении XX в. проходила в шесть этапов, а некоторые отдельные случаи зафиксированы и во второй половине XIX в. Можно предположить, что банатские румыны, по всей видимости, и в период существования Австро-Венгрии, мигрировали в поисках работы. Хронология миграций румын из Баната следующая [45]: 1) начало XX в. – Первая мировая война; 2) межвоенный период; 3) Югославия в период 1945–1965; 4) период 1965–1975; 5) период экономического благополучия в Югославии (1975–1991); 6) период кризиса и распада Югославии с 1991 г. и до сегодняшнего дня.

М. Мэран констатирует [45. Р. 10–11], что процесс эмиграции румынского населения из Баната в страны Северной Америки начался до Первой мировой войны и продолжался в межвоенный период; статистические данные о массовости этих миграций не совпадают, так, по одним источникам, в период с 1918 по 1927 г. в Америку переселились 367 румын, а по другим – 1079¹⁰.

Отдельную группу мигрантов составляют румынские оптанты, которые в 1920-х годах переселились в Румынию; надежных данных об их количестве также нет¹¹. В Румынию переселились 72 учителя с семьями и другие представители интеллигенции (адвокаты, врачи, чиновники). Приезд учителей из Румынии по контракту в румынские населенные пункты в Банате после 1935 г. может восприниматься как своеобразная разновидность академической мобильности¹².

Несколько позднее, начиная с 1930 г., происходит эмиграция приблизительно 500 бедных румынских семей в Добруджу (65 – из села Локве, более десяти – из Селеуша, Барица, Николинца, Алибунара, Владимировца, Малого и Великого Торка, ср. [44. С. 11]).

Историк Г. Попь отмечает, что в межвоенный период приблизительно 200 банатских румын получили среднее и высшее образование в Румынии [43. Р. 200]. Югославские власти чинили им разные препятствия, например при выдаче паспортов и признании дипломов. По этой причине румынские студенты из Баната, находясь на обучении в Румынии, организуют в 1923 г. сообщество [50. Р. 127–129; 43. Р. 201]. Точных данных о банатских румынах, получивших высшее образование в Румынии после Второй мировой войны, практически нет, и подобные исследования до сегодняшнего дня не публиковались ни в Сербии, ни в Румы-

¹⁰ Данные о румынах в США можно найти в многочисленных местных публикациях, из которых многие доступны в Интернете. Румыны-переселенцы в основном рассматриваются как единая этническая группа, при этом без внимания остается страна происхождения мигрантов.

¹¹ А. Божин [46. Р. 45], анализируя социальные преобразования в румынском селе Селеуш в период после Первой мировой войны, отмечает тот факт, что представители национальных меньшинств не могли участвовать в выборах конституционной скупщины, их не затронула аграрная реформа, последствием чего явилась эмиграция тридцати семей из Селеуша в основном в Румынию (села Жадна и Фибис в области Тимиш) и в Америку.

¹² Роль и значение учителей, работавших по контракту в румынских школах в Банате, оказались очень важной темой для исследователей румынской культуры [43. Р. 193–197; 47; 18. Р. 254–257; 48; 49. Р. 258–263].

нии¹³. Данные об образовании румын можно найти в источниках другого рода, например в биографиях выдающихся воеводинских румынских интеллектуалов [52]¹⁴, в автобиографических воспоминаниях [53; 54. Р. 78–81]. С другой стороны, существуют систематизированные историографические данные об истории школ с румынским языком обучения в Воеводине [45; 49], о педагогическом училище по подготовке воспитателей с румынским языком преподавания в городе Вршац, а также о кафедре румынского языка и литературы в Белграде и Новом Саде; отмечается, что количество студентов на этих кафедрах значительно выросло после революции в Румынии [49].

В качестве одной из трех основных причин сокращения числа румынского населения в Воеводине Т. Спэриосу упоминает трудовую миграцию 60–90-х годов XX в.: по данным переписи 1981 г. количество румын, работавших за границей, составляло 10,15% от всего румынского населения в Воеводине [55. Р. 172]. Согласно статистике, в 1986 г. трудовая миграция за границу после войны из села Локве прошла две фазы: первая фаза – 1964 г., вторая – период 1968–1970 гг. Из 894 жителей более половины эмигрировали в США (495), в Швейцарию (266), Австралию (44), Австрию (30), Германию (30), Швецию (16) и в другие страны [50. Р. 166–167]¹⁵.

Сейчас только на различных мероприятиях, чаще всего – протокольного характера, упоминаются выдающиеся члены этой общины, сделавшие успешную карьеру за границей – либо в Румынии, либо в США [57. Р. 379], однако серьезные попытки воеводинских румын установить отношения с членами общин эмигрантов не происходит. В сфере культуры выдающуюся карьеру поэта и переводчика сделал Йон Милош из Сарчи/Сутьески, который в 1959 г. переехал в Швецию¹⁶. Из некоторых румынских сел, как, например, Янков Мост, в 60-е годы XX в. переселение за границу было незначительным по сравнению с переселением в города (в Зреняине в 2005 г. проживали около 80 семей из Янкового Моста [58. Р. 180]). В монографии, посвященной селу Локве, есть статистические данные о миграции в города: из 287 жителей, которые переселились в города, больше всего проживало в городе Вршац, далее по количеству переселившихся жителей следуют Нови Сад, Панчево, Кикинда, Алибунар, Белград и др. [50. Р. 165–166]. Этнографические исследования процессов переселения румын в город Вршац в 1967 г. показали, что открытие гимназии и педагогического училища с румынским языком обучения в послевоенный период стало одной из причин увеличения числа румын [59]. При рассмотрении миграции из села в город исследователи, сами являясь инсайдерами, утверждают, что некоторые представители румынской интеллигенции не включены в «общественно-политическую жизнь» румын, тем не менее, результаты их профессиональной деятельности ценятся высоко [60; 61].

¹³ В монографии М. Перишича [51] рассматривается плановое формирование «югославской интеллигенции» в университетах Франции, Чехословакии и СССР в период 1945–1958 гг.

¹⁴ По данным монографии Рошу [52] после Второй мировой войны высшее образование в Румынии получили многие современные представители воеводинской румынской интеллигенции: М. Баба Войнович, В. Барбу, Й. Булик, П. Кэрду, И. Дежан, И. Флора, Н. Фрэцилэ, М. Ианеш, С. Лазаряну, И. Леля, Г. Лифа и многие другие.

¹⁵ Существуют историографические данные из разных источников, как, например, информация о группе нелегальных мигрантов из банатского села Владимировац: речь идет о группе из семи человек – двух семьях, перебежавших в Италию в августе 1962 г. Эта группа некоторое время находилась в лагере для беженцев, а затем одни переехали в Канаду, а другие – в Австралию и Швецию. Через этот лагерь для нелегальных мигрантов в Италию в 1962 г. прошло несколько десятков румын из Владимироваца. В начале 1960-х годов нелегальное пересечение границы считалось предательством, хотя в работе [56] о членах группы говорится как об обычных экономических мигрантах.

¹⁶ Положение человека, представителя национального меньшинства в эмиграции, который «нигде не дома», нашло отражение в поэзии Иона Милоша, ср. стихи из его цикла «В стране» («În țara»): «В Югославии я не был югославом, в Швеции я не швед, в Румынии я румын из-за границы».

Для всеобъемлющего анализа трудовой миграции этнических меньшинств в современной Сербии необходимы серьезные демографические и социологические исследования. Количественные демографические данные о некоторых румынских населенных пунктах все же существуют: так, анализ процесса деградации сельских пограничных населенных пунктов в окрестностях города Вршац показывает, что процент населения, которое участвует во внутренних миграциях, в румынских селах Марковац составляет 18,2%, а в Социце – 22,37%. Этот тип мобильности самый распространенный у румын, в нерумынских населенных пунктах в данной области он значительно ниже [62. Р. 5].

Антрополого-лингвистический подход при изучении трудовой миграции румын

Говоря о антрополого-лингвистическом подходе, необходимо напомнить, что исследовательская команда Института балканистики в методологическом плане относится как к славистике, так и к балканистике. На анализ результатов полевых исследований влияют славянская диалектология и этнолингвистическая география¹⁷. Большинство интервью во время полевых исследований было полукрытого типа, поскольку они чаще всего (но не обязательно) проводились для реконструкции традиционной культуры на местном говоре собеседника, а также для академических целей и для будущих архивов. Часто сам исследователь давал возможность собеседнику говорить на спонтанно выбранную тему, время от времени делая попытки вернуться к основным темам из вопросника [64]¹⁸.

Сравнительно недавно сформировался интегрированный подход к румынским говорам в Сербии, и сегодня утвердилось мнение о «трех группах, говорящих на румынском языке». Помимо банатских румын речь идет о влахах Северо-Восточной Сербии и баяшах, представителях еще одной этнической группы – носителей румынского языка и – в большей части – румынской традиционной культуры. Сореску-Маринкович по результатам собственных исследований [69] включила в эти три первоначальные румыноязычные группы еще две: первую составляют румынки из Румынии, вышедшие замуж в Сербии, а вторую – сезонные рабочие из Румынии, которые иногда проводят достаточно длительное время в сельскохозяйственных имениях. К данной достаточно расширенной группе, говорящих на румынском языке, я отношу и билингвальных (зачастую многоязычных) банатских цыган, проживающих в румынских селах [70]. Своеобразную румыноязычную трудовую миграцию в Банате представляют в последнее время цыгане, переселившиеся из Румынии ради торговых целей (например, габори¹⁹ в городе Панчево). В городе Панчево (Банат) сейчас происходит открытие «румынства» среди потомков арумын с целью сохранения языка в рамках специализирован-

¹⁷Обе эти дисциплины вплоть до недавнего времени использовали структуралистский и статичный подходы. Этнолингвистика в славянских научных сообществах, точнее, московская этнолингвистика, ориентирована на реконструкцию «этнографического состояния начала XX в.» в условиях автохтонных статичных населенных пунктов, т.е. имеются в виду села, в соответствии с конструктом «миф о статичном крестьянине» [8; 63].

¹⁸Результаты исследований румыноязычных общин Сербии представлены во многих работах и в нескольких тематических сборниках: в двух работах рассматриваются язык и идентичность баяшей, носителей румынской традиции [65; 66], а одна работа посвящена методологии полевого исследования банатских румын [67]. Более широкой теме, балканскому романизму, была посвящена международная лингвистическая конференция, а позднее – и соответствующий сборник работ [68].

¹⁹Габори – группа цыган, выходцев из Румынии. Они поселились в Панчево, так как там существовал «блошинный рынок», приобретший популярность во время санкций против Югославии в 1990-е годы. Сейчас этот рынок теряет свое значение.

ных языковых курсов [71]. В румынских селах южного Баната сегодня, хотя и в небольшом количестве, проживают влахи из Северо-Восточной Сербии, которые переселились туда после войны на волне аграрной трудовой миграции.

А. Сореску-Маринкович [69; 72] занимается мигрантами, переселившимися сравнительно недавно из Румынии; в Банат и Северо-Восточную Сербию они прибывают, начиная с 90-х годов XX в., после революции 1989 г. в Румынии. И сегодня Сербия, как прежде Югославия, является одной из «излюбленных» стран для румынских рабочих не только из-за географической близости, но и из-за наличия компактных румыноязычных регионов. Автор указывает на еще один социологически неисследованный феномен – миграции в результате заключения брака, которые она называет «невидимой» миграцией: румынки приезжали в села Северо-Восточной Сербии в качестве сезонной рабочей силы, но часто оставались на постоянное место жительства. В Банате заключение браков с румынками имеет более длительную традицию.

Мы убеждены, что качественные методы полевого исследования могут внести вклад в исследование мобильности и миграций, поэтому в данной статье внимание обращается на то, как случайно выбранный собеседник воспринимает миграции. В качестве «идеологических центров» можно назвать «пустое пространство» в местной общине и конкретной структуре семьи, затем – изменение религиозной идентичности и социального статуса, а также изменение отношений между собеседником и исследователем.

Переселение банатских румын за границу с целью поиска работы, начиная с 60-х годов XX в., представляется полевому исследователю массовым явлением. Практически все собеседники, чьи интервью были использованы в работе [73], в какой-то период своей жизни или работали за границей, или спонтанно упоминают сограждан и членов своей религиозной общины, которые находятся за границей. Так, жители села Марковац помогли при ремонте церковных зданий, а многие члены румынских неопротестантских церквей в Банате, которых когда-то было «много», сейчас «уехали за границу» или в «другие страны» (примеры из монографии [73. S. 112]):

Не знаю сейчас, тогда, когда я была, их было много. Но многие умерли. Многие. Или уехали в другие страны. Не знаю, знаю, что их было много, только, может быть, они уехали за границу.

Собеседники охотно показывают исследователям многочисленные сувениры и фотографии, обстановку дома, по-видимому, иностранную. Так, одна собеседница из Месича, провожая исследователя, даже подарила ему маленькую скатерть с рождественскими мотивами из Швеции. Примеры, использованные далее, проиллюстрируют только прикладную методологию полевого исследования. Это интервью, проводившиеся с целью реконструкции традиционной культуры или для диалектологической документации местного говора (1, 4, 5, 6); интервью с собеседниками, которые по классическим этнолингвистическим критериям не представляют традиционную культуру местной общины – будь то мигранты, неопротестанты или переселенцы (4); а также интервью, при публикации которых были применены гендерные методы, а это означает, что речь не идет о дословной транскрипции, а об отредактированном интервью (2, 3, 7–12).

Миграции и «пустое пространство»

Метафора «пустого пространства» в свое время была употреблена в работе, посвященной косовским черкесам, эмигрировавшим из села Донье Становце около Прилужья в 1998 г. до начала военного конфликта в Косове и Метохии [74]. Речь идет о ментальном пространстве, возникающем в разговоре о людях из сооб-

щества, которые отсутствуют, часто по причине «неестественных» обстоятельств (под «естественными» обстоятельствами эмиграции понимается эмиграция по экономическим или личным мотивам; черкесы же были вынуждены эмигрировать из-за войны в Косове), но они составляли (и составляли бы и далее) единое целое с существующим сообществом.

В примере (1) отражена типичная для исследования ситуация, когда собеседница по ходу разговора упоминает некоторых отсутствующих членов семьи, рассказывая о местных обычаях. Разговор состоялся в румынском селе Торак [64. Р. 163]. После вопроса исследователя о местных погребальных обрядах собеседница в качестве примера рассказала о похоронах своего супруга, что вполне обычно для подобного типа интервью. Среди людей, которые, согласно румынской традиционной культуре, должны присутствовать на похоронах, была ее дочь, живущая в Америке. Далее приводятся слова собеседницы:

(1) После него я начала причитать, но я не могла причитать, потому что он умер внезапно, так что для меня была смерть как удар грома и я не могла ничего сказать. Дочь была в Америке и не могла приехать ко мне, потому что было эмбарго и она не получила, а паспорт у нее закончился и нужно было ехать в Канаду за визой, а как быть, не можешь держать покойника, пока она не придет.

Подобный механизм действует и в биографических интервью, которые проводились с целью изучения гендерных особенностей: румынки из Воеводины очень часто по ходу интервью упоминают некоторых отсутствующих членов семьи. Далее следуют отрывки из бесед, которые Л. Спэриосу проводила с лингвистом Лией Магду (1930 г.р.). В следующих примерах проводится только слова Лии Магду:

(2) Папа никогда не смирился с тем, что покинул родное село, которое он очень любил. Он был образцовым супругом и отцом. У меня есть сестра, Дойна, которая на три года старше меня и живет с семьей в Америке. Как я позже узнала, мое появление на свет сопровождалось некоторым разочарованием, что нормально, потому что ожидалось, что родится мальчик [15. С. 47].

(3) Поскольку папа заболел, мама взяла на себя заботы по дому и о нас. После его смерти она осталась одна, так как у моей сестры и у меня уже были семьи. Поскольку сестра уехала с семьей в Америку, на протяжении нескольких лет мама была одна. Несколько лет до смерти она провела в Новом Саде [15. С. 47].

В мемуарах лингвист Л. Магду посвящает одну главу своей сестре Дойне, которая старше ее на три года и родилась, по всей видимости, в 1927 г. (см. [51. Р. 24–28]). Дойна после окончания четырех классов школы в селе Николинци продолжила обучение в женском лицее в Тимишоаре вплоть до начала войны в 1941 г. Следует отметить, что первый класс гимназии с румынским языком обучения в городе Вршац открыт только в 1934–1935 гг., но только для низшей ступени образования [44. С. 301]. Обе сестры оканчивают гимназию в городе Вршац, но Дойна продолжает обучение в Бухаресте (четыре года они не виделись): «Это было время, когда все отношения между Югославией и Румынией были прерваны, отсюда мы не получали ни книг, ни писем» (цит. по [54. Р. 28]). После завершения обучения в Румынии в 50-х годах XX в. во время очень плохих политических отношений между Югославией и Румынией (этот период из-за резолюции Информбюро длился более шести лет – с 1948 по 1953 г.) Дойна возвращается домой, у нее появляется семья, но в 1969 г. она переезжает в США. Рефлексивная проза Лии Магду хорошо отражает субъективный процесс развития феномена «пустого пространства»: «Тот факт, что у меня есть сестра где-то далеко, в местах, которые я не знаю, в день, который проходит, выглядит все менее реальным и все более абстрактным» (цит. по [54. Р. 28]).

Религиозная идентичность и миграции

В монографии, посвященной банатским румынам – членам неопротестантских церквей (в отличие от традиционной румынской православной церкви) [73] рассматривается в том числе проблема идентичности банатских румын, которые в настоящее время постоянно проживают в достаточно компактных общинах в США и Канаде, а также в некоторых западноевропейских странах.

Следующий пример из горного банатского румынского села Марковац, которое находится вблизи города Вршац на сербско-румынской границе. Интервью проводилось с целью изучения членов неопротестантских церквей; в том случае, когда речь идет о румынах, возникает еще дополнительный концепт «меньшинство в самом меньшинстве». Этот пример выбран как раз потому, что показывает, насколько важно быть осмотрительным, когда общие теории о миграциях применяются в отдельных случаях. Одна собеседница, живя и работая в Швеции, стала членом пятидесятнической церкви, в интервью она отрицала любую мысль о личном обогащении и приобретении материальных благ. Одновременно она хотела помочь самому исследователю и дать ему некоторую сумму шведских крон.

Госпожа, я хочу помочь бедным, больным, которые есть [...] так как я завтра или послезавтра уйду из этого мира. Библию, я вам сказала, я прочитала сорок раз, госпожа, и я знаю, что сказал слово Иисуса Христа, госпожа. Вот, я это хочу делать с людьми. Знал ли это мой сын или нет: наш Господь сказал: давай правой рукой, чтобы не знала левая. Вы понимаете, когда я Вам говорю? Вот и я хочу так, и я хочу и Вам немного помочь и в следующем году. Или послать Вам по почте, если не приедете сюда в Марковац [73. S. 114].

Тема перехода банатских румын в другие религиозные сообщества тесно связана с миграционной тематикой: произойдет ли этот переход, как в примере (4), когда человек живет и работает за границей, или этот процесс произойдет под воздействием проповедников из-за границы (этот процесс исчерпывающе описан в монографии [73]). Идентичность собеседников намеренно скрывается, интервью проводила Б. Сикимич (BS):

(4) *Мы, моя госпожа, будем одно, поскольку не берем ничего, умираем и все человеческое остается, смотрю, моя госпожа, дорогая моя, как Вам сказать, я уже сорок лет – что я приобрела там, в Швеции, Вам показать?*

BS: Нет, прошу Вас, нет.

Некоторую одежду, в которую меня оденут, когда я умру, госпожа, я столько приобрела, госпожа, в Швеции. Я ничего не возьму с собой. Мы голые пришли в этот мир и голые уходим, госпожа [73. S. 110].

Собеседница из Марковца говорила далее очень подробно о своей жизни и работе за границей. Также она говорила о жизни и работе своего сына, который родился в Марковце, изучал медицину в Румынии, затем переехал в Германию, так как женился на женщине, враче из Румынии. Собеседница упоминала и отношение румынской общины Марковца к ней, когда она находится в этом селе; речь идет о различиях между усвоенной культурой и традиционными воззрениями, распространенными в местной общине. Так, ее забота о бродячих собаках вызывает смех соседей²⁰. Поскольку она сейчас на пенсии, ее жизнь в течение года разделена на две части. Летом она находится в Марковце. Более прохладное время года она проводит в Швеции, поскольку там жизнь для нее гораздо удобнее. Во время записи этого интервью собеседница занималась ремонтными работами в доме, оплачивала налоги и счета.

²⁰ Образ гастарбайтера в сербских СМИ, кинематографе, литературе обычно унижен и представлен двумя стереотипами – в качестве трагического или комического героя (анализ этих стереотипов дан в работе [9. S. 11]).

Миграции и устная история воспоминаний

Собранный полевой материал позволяет сделать анализ коллективного воспоминания, в рамках которого для темы миграций и мобильности было бы важно и историческое воспоминание о переселении в существующее село. Тем не менее, в этой статье акцент сделан на семейной истории.

Следующее интервью проводилось во время полевого исследования в 2005 г., проводила его антрополог из Тимишоары О. Хедешан (ОН). Все интервью транскрибировала и анализировала Лаура Спэриосу [75. Р. 204–205]. Ее собеседнице, Лучане (1920 г.р.) (L), во время проведения интервью было 85 лет. Исследователь во время интервью стремился подробно выяснить историю местности, особенно интересовала эмиграция нескольких румынских семей из Торка в Добруджу в межвоенный период.

(5) ОН: Ты мне рассказывала, что отец был в Добрудже. Расскажи мне, как это произошло, как он приехал в Добруджу?

L: Был организован транспорт, были колонисты там в Прикасане. Румыны из югославского Баната поехали туда, им дали землю, дали им дома, а затем пришли болгары и выкинули их. И я очень удивляюсь, так как я не знала, сообщили по телевизору, что, у кого есть родственники, им оплачивается земля и дом. У меня была родственница, она уехала в Америку, я не знаю ничего о ней, но до прошлого года она мне обо всем писала, писала мне письма, в этом году я вижу, она перестала писать, а другой родственницы у меня нет. До сегодняшнего дня я хотела поехать на могилу родителей.

По словам Лучаны, жизнь ее родителей в Румынии была очень тяжелой. После того как она покинула Добруджу (вероятно, речь идет о южной Добрудже, которая впоследствии отошла к Болгарии), они переселились сначала в Отелек, а позднее в Ленаухайм, чтобы позднее поселиться в Жомболии, в румынской части Баната, где они и умерли. Сама Лучана, которая в то время была ребенком, осталась в селе Торак у родственников, у которых не было детей. Она несколько раз навещала своих родителей в Добрудже. В Румынию она ездила будучи ребенком, а позже – с мужем. Все же она не хотела там остаться, поскольку жизнь там ей не нравилась: тогда в Румынии было много бедных, еда была плохая, в отличие от ее родного села Торак [75]:

(6) L: Мне не понравилось. Когда я была ребенком, я была два раза с бабушкой, поскольку мой отец уехал, я поехала в гости, так как два раза была оказия, один раз транспорт был в один год, а в другой раз уехал другой транспорт отсюда из Торка, уехал в Добруджу. И была у отца в Румынии: вот, сейчас мой отец меня и испытает – «ребенок, сейчас ты пойдешь домой, когда придет время, поскольку у меня нет денег дать вам на дорогу». Я начала плакать: «Здесь я не останусь, поскольку здесь нет дороги, чтобы идти в магазин, на поле, не было заборов, ничего. Собаки на привязи, свиньи отпущены. Я не останусь, иду пешком!»

В монографии, посвященной селу Локве, упоминаются 44 румынские семьи, переселившиеся в Регина Маре в Добрудже в 1931 г. Причиной этой экономической миграции был плохой урожай в 1930 г. и мировой экономической кризис, из-за которого у многих накопились долги. Спустя семь лет некоторые семьи все же возвратились в Локве, а авторы монографии делают вывод, что эта миграция не дала ожидаемых результатов [50. Р. 75]²¹.

²¹ В этой монографии отмечается еще одно unsuccessful переселение около сотни семей из Локве в окрестности Крайовы в 1895–1897 [50. Р. 75].

Как уже было упомянуто, не существует комплексных исследований об отъезде банатских румын на учебу в Румынию, еще меньше исследований – об их дальнейшей судьбе. Наш полевой материал не содержит упоминаний о людях, которые после окончания обучения в Румынии не вернулись в Югославию (Сербию). О масштабах этого феномена все же существует множество косвенных, часто мемуарных свидетельств, которые трудно собрать в одном месте. Так, Траян Трифу Ката в журнале «Familia», выходящем в селе Владимировац, опубликовал список бывших студентов, обучавшихся на факультетах университета в Клуже и постоянно проживавших в Румынии [76]²². Трифу Ката упоминает и тяжелое положение студентов из Баната в Румынии в послевоенный период именно из-за их «югославского происхождения»: «их выкидывали с предприятий, государственных учреждений и из высших учебных заведений». Посещение родителей в Югославии в течение целого ряда лет становится невозможным, многие не могли даже поехать на похороны близких родственников. С 1970-х годов положение специалистов – банатских румын в Румынии – улучшается, а клеймо «югослав» исчезает²³.

Л. Магду от своего коллеги А. Пэунку, родившегося в Воеводине (Гребенац) и проживающего сейчас в румынском городе Фэгет (Făget), получила список интеллектуалов, которые родились в Банате, но проживают в Румынии. В своих мемуарах Л. Магду обращает внимание на потерю интеллектуального потенциала и публикует список банатских румын, которые после обучения в университете остались в Румынии; список был составлен с помощью профессора Й. Дежана. В этом списке перечислены интеллектуалы, дана информация о месте их рождения и специальности [54. Р. 79–81].

Прикладная методология проведения полевых исследований фокусируется на сельских общинах, поэтому исследователь редко когда может провести интервью с румынскими интеллектуалами. Примеры из монографии [15], приведенные ниже, не являются дословными транскриптами, это подготовленные интервью, а некоторые из них – переводы румынского оригинала. Данные о количестве студентов, магистров и докторов наук в Румынии (речь идет о выходцах из Сербии) получены косвенно: в биографиях по ходу повествования упоминаются близкие члены семьи; чаще всего это рассказы об успешной карьере детей, которые больше не живут в деревне²⁴.

²² Помощь румынским студентам из Баната оказывал Э. Петрович, ректор университета в Клуже (1946–1949), лингвист, родом из банатского села Торак [44. S. 244–245].

²³ Положение сербов из Румынии, которые эмигрировали в социалистическую Югославию по политическим причинам, также было непростым. Антрополог С. Неделькович упоминает историю серба из Румынии, который переселился в Югославию, а затем, разочарованный, уже окончательно переселился в США, где его брат (Дейв), успешный бизнесмен в США, испытывает «разделенность» между Сербией и Румынией. Неделькович считает, что «этничность в малых этнических сообществах не может пониматься без более широкого общественно-политического контекста, т.е. не могут быть понятиями процессы в этом сообществе без рассмотрения характеристик общественной системы, в которой она работает. Связь между экономическим поведением и этничностью [...] зависит не только от воли индивидуума, но и от социального окружения, которые определенная этничность может экономически стимулировать или дискриминировать [...] В Румынии мой информант не мог соотносить свое экономическое поведение со своей этничностью, т.е. он испытывал негативные экономические последствия из-за своей этничности. В США у него была возможность свободно выражать все возможные типы идентичности и каждый из этих типов сделать экономически выгодным. Пользуясь фактом, что его этничность, региональное происхождение и страна, в которой он сейчас живет, не совпадают, Дейву удалось из всех этих факторов получить известные экономические льготы (привилегии)» [6. S. 923–924].

²⁴ С социолингвистической точки зрения важно влияние сравнительно нового явления – отъезд владов на учебу в Румынию; речь идет о процессе, который во многом похож на то, как происходит обучение банатских румын в университетских центрах Румынии [69. Р. 867–871].

Говоря о трудовой и социальной мобильности, следовало бы рассмотреть модели внутренних миграций (село–город), которые охватывали в основном города Воеводины и Белград. Белград географически находится ближе к компактным румынским сельским общинам, чем столица Воеводины, Нови Сад. Получение образования для румын в Сербии связано с переселением в города Воеводины и с обучением в Румынии (университеты Тимишоары и Бухареста). Следующие высказывания взяты из интервью, которое проводила Л. Спэриосу (LS) с Сильвией (1933 г.р.) (S) – отрывок (7), затем из интервью с Лией (1955 г.р.) (L) – отрывки (8), (10) и (11) и из интервью с Аной (1944 г.р.) (A) – отрывок (9):

(7) LS: *Как жили в 1990-е годы?*

S: *Многие уехали за границу. После отъезда пересылали деньги домой, затем возвращались, строили дома [...] были трактора и другая сельскохозяйственная техника. Дети начали уезжать на учебу, особенно в Румынию, это способствовало большей эмансипации [15. S. 79].*

(8) *Двое наших детей, Наташа и Игор, сейчас уже взрослые люди. Наташе повезло, будучи ребенком, она часто гостила в селе Бегейци и там от бабушки с дедушкой выучила румынский язык. Она это потом использовала, после окончания гимназии в Карловцах она поступила в художественную академию в Бухаресте в Румынии. Она окончила кафедру художественной фотографии и производства видеоклипов с блестящими оценками [15. S. 147].*

Гражданская война в 1990-е годы прошлого века явилась причиной массовых миграций среди представителей национальных меньшинств в Сербии. Собеседница (9) упоминает об учебе сына в Румынии как способе избежать опасную для жизни военную службу, т.е. отправку на фронт:

(9) *Но когда началась война, его мобилизовали и он должен был ехать в Вуковар. Это было в 92 году. Мы были против, поэтому он поступил на отделение ветеринарной хирургии в Румынии. Сейчас у него своя практика [15. S. 104]*

Исследование недавних миграций воеводинских венгров также показали, что одним из важных факторов эмиграции военнообязанных был страх мобилизации [33. S. 447]. Как оказалось, эта группа югославских мигрантов в Венгрии не хотела навсегда покинуть страну, а хотела остаться в Венгрии, пока война не закончится [35. 7 old.].

Туризм как трудовая миграция

Несмотря на новшества, введенные в прикладной методике полевых исследований²⁵ Института балканистики САНИ и подразумевающие рассказ о жизни собеседников с упоминанием миграций, темы из области антропологии туризма не поднимались²⁶. Следующий пример взят из монографии [15], он иллюстрирует личный вклад одной банатской румынки в продвижение Румынии как туристического направления. Собеседница руководит частным туристическим агентством с характерным названием «Карпаты»:

(10) LS: *Вы открыли и туристическое агентство.*

L: *Это туристическое агентство «Карпаты». Однажды мы пошли в поход в Карпаты, в которые мы из-за природных красот и влюбились с первого взгляда.*

²⁵ Напомним, что эта методика ориентированна в основном на реконструкцию традиционной культуры.

²⁶ Исследование мобильности индивидуума становится возможным направлением дальнейшей работы. Здесь следует упомянуть работы, опубликованные в новом сборнике, посвященном трудовой миграции. Работы основываются на интервью на биографические или любые другие темы [77]. Без отдельно разработанного вопросника невозможно получить представление об этнографии миграций. Так же, как в исследовании представителей неопротестантских общин, данные о миграциях будут результатом только научной «интуиции», т.е. «случайного открытия во время проведения полевого исследования» [73. S. 88–89].

Отсюда и название агентства. Агентство мы открыли вместе с семьей двадцать лет назад. Больше всего мы занимаемся Румынией как туристическим направлением, и именно поэтому нас уже знают в Сербии и не только [15. С. 150].

Исследование темы туризма могло бы дать более точную информацию о том, когда стала популярна Румыния как туристическое направление для туристов из Югославии? Произошло это, вероятно, в конце 1960-х годов, когда возник интерес к черноморскому направлению и зимнему туризму. Предполагается, что в результате проведения полевых исследований среди банатских румын могли бы быть получены факты, свидетельствующие о популярности Румынии как туристического направления еще во времена коммунизма. В том же интервью упоминается румынский национальный бренд – вампиры и Дракула, всемирно известные туристические символы. Таким образом, Румыния из страны на Востоке, с которой банатских румын связывает этническое происхождение и получение высшего образования на родном языке, сегодня в сознании относится к привлекательному и желаемому Западу:

(11) L: По этим причинам мы выбрали «воспитательно-образовательную» программу: поездки, которые мы организуем, это настоящие лекции по румынской истории и географии, а любой клиент получает также мини-путеводитель по местам, которые он посещает. Самый интересный – «Дракула-тур». Эта программа популярна не только в Сербии, но и в Македонии, Боснии и Герцеговине, Хорватии и Словении. Как следует из названия, он посвящен самому известному «вампиру» мира, румынскому правителю Владу Цепешу. Помимо исторических фактов и легенд о его жизни туристы узнают очень много и о самой Румынии. Кто хочет посетить Румынию, может, кроме этого предложения, выбрать поездку в Бухарест, в дельту Дуная.

Антропологи О. Лутар и Т. Петрович отметили представление о Балканах и о других посткоммунистических странах (в особенности о Румынии) как динамических, привлекательных с точки зрения туризма странах, где история оживает. Этот образ в туристических путеводителях часто не совпадает с представлением, согласно которому те же самые места представлены как «нетронутая» природа и где «время остановилось» [78].

В апреле 1991 г., спустя некоторое время после политических перемен в Румынии (1989), следителю В. Гречич на «круглом столе», посвященном общественным наукам, исследующим сербов в Румынии, высказал свои идеи о возможностях улучшения экономического положения сербского меньшинства в Румынии, среди прочего он упомянул «реальные возможности сотрудничества в области туризма [79. С. 279]. Позднейшее экономическое и политическое развитие Румынии и ее вступление в ЕС, с одной стороны, и гражданская война с экономическими санкциями, а затем переходный период в Югославии – с другой, во многом опровергли тогдашние прогнозы о возможной финансовой помощи Югославии/Сербии Румынии²⁷.

В результате анализа типов миграций воеводинских венгров было выявлено существование такой группы, как предприниматели, бизнесмены, которые используют приграничные экономические возможности и которые могут назвать себя «мобильными менеджерами» [34. С. 4]. На сербско-венгерской границе отмечены случаи ежедневного перехода или перехода только в воскресенье с целью получения образования или поездки на работу. Это периодическая или постоянная мобильность и отсутствие в своей общине (прежде всего речь идет о рабочих в строительной отрасли, на промышленных объектах, учащихся средних школ,

²⁷«Учитывая то, что финансовые возможности Румынии сосредоточены на строительстве туристических объектов и усовершенствовании инфраструктуры, поиск общих возможностей для получения международных кредитов, для привлечения югославской стороны к этому процессу в этой стране (Румынии), мог бы иметь долгосрочный характер» [79. С. 279].

студентах, а также о контрабандистах и туристах, отправляющихся за покупками) [34. S. 4]. Современная миграционная модель, рассмотренная на примере Сербии и Венгрии, в большой степени применима к ситуации между Сербией и Румынией.

Академическая мобильность

Динамика отношений между исследователем и собеседником стала важной темой в качественных полевых исследованиях последних лет: критически исследовались эпистемологические, методологические и этические вопросы этих отношений. Работа [80] опирается на существующую обширную литературу: анализируются данные, полученные в результате инсайдерского интервью, и в особенности то, как полученные данные относятся к исследованию современных международных миграций. Это исследование показывает сложность метода инсайдерского интервью. Проведение интервью с людьми из собственной культурной среды позволяет исследователю достичь социальной близости, что, впрочем, увеличивает сознание общественной дистанции (исследователь – собеседник), в свою очередь влияющего на общение. Настоящая статья исследует также положение исследователя, проводящего полевое исследование, и его академический вклад в изучение темы миграций и мобильности.

Следующий пример выбран, чтобы показать трансграничную научную мобильность, т.е. присутствие исследователей из Румынии, которые сейчас имеют прямые контакты с людьми в Банате. Во время агитпропа (1948–1952) исследователи из Румынии не могли проводить полевые исследования в Банате. Только в 1955 г. смог приехать специалист в области этномызыки К. Браилоу (он был приглашен не из Румынии, а в качестве «специалиста из Парижа», см. [81]), который в селе Торак работал со скрипачом В. Петровичем-Бокалудой, а в селе Владимировоац – с П. Под, превосходной исполнительницей причитаний. Полевыми исследованиями в Банате в конце 1960-х годов занимались лекторы румынского языка, работавшие на филологическом факультете Белградского университета. Это были лекторы из румынских университетов – Н. Бот из Клужа и О. Пэун из Бухареста [44. S. 275; 82. P. 203]²⁸. О. Пэун несколько месяцев в 1968 г. также работал в селе Торак и Владимировоац с П. Под [84] во время работы по сбору фольклорного материала банатских румын, проводимой под руководством профессора румынского языка и литературы на филологическом факультете Белградского университета [82. P. 210–213]. В марте 1969 г. исследователи этномызыки из Бухареста, Дж. Ванку и Г. Попеску Жудец, изучали музыкальный фольклор Куштиля.

Совместные полевые исследования в Банате сотрудников Института балканистики САНИ из Белграда и коллег из Румынии, этнологов и лингвистов, организуются только в начале XXI в. [85]. Фонд по изучению этнографии и фольклора воеводинских румын в 2004 г. начинает сотрудничество по проведению полевых исследований банатских румын с группой специалистов из Румынии под руководством Института этнографии и фольклора им. Константина Браилоу из Бухареста [86. P. 19–21; 82. P. 216–218]:

(12) Однажды в наше село приехала группа этнологов из Румынии. Так я познакомилась с госпожой Отилией Хедешан, которая меня поддержала. Я рассказывала ей о румынских обычаях, традиции, костюмах, а в 2006 г. я опубликовала книгу «Один человек и одна книга» («Un om și o carte»). У меня была полная поддержка дочери, зятя и внучки [15. S. 83].

²⁸ Исследователи этномызыки и этнографы из Румынии в декабре 1970 г., будучи гостями САНИ, проводили полевые исследования в Северо-Восточной Сербии в течение пяти дней. Они работали в населенных пунктах с влашским населением Кобишница, Вратна, Текия, Мала Врбица, Сип и Србово [83].

Группа исследователей Института балканистики САНИ несколько раз проводила полевые исследования с антропологом из Тимишоары О. Хедешан. Полевое исследование, которое собеседница Мариоара (1938 г.р.) упоминает в отрывке (12), было проведено совместно в 2004–2005 гг., целью исследования было изучение традиционной культуры банатских румын. Л. Спэриосу, лингвист из Нового Сада, в декабре 2008 г. также проводила интервью с Мариоарой, акцент при этом делался на изучение гендерных особенностей (интервью опубликовано целиком в монографии [15]). Таким образом возникает еще одно связующее звено в этой цепочке «собеседник – пользователь материалов». Выводы, которые могут быть сделаны, звучат достаточно необычно, тем более что они оптимистические: научная мобильность и научная реституция (моральная обязанность исследователя «вернуть услугу» исследуемому сообществу) не являются только постмодернистскими научными конструктами²⁹.

* * *

Говоря об академической мобильности и антропологии туризма, нельзя не упомянуть феномен «конгрессного туризма», связанный с проведением двусторонних симпозиумов (югославско/сербско-румынские) по румынскому языку, истории и культуре. Первые подобные симпозиумы проводятся с 1970-х годов, организуются они поочередно в двух странах. Целый ряд работ в сборниках по итогам двусторонних сербско-румынских научных встреч посвящен обзору и истории подобного академического или культурного сотрудничества (например [87–89]). Для дальнейшего исследования предлагаются феномены, охватывающие небольшие временные периоды, как, например, существование небольшого по масштабам пограничного трафика между Югославией и Румынией в 1920-е годы в период действия эмбарго, затем – характер города Тимишоара как торгового центра последних десятилетий XX в. (как и Панчева в Сербии), а позднее – в начале XXI в., что связано с открытием шопинг-молов (а также с открытием аэропорта в Тимишоаре для компаний *low cost*) – с точки зрения антропологии потребления.

Перевод с сербского Г.П. Пилипенко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sorescu Marinković A.* Petrovasăla sau cum se construiește «acasă» // *Tradiția*. Novi Sad, 2005. Т. XI. № 26–28.
2. *Павићевић А.* Нека питања спољних миграција југословенског становништва током друге половине двадесетог века. Време за преиспитивање? // *Гласник Етнографског института САНУ*. 2004. Т. LII.
3. *Antonijević D.* «Svatovac» i glamurozna venčanja – svadbeni fenomen u severoistočnoj Srbiji, *Životni ciklus* // *Referati bugarsko-srpskog naučnog skupa*. Софија; Београд, 2000.
4. *Kovačević I., Krstić M.* Između istorije i savremenosti: antropološko proučavanje gastabajtera u 21. Veku // *Etnoantropološki problemi*. Novi Sad, 2011. Т. 6. № 4.
5. *Krstić M.* Dijaspора i radnici na privremenom radu u inostranstvu: osnovni pojmovi // *Etnoantropološki problemi*. Београд, 2011. Т. 6. № 2.
6. *Nedeljković S.* Ekonomska isplativost etniciteta: ekonomsko ponašanje kao izraz etničkog identiteta među srpskim iseljenicima u SAD // *Etnoantropološki problem*. Београд, 2011. Т. 6. № 4.
7. *Ivanović V.* Geburtstag pišeš normalno. Jugoslovenski gastarbajteri u Austriji i SR Nemačkoj. Београд, 2011.
8. *De Haas H.* Migration and development. A theoretical perspective, International Migration Institute. Oxford, 2008.
9. *Marković P.* Izgubljeni u transmigraciji? Srpski gastarbajteri između svetova // *Hereticus*. Београд, 2009. № 4.

²⁹ Положение полевых исследователей из Румынии, работающих в Сербии в разных румыноязычных общинах, исследуется с антропологической точки зрения в форме автоперцепции в работе [69].

10. *Penev G.* Vojvodanske migracije tokom 1990-ih godina: više doseljenih, manje odseljenih // Zbornik Matice srpske za društvene nauke. 2006. № 121.
11. <http://popis2011.stat.rs>
12. *Maluckov M.* Rumuni u Banatu. Novi Sad, 1985.
13. *Sikimić B.* Romanians in the Serbian Banat: imagining Romania and the West // Migration and Identity. Historical, Cultural and Linguistic Dimensions of Mobility in the Balkans. Sofia, 2012.
14. *Sikimić B.* Români din Banatul sârbesc între Est și Vest // Actele simpozionului. Zrenjanin, 2013.
15. *Spariosu L., Savić S.* Životne priče žena u Vojvodini: Rumunke (1924–1974). Novi Sad, 2011.
16. *Хрустов П.* Гурбетчийството/печелбарството в централната част на Балканите като трансграничен обмен. Да живееш там, да се сънуваш тук // Емиграциони процеси в началото на XXI век. София, 2003.
17. *Hristov P.* Balkan Gurbet: History, Traditional Patterns and Cultural Dimensions, Labour Migrations in the Balkans // Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe. München; Berlin, 2012.
18. *Janjetović Z.* Deca careva, pastorčad kraljeva. Nacionalne manjine u Jugoslaviji 1918–1941. Beograd, 2005.
19. *Banić-Grubišić A.* Jedna drugačija gastarbajterska priča: Romi gastarbajteri – transnacionalna manjina u transmigraciji // Etnoantropološki problemi. Beograd, 2011. T. 6. № 4.
20. *Dragišić P.* Klubovi jugoslovenskih radnika u zapadnoj Evropi sedamdesetih godina // Tokovi istorije. 2010. № 1.
21. *Bratić D., Malešević M.* Kuća kao statusni symbol // Etnološke sveske. 1982. Knj. IV.
22. *Romelić Ž., Stojanović M.* Neki elementi kulture gastarbajtera derdapskih naselja // Etnološke sveske. 1989. Knj. X.
23. *Novaković A.* Gastarbajterske svadbe u selima u okolini Požarevca // The Post. Studentski antropološki časopis. 2005. № 1.
24. *Благојесућ Г.* Срби у Калифорнији. Обредно-религијска пракса и етницитет верника српских православних парохија у Калифорнији. Београд, 2005.
25. *Bukurov B.* Etnička struktura radnika koji su na privremenom radu u inostranstvu // Zbornik radova Geografskog instituta «Jovan Cvijić». Beograd, 1977. Knj. 29.
26. *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova 2011 u Republici Srbiji.* (Stanovništvo. Nacionalna pripadnost. Podaci po opštinama i gradovima). Beograd, 2012.
27. *Reineck J. S.* The past as refuge: gender, migration, and ideology among the Kosova Albanian. Diss. Berkeley, 1991.
28. *Von Aarburg H.-P.* L'émigration albanaise du Kosovo vers la Suisse: l'imprévisible évolution des projets migratoires // Ethnologie française. 2002. T. 32.
29. *Dahinden J.* Contesting transnationalism? Lessons from the study of Albanian migration networks from former Yugoslavia // Global Networks, a Journal of Transnational Affairs. 2005. T. 5. № 2.
30. *Dahinden J.* Deconstructing Mythological Foundations of Ethnic Identities and Ethnic Group Formation: Albanian-Speaking and New Armanian Immigrants in Switzerland // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2008. T. 34. № 1.
31. *Dahinden J.* Understanding (Post-)Yugoslav Migrations through the Lenses of Current Concepts in Migration Research: Migrant Networks and Transnationalism // Transnational Societies, Transterritorial Politics. Migration in the (Post-)Yugoslav Area, 19th–21st Centuries. München, 2009.
32. *Dahinden J., Moret J.* Transnationale Aktivitäten serbischer und kosovarischer Migrantenorganisationen in der Schweiz // Schweizerisches Jahrbuch für Entwicklungspolitik. 2008. T. 27. № 2.
33. *Nađ I.* Nekoliko obeležja migracije vojvodanske elite // Zbornik Matice srpske za društvene nauke. 2006. № 121.
34. *Gábrity-Molnár I.* The 50 years of Serbian migration, http://www.geography.unibe.ch/content/e9500/e10055/e10639/e15175/e15282/e15286/GabarityMolnarIrenSerbianmigration2008_eng.pdf
35. *Wastl-Walter D. et al.* Transnationale Migration und grenzüberschreitende Mobilität als Einflussgrößen der Regionalentwicklung im ungarisch-serbischen Grenzraum // Grazer Schriften der Geographie und Raumforschung. 2011. T. 46.
36. *Nađ Abonji M.* Golubije srce. Beograd, 2012.
37. *Marjanović M.* Друштвене и културне промене у селима влашке етничке заједнице Неготинске крајине. Београд, 1981.
38. *Marjanović M.* Гастарбајтерско село // Гласник ЕИ САНУ. Београд, 1995. Т. XLIV.
39. *Schierup C.-U., Ålund F.* Will They Still Be Dancing? Integration and Ethnic Transformation among Yugoslav Immigrants in Scandinavia. Umeå, 1986.
40. *Sorescu Marinković A.* The Gurban Displaced: Baysh Guest Workers in Paris // Kurban in the Balkans. Belgrade, 2007.
41. *Sorescu Marinković A.* Турђевданско јагње и/или гурбан за здравље // Крвна жртва. Трансформације једног ритуала. Београд, 2008.
42. *Leschber C.* Romanian-Serbian Code-Mixing Phenomena: Documentation of a Romanian Extra-Territorial Variety Showing Extensive Romanian-Serbian Code-Mixing Phenomena // The Romance Balkans. Belgrade, 2008.

43. *Popi G.* Româniile din Banatul sârbesc. Panciova; București, 1993.
44. *Maran M.* Kulturne prilike kod Rumuna u Banatu 1945–1952. Vrșac, 2009.
45. *Maran M.* Româniile din Voivodina. Istorie, demografie, identitate românească în localitățile Voivodinei. Zrenjanin, 2009.
46. *Bojin A.* Frământările sociale din Seleuș în timpul Primului război mondial // Actele simpozionului Banatul iugoslav, trecut istoric și cultural. Novi Sad, 1998.
47. *Spăriosu T.* Dascălii de altădată // Actele simpozionului Banatul iugoslav, trecut istoric și cultural. Novi Sad, 1998.
48. *Čorković M.* Nostalgia în literatura și în viață: povestea despre învățători dintre cele două războaie mondiale // Tradiții. Novi Sad, 2006. T. XII. № 29–30.
49. *Almăjan R.* Învațământul românesc din Voivodina. Zrenjanin, 2010.
50. *Gătăianu P., Baġiu P.* Locve ieri și astăzi. Novi Sad, 1989.
51. *Perišić M.* Od Staljina ka Sartru. Formiranje jugoslovenske inteligencije na evropskim univerzitetima 1945–1958. Beograd, 2008.
52. *Roșu C.* Personalități românești din Voivodina (1734–2004). Panciova, 2004.
53. *Magdu L.* Unde ne sunt intelectualii? // Actele simpozionului Banatul iugoslav, trecut istoric și cultural. Novi Sad, 2001.
54. *Magdu L.* În amurg: memorii, confesiuni, însemnări de călătorie, Timișoara, 2002.
55. *Spăriosu T.* Naționalitatea română din Iugoslavia la sfârșitul de mileniu – retrospectivă și perspectivă // Actele simpozionului Banatul iugoslav, trecut istoric și cultural. Novi Sad, 2000.
56. *Trifu Căta T.* Valul de emigranți din anii '60. Clandestin peste graniță // Europa. 2009. № 2/4.
57. *Roșu C.* Oameni de seamă ai Banatului de altădată și de acum // Actele simpozionului Banatul, trecut istoric și cultural. Timișoara; Novi Sad; Reșița, 2005.
58. *Ursulescu F.* Decreșterea ruralității românești în Banatul sârbesc // Actele simpozionului Banatul – trecut istoric și cultural. Novi Sad; Panciova, 2005.
59. *Vlahović B.* Najnovija doseljavanja Rumuna u Vrșac // Analele societății de limba română. Zrenjanin, (1972–1973). № 3–4.
60. *Spăriosu T.* Intelectualitatea românească din Banatul iugoslav // Actele simpozionului Banatul iugoslav, trecut istoric și cultural. Novi Sad, 1999.
61. *Ursulescu F.* Actele simpozionului Banatul iugoslav, trecut istoric și cultural. Novi Sad, 2000.
62. *Romelić J., Nagy I., Bjeljac Ž.* Degradation processes in rural borderline settlements in the region of Vrșac mountains // Zbornik radova Geografskog instituta «Jovan Cvijić» SANU. Beograd, 2010. Knj. 60. № 1.
63. *Skeldon R.* Migration and development: A global perspective. Essex, 1997.
64. *Sorescu Marinković A.* Toracul via Clec: când biografia bate etnografia // Caiete de teren. Torac – metodologia cercetării de teren. Novi Sad, 2006.
65. *Сукимух Б.* Бањаша на Балкану. Идентитет етничке заједнице. Београд, 2005.
66. *Sikimić B.* Băieși în contextul sud-slav. Piramida. Novi Sad, 2011. № 2.
67. *Sorescu Marinković A.* Caiete de teren. Torac – metodologia cercetării de teren. Novi Sad, 2006.
68. *Sikimić B., Ašić T.* The Romance Balkans. Belgrade, 2008.
69. *Sorescu Marinković A.* To be or not to be Romanian: Field emotions in Romanian speaking communities from Serbia // Dynamics of National Identity and Transnational Identities in the Process of European Integration. Cambridge (Mass.), 2007.
70. *Sikimić B.* Tragom terenskih istraživanja Emila Petrovića u Srbiji: Čokešina, Lokve i Ždrelo // Probleme de filologie slavă. Timișoara, 2007. № XV.
71. *Janjić I.* Motivation for Aromanian Language Learning in Serbia // Academic Days of Timisoara: Language Education Tod. Cambridge (Mass.), 2011.
72. *Sorescu Marinković A.* Romanian female migration to Northeast Serbia // Migration and Identity. Historical, Cultural and Linguistic Dimensions of Mobility in the Balkans. Sofia, 2012.
73. *Đurić-Milovanović A., Maran M., Sikimić B.* Rumunske verske zajednice u Banatu. Prilog proučavanju multikonfesionalnosti Vojvodina. Vrșac, 2011.
74. *Сукимух Б.* Етнолингвистика истраживања скривених мањина – могућности и ограничења: Черкези на Косову // Скривене мањине на Балкану. Београд, 2004.
75. *Spăriosu L.* Referiri asupra modului de viață și a unor obiceiuri la Torac. Paralelă între trecut și prezent // Caiete de teren. Torac – metodologia cercetării de teren. Novi Sad, 2006.
76. *Trifu Căta T.* Pe urmele intelectualilor petroviceni și a altor bănățeni // Familia. 1997. № 4/16.
77. *Labour Migrations in the Balkans.* München; Berlin, 2012.
78. *Luthar O., Petrović T.* Balkan u zapadnim turističkim vodičima – kreiranje identiteta kroz konstrukciju periferije // Sa beдекером по југоисточној Европи. Београд, 2005.
79. *Гречић В.* Српска мањина у Румунији као један од чинилаца унапређења међусобне економске сарадње две земље // Темишварски зборник. Нови Сад, 1994. № 1.
80. *Ganga D., Scott D.* Cultural «Insiders» and the Issues of Positionality in Qualitative Migration Research: Moving «Along» Researcher-Participant Divides // <http://www.qualitative-research.net/fqs>, 2006.
81. *Păun P.* Din corespondența lui Constantin Brăiloiu cu Vichentie Petrovici-Bocăluț // Analele societății de limba română. Zrenjanin, 1971. № 2.

82. *Roșu C.* Studii și cercetări de etnografie și folclor românesc din Voivodina //Anuar. 2010. Zrenianin, 2011.
83. *Sulișteanu G.* Elementul narativ și aspectul muzical în cântecele funebre ale românilor și sârbilor din zona «Porțile de Fier» (Gerdap) // Radovi simpozijuma o jugoslovensko-rumunskim uzajamnostima u oblasti narodne književnosti. Pančevo, 1974.
84. *Păun O.* Persa Pod. O mare interpretă a cântecului funerar // Analele societății de limba română. Zrenianin, 1971. № 2.
85. *Сукимић Б.* Тимски теренски рад Балканолошког института САНУ: развој истраживачких циљева и метода // Теренска истраживања – поетика сусрета. Београд, 2012.
86. *Roșu C.* Prefața // Caiete de teren. Torac – metodologia cercetării de tere. Novi Sad, 2006.
87. *Popi G.* Colaborarea pe plan cultural a românilor din Banatul iugoslav cu societăți culturale din Banatul românesc // Actele simpozionului Banatul iugoslav, trecut istoric și cultural. Beograd, 1997.
88. *Trailovici Condan M.* Simpozioanele sârbo-române și contribuția lor la cercetarea științifică multilaterală a relațiilor sârbo-române // Actele simpozionului Banatul iugoslav, trecut istoric și cultural. Beograd, 1997.
89. *Puia Bădescu M.* Relațiile între universitățile din Belgrad și Novi Sad cu medii universitare și scriitoricești din București // Actele simpozionului Banatul iugoslav. Trecut istoric și cultural. Novi Sad, 2000.

© 2014 г. Л. Н. БУДАГОВА

ОБ ИСТОРИИ И СПЕЦИФИКЕ СЛОВАЦКОГО СЮРРЕАЛИЗМА (К 75-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ ГРУППЫ СТОРОННИКОВ ТЕЧЕНИЯ)

В статье рассматривается формирование словацкого сюрреализма (надреализма), своеобразие его программ и практики, связи с чешским авангардом; анализируется творчество Р. Фабры и В. Рейсела, крупнейших представителей словацкой сюрреалистической поэзии.

The article considers the formation of Slovak Surrealism (also called Nadrealism), specific character of its programmes and practices, links to the Czech Avantgarde, furthermore, analyses the work of the most prominent representatives of Slovak surrealist poetry R. Fabry and V. Reisel.

Ключевые слова: В. Незвал, поэтизм, чешский сюрреализм, словацкий сюрреализм (надреализм), Р. Фабры, В. Рейсел.

Словацкий сюрреализм, наиболее ярко проявившийся в поэзии и вошедший в историю национальной литературы как надреализм, впервые заявил о себе в 1935 г. сборником стихов двадцатилетнего поэта Рудольфа Фабры «Отрубленные руки». Это был разгар активности группы чешских сюрреалистов, основанной В. Незвалом в марте 1934 г. Разочаровавшись к тому времени в поэтистской концепции беспроblemного искусства-игры, лидер чешского авангарда присоединился к сюрреализму. Полеветший к концу 1920-х годов западноевропейский сюрреализм сменил лозунг «сюрреалистической революции» на иной – «сюрреализм на службе революции» (так назывались и журналы французских сюрреалистов, выходившие в 1924–1929 и 1930–1933 гг.). Это позволило Незвалу, сохранив самосознание революционера (что было тогда признаком прогрессивности), продолжить начатые в середине 1920-х годов поиски путей раскрепощения психологии и стилистики творчества, но теперь уже сюрреалистическими методами – за счет активизации подсознания и бесконтрольности самовыражения, «чистого психического автоматизма». Сюрреализм, высоко поднятый на щит чешским авангардом, переживал в конце 1920-х – начале 1930-х годов не лучшие времена. От французского течения отошли за это время Ф. Супо, А. Арту, Р. Видрак, Р. Деснос, Ж. Превьер, Л. Арагон; в 1935 г. покончил самоубийством Рене Кривель. В 1932 г. распалось из-за преследования его сторонников сюрреалистическое течение в сербской литературе, сложившееся всего за год до этого. Создание чешской группы повысило престиж сюрреализма, вдохнуло в него новую жизнь.

Можно сказать, что сборник Р. Фабры возник на подъеме сюрреализма в наиболее близкой Словакии чешской литературе и, разумеется, не без ее влияния.

Но сознательное формирование сюрреалистического течения на словацкой почве активизировалось позднее, только в 1938 г., когда чешский сюрреализм переживал кризис, когда открыто проявлялись эстетические расхождения между В. Незвалом и А. Бретоном и политические разногласия в среде чешских сюрреалистов. Совокупность этих причин при нараставшем равнодушии к сюрреализму Незвала, жаждавшего перемен, побудили его объявить о роспуске созданной им группы, что не прервало, но ослабило чешский сюрреализм, далее существовавший без своего вдохновителя. Деятели словацкой культуры, подхватив эстафету чешского сюрреализма, ослабленного отходом от него Незвала, способствовали, во-первых, продлению жизни международного течения, во-вторых, модернизации словацкого искусства, потребность в которой особенно остро чувствовала творческая молодежь.

Несовпадение стадий развития сюрреализма в двух близких друг другу славянских литературах (в одной сюрреалистическое течение идет на подъем, в другой – на спад) демонстрирует такой эпизод.

14 марта 1938 г. в Праге состоялось, уже без Незвала, сообщившего 9 марта редакции газеты «*Naló poviny*» о том, что он распускает группу чешских сюрреалистов, собрание группы, распускаться не собиравшейся. В нем принял участие «в качестве словацкого гостя» критик Михал Поважан. Протокол заседания сохранил запись Карела Тейге: «О создании словацкой сюрреалистической группы сообщил М. Поважан. Группа словацких сюрреалистов, которая еще только формируется и которая вступила в контакты с Бретоном и парижской группой, вела переговоры и с Незвалом. Тот, однако, к созданию группы отнесся скорее отрицательно. Обещая написать предисловие к сборнику, который собирается издать словацкая группа, он в то же время заявил, что культурная ситуация в Словакии, при том, что сюрреализм – течение международное, пока еще не созрела для сюрреализма, и что в попытке основать там сюрреализм он усматривает нечто насильственное и волюнтаристское, нечто противоестественное для словацкого искусства. Поважан полагает, что теперь, после незваловского заявления, братиславская группа скорее всего не будет претендовать на его предисловие к сборнику» [1. С. 80]. Причина прохладного отношения Незвала к инициативе словаков коренилась, конечно же, не в словацкой литературе, якобы «не созревшей» для сюрреализма, а в нем самом, сюрреализмом пресытившемся.

Однако в Словакии отношение к сюрреализму тоже было далеко не однозначным. Например, Янко Есенский (1874–1945), патриарх словацкой литературы и один из сторонников Словацкой модерны, давшей жизнь словацкому символизму и волне модернизированного словацкого реализма, относился к авангардным нововведениям отрицательно. В авангардном искусстве персонажам его двухтомного романа «Демократы» (1934, 1938) слышалось нечто патологическое – «вскрики со сна, горячечный бред, бессвязное бормотание» [2. С. 89], а именно так мог восприниматься сюрреализм с его культом бессознательного. Считая авангардные течения «маленькими ручейками», не способными заглушить «моря, озера, могучие реки классического искусства», Есенский прослыл «антиподом литературного авангардизма» [3. С. 466]. Оппоненты могли возразить писателю, что и «маленькие ручейки» нужны литературному пейзажу, поскольку способны оживить его и внести свежую струю в «могучие моря и реки» национальной классики. Впрочем, и сам Есенский не стоял на месте, но приводил свою поэтику в соответствие с новыми ритмами и восприятием бытия, сторонясь авангардных экспериментов.

С такой же страстью, с какой «стариками» защищали традиционное искусство, молодежь старалась показать его слабости. Здесь очень показательны язвительные нападки на Светозара Гурбана Ваянского (1847–1916) молодого Александра Матушки, напомнившие, как в 1920-е годы, с таким же юношеским запалом громил Витезслава Галека (1835–1874), кумира дедов и отцов, Витезслав Незвал,

нареченный, кстати, в его честь. А. Матушка назвал в статье «О словаре Ваянского» (1938) стиль писателя «абстрактным, неопределенным, теологическим» и однообразным, «склонным твердить одно и то же везде и всюду». Что у Ваянского всегда «сказочно»? – спрашивал критик, и сам же отвечал: «красота горного края, женские чары, туманные дали, пламенные взоры, улыбка, глубина, русалка, красота». «Что – отличается чистотой? Долина, голос, плечико, идеализм, небо, вино, постель, замысел [...] Что – мечтательное? Напев, шелест, душа, бор». «В книгах Ваянского, – писал А. Матушка, – много аллегорий и антропоморфизмов: одни поэтические иллюзии из-за недостатка поэтических реалий [...] Подобная проза никого не смущает и не увлекает, ибо она бесформенна; она лишь переносит свое-го автора от вещей и жизни в придуманный салон» [4. S. 302–306].

Сборник «Отрубленные руки» Р. Фабры был творчески дебютом не только молодого поэта, но и нового направления в словацкой литературе, чья практика на три года опередила его официальное рождение, зафиксированное в программных документах.

Но прежде – о хронике связанных с рождением и утверждением словацкого сюрреализма событий, воссозданной в материалах книги Микулаша Бакоша «Авангард 1938». Она свидетельствует о том, что теоретико-публицистическая деятельность сторонников сюрреализма в 1936–1937 гг. – это, в основном, попытки разыскать в культурном наследии его провозвестников и те традиции, на которые можно было бы опереться, попытки обосновать его необходимость, приобщить к нему своих сограждан. Одновременно это период создания Союза научного синтеза. Он выступал за сотрудничество разных наук – философии, психологии, эстетики, лингвистики, литературоведения и т.д., объединивших (по примеру Пражского лингвистического кружка) специалистов разного профиля, которые способствовали созданию группы словацких сюрреалистов. Ее возникновение датируется апрелем 1938 г. В июле того же года вышел программный сборник «Да и нет» под редакцией М. Бакоша и К. Шимончича (сначала в виде отиска тройного номера журнала «Slovenské smery», 1938, № 6–8, а вскоре и отдельным изданием с подзаголовком «Сборник 1938»). Выход сборника как бы утвердил в глазах общественности новое объединение, куда вошли поэты Р. Фабры, В. Рейсел, Морис М. Дединский, Юлиус Ленко, теоретики М. Поважан, Клемент Шимончич, М. Бакош, Ярослав Гонза (Дубницкий). Скоро к ним присоединились поэты Штефан Жары, Ян Брезина, Ян Рак, Иван Кунош (Купец), художники Ладислав Гудерна, Вилиам Хмель, Йозеф Костка, Циприан Майерник, Ян Мудрох и др.

Опубликованные в сборнике 1938 г. материалы (статьи, заявления, информации, художественные тексты) проясняли жизненное и творческое кредо участников нового течения, их политическую и эстетическую самоидентификацию, а вместе с тем – специфику и функцию словацкого сюрреализма (с февраля 1939 г. переименовавшего себя, дабы подчеркнуть свою особость, в «надреализм»).

Одна из его характерных черт – лояльное отношение к национальным традициям, оговоренное уже в программах. Обычно бескомпромиссный в теориях, авангардный антитрадиционализм стихийно смягчался в ходе творческой практики или сознательно оспаривался, но на исходе сюрреалистических увлечений. Словацкие сюрреалисты в первом же совместном сборнике оговорили свою лояльность к традиционному искусству, проведя четкую границу между «да» и «нет» в нем и отмежевав отжившие и реакционные традиции от перспективных и прогрессивных. «Мы никогда не стремились выступать против традиций, – говорилось во вводной статье, подписанной М. Бакошем и К. Шимончичем. – [...] Мы против реакционности, против фашизма, порабошающего души, – здесь звучит наше решительное “нет”, – но мы за прогресс и положительно относимся ко всему прогрессивному, что есть в словацких традициях, – и здесь – наше “да”» [5. S. 181].

К прогрессивным были прежде всего отнесены традиции словацкого романтизма, ярко воплотившегося в творчестве Янко Краля. О нем слагались стихи, проводились посвященные ему вечера. Народный колорит его произведений мог и не затрагивать творчество молодых сюрреалистов. Однако важна была сама декларация связи с культурным наследием, не исключавшая свободу маневра между старыми и новыми приемами.

Не без влияний чешского поэтизма, стремившегося освободить – согласно теории разделения труда – художественное творчество от социально-политических проблем, словацкие теоретики нового направления тоже использовали эту теорию, переосмыслив ее в статье «Да и нет» по-своему. Границу между творческой и социально-политической активностью человека они пытались провести на уровне психологии личности, разделяя чувства и разум, иррациональность и рациональность и связав искусство со сферой эмоций, с иррационально-субъективными способами познания мира

К мыслям об иррациональности, как специфике современного искусства, и прежде всего поэзии, сторонники сюрреализма стремились приучить публику и раньше. Так, в лекции «Почему не понимают современную поэзию», переданной по радио Братиславы 28 октября 1937 г. и опубликованной в журнале «Slovenské smery» (1937–1938), В. Рейсел рассуждал: «Поэзия прошлого уповала на разум. Разум был ее альфой и омегой. Идея была основным началом, движущей силой поэзии. Мысль господствовала в поэзии, определяла ее. Поэзия была тенденциозной, программной». Современная поэзия отличается от нее: «Не пытайтесь искать в ней идейных умозаключений или логических периодов. Вживайтесь в нее. Отдайтесь подсознательным движениям души, исходящим из глубин личности, откройте все свои чувства и вибрируйте вместе с автором» [5. S. 184–185].

Примечательной особенностью словацкого надреализма можно считать большое число увлеченных им поэтов. В группе чешских сюрреалистов главным и практически единственным представителем поэтического Олимпа был Незвал. Другой поэт, Константин Библи, держался в тени, его единственный сборник сюрреалистической поэзии (точнее, поэзии сюрреалистического периода) «Зеркало ночи» (1939) можно считать проходным в творчестве автора. Соратники Незвала по поэтизму разошлись к тому времени по индивидуальным творческим путям и держались в стороне от группы сюрреалистов. У словаков ситуация была другая. Сюрреализм стал для них первым авангардным течением, возникшим на родной почве с целью обновления национального искусства. Словацкие литераторы чуть более старших поколений испытали на себе – в разной степени – влияние чешского поэтизма. Его уроки не прошли бесследно ни для Л. Новомеского, ни для Я. Смрека, ни для Я.Р. Поничана, ни для многих других словацких литераторов – ровесников XX в., чья творческая молодость пришлась на 1920-е годы. Но для их младших братьев по перу новые открытия обещал уже не столько оставшийся в прошлом поэтизм (хотя, как покажет ниже анализ дебютного сборника Фабры, он продолжал оказывать влияния на молодежь), сколько свой доморощенный, хоть и формировавшийся под французским и чешским влияниями, сюрреализм. Поэтому так дружно и потянулись к нему словацкие поэты, критики, живописцы. Отсюда – его многолюдность (особенно разительная на фоне чешской ситуации).

Жизнеспособность сюрреалистической группы нашла подтверждение в акциях ее участников – организации вечеров и выставок сюрреалистической поэзии и живописи, чтении лекций о новом искусстве, подготовке новых коллективных сборников: «Сон и явь» (Братислава, 1940); «Днем и ночью» (Братислава, 1942), альманаха поэзии «Приветствие» (Братислава, 1942). Не имея своего периодического издания, словацкие надреалисты собирались использовать в своих целях журнал «Nové slovo», издававшийся с 1940 г. в Трнаве. Однако первый же подготовленный ими номер был запрещен полицией 7 января 1941 г.

Сплоченность сторонников нового течения, единство их действий не влекло за собой даже намек на творческую унификацию. Они были яркими индивидуальностями, и этим все сказано. «Разве можно что-то потерять из своей индивидуальности в кругу людей, каждый из которых – индивидуальность?» (В. Рейсел) [5. S. 134].

Словацкий сюрреализм затронул разные сферы искусства, однако лидером движения была поэзия. Раньше других словацких поэтов связали себя с сюрреализмом, проложив ему дорогу в родную культуру и создав произведения, признанные вершинами его словацкого варианта, Р. Фабры (1915–1982) и В. Рейсел (1919–2007).

Двадцатилетний Р. Фабры не сразу проявил себя сюрреалистом. О том, что он прошел через предсюрреалистическую стадию, свидетельствовал «Пролог», первый раздел сборника «Отрубленные руки». Сначала он состоял всего из пары стихотворений. Но во втором издании (1966) книги поэт расширил состав «Пролога». Жанры стихов (песни, баллады), размеры (силлабо-тоника), персонажи, мотивы (природа, родина, любовь, бродяжничество, кораблекрушения, разбойничество, несбывшиеся надежды, гибель и т.д.) создавали впечатление, что молодой поэт шагнул в 1930-е годы не из XX, а из XIX в., из стихии словацкой фольклорно-романтической поэзии, не заметив ни гражданско-патриотических произведений П.О. Гвездослава, ни ироничного стиха Я. Есенского, лишавшего национальную словесность патетики, ни остро социального творчества Я.Р. Поницана.

В первом сборнике Р. Фабры, еще не успевшего завоевать репутацию сюрреалиста, стихийно обозначились наиболее близкие новому течению местные традиции, а именно традиции словацкого фольклоризированного романтизма.

Отдельные стихи «Пролога» и большинство из основной части сборника Р. Фабры показывали, что ему была хорошо знакома и поэзия чешского авангарда, т.е. современная составляющая, задействованная в формировании словацкого сюрреализма. Фабры роднили с ней незваловские образы и ритмы (ср. с «Поэмой ночи» В. Незвала стихотворение Фабры «И вечный свет», хотя в первом случае развиваются городские, а во втором – деревенские мотивы). Их объединяли общие кумиры (Гийом Аполлинер), любовь к Праге – городу «в центре Европы» с его святынями («пражский Иисусик», Jezulátko), сходные лозунги. Эпиграф «Во имя искусства откажемся от искусства» к разделу «Fair play» («Честная игра»), вероятно, был навеян призывом И. Восковца – «Во имя агитации устраним агитацию из искусства». Дальнейший ход развития и чешской и словацкой поэзии раскрывал неоднозначность этих призывов, их конечный смысл, состоявший не в ниспровержении, а в обновлении искусства, в отказе не от агитации, а от ее любовых форм. Отголоски чешского поэтизма, стремившегося сделать поэзию «игрой», слышались и в стилизациях Фабры под детские считалочки («Поэт», «Птичий сейм», «Девичий напев» и др.), в его гномических и альбомных стихах с легкими ритмами. В современной словакистике есть мнение о том, что словацкий надреализм ближе поэтизму, чем сюрреализму. На мой взгляд – он близок и тому и другому. Словацкая литература в 1930-е годы одновременно проходила разные стадии авангардного искусства, которые чешская литература переживала сначала в первое, а потом во второе послевоенные десятилетия. (Так в XX столетии проявился эффект ускоренного развития словацкой литературы, теперь уже связанного с процессами ее модернизации.)

В основной части сборника «Отрубленные руки» присутствовали и прямые знаки приобщения их автора к сюрреализму. Они заменяли собой пока еще не написанные манифесты, называли кумиров и демонстрировали особенности рождающегося направления. Поэт посвящает Бретону стихи «La fée de la mer» («Фея моря»), использует элементы поэтики сюрреализма, такие, например, как «размножение» ассоциаций, скрепленных анафорами и параллелизмами (излюб-

ленный прием незваловской поэзии), и конечно же, отказывается от знаков препинания (здесь и далее цитаты даются по сборнику [6]):

ее плечи как револьвер
ее грудь как реклама
ее походка как бойня арабов
ее очи как солнце
ее тело как кинжал корсиканца
ее хребет крепче моих зубов
[...]
ее поцелуй как пароход на Замбези

(Здесь и далее перевод мой)

Фабры широко использует верлибр, где скрепляющим началом становится интонация, не исключает, впрочем, и регулярный рифмованный стих. Демиургом творчества становится свободное воображение. Смысл произведения, ведомого не логикой мысли, а полетом фантазии, подсознательными ощущениями, усложняется, допускает множественность толкований. И любое из них, если не опираться на авторские пояснения, можно считать произвольным (как толкование симфонической музыки, действующей на настроения и чувства и трудно поддающейся вербализации, или как интерпретация абстрактной живописи). Заметим, что на такое восприятие настраивали публику и сами сюрреалисты. Однако в стихах Фабры есть определенность, можно смело сказать, что он писал о детстве, о любви, поэзии, природе, но раскрывая традиционные темы по-новому, с помощью странных, но свежих, не затасканных образов, рожденных сознанием, путающим реальность со сном:

Ты киваешь мне издалека
Ты киваешь мне из глубин
Кто узнает твою шляпку в голубых барашках
Ты манишь меня рукой как горящая свеча
Я исчезаю в твоих устах в голубых барашках
Ты киваешь мне от любви

(«Как долго это длится»)

Посреди стиха сотворите
трехцветным мелом рифму
и лишь в ней затвердеет
алчное чрево земли
Там будет биться вечно горячее
сердце любви устыдившее все вулканы
Но когда мы придем в те края
рифма превратится в красный дым
а дым превратится в желтый улей
а глина превратится в зеленого человека
а человек превратится в краску молибдена
а молибден в букет белесых глаз
а эти очи увидят в чреве стиха рифму

(«Перемены замены»)

О сюрреалистической ориентации сборника говорит и раздел «Автоматические тексты», определеннее других декларирующей солидарность автора с тематикой (стихотворение «Три сна») и творческим методом сюрреализма. Однако собранные там произведения больше похожи на вполне продуманные выражения поэтического кредо автора. Один из текстов, написанный от имени не только автора но и его друзей, – признание в любви Аполлинеру, «Поэту Калиграмм». Другой –

«Смерть соловьям и канарейкам» – отражает взгляды автора на поэзию и называет тройку его кумиров – лидеров французского, чешского и сербского сюрреализма:

вам пан Бретон мой поклон и мое почтение
вам пан Незвал мой поклон и мое почтение
вам пан Ристич мой поклон и мое почтение

Зато прозаический текст «Из потерянной записной книжки» вполне мог возникнуть в ходе бесконтрольной, «автоматической» фиксации спонтанно возникающих образов. Он представляет хаотический коктейль бытия, «больницу впечатлений», где все вперемешку – город, джунгли, Альпы, люди, слоны и комары, Храм Природы и Храм Любви. В этом порождении бредовой и изобретательной фантазии всплывают на миг и детали реальной жизни – «полицейский на углу». Но они тонут в призрачных картинах, вроде «плавающего в воздухе барабана, который старается коснуться человека», и других фантазмагориях. М. Бакош увидит в этом произведении «попытку словацкой литературы вырваться из условностей реалистической прозы» и сравнит его с творениями предшественников (Лотреамона) и классиков французского сюрреализма (А. Бретона), поставив в один ряд с ними и молодого словацкого поэта [4. S. 28]. В сборнике проявились и такие черты стиля Фабры, связанные не столько с сюрреализмом, сколько с индивидуальностью поэта, как звукопись, использование ассонансов и аллитераций («Как поет ветер?»), экспрессивность образов, придающая особую окраску словацкому авангарду. Это проявилось уже в «кровожадном» названии сборника, которое толкуют по-разному. На мой взгляд, оно скрывает в себе неоднозначный смысл. С одной стороны, в нем можно увидеть отсылку к устоявшимся представлениям о художественных ценностях, к образу Венеры Милосской – изваянии дивной женщины с отсутствующими руками. С другой – шокирующий образ изуродованной, кровоточащей плоти. Первый смысл подтверждается эротическими мотивами сборника. Другой – употреблением слов «кровь», «крававый» Прочитывается и третий смысл – сила словесного самовыражения безрукого существа, вынужденного всю свою экспрессию, страсть, энергию вкладывать в слово, которое заменяет ему все жесты и деяния. Наконец, сам автор в стихотворении, посвященном Рене Кревелю, использует образ отделенных от тела рук в контексте, позволяющем предположить, что речь идет об образе поэзии:

Его дорогие осколки
разлетелись во мне
как солдат когда он по кладбищу ползет
и оставляет следы в цветах
что осталось мне от его отсеченных рук
только музыка на площади
что осталось мне
(«à René Crevel»)

Заметим, что «Музыка на площади» – название сборника 1923 г. чешского революционного поэта И. Горжейшего, прошедшего Первую мировую войну. Отсюда, возможно, – «солдат», «осколки» и другие военные атрибуты стиха о гибели поэта и бессмертии поэзии, обогащающей мир своей мелодией и продолжающей звучать «музыкой на площади». Неопределенность всегда порождает вольность трактовок.

Ориентация Р. Фабры на сюрреализм, продемонстрированная в первой книге 1935 г., находит подтверждение и продолжение в сборнике «Водяные часы часы песочные» (1938), где объединяющим началом стало движение, «образ времени», перетекание прошлого в настоящее, украшенное воображением. Импульсами для многих стихотворных и прозаических текстов, по-прежнему окропленных «кровью», как и стихи первого сборника (дом, похожий на «пятна засохшей крови»),

«корешками крови расцвеченные ногти», «кровь брызжет на грудь кормчего», «мешалка для крови и меда» и т.д.), служат вроде бы малозначащие воспоминания, которыми дорожит далеко не каждый («Мало кто вылавливает из мутных вод незаметных событий рыбок воспоминаний», – из прозы, открывающей сборник). Однако для полного самовыражения художника, к которому стремился сюрреализм, имеют значение любые подробности, мелькнувшие в памяти. Многие связаны с любовными переживаниями.

С непривычной для словацкой поэзии откровенностью поэт развивает эротические мотивы, передавая ощущения от телесной стороны любви («Любимая хоть и прошло много лет и я не знаю жива ли ты а ночи все хранят в себе наши движения»; «Твои бедра нежнее чем розы в слезах росы» и т.д.).

Впрочем, в «паутине» памяти живет не только любовная тоска, но и «цветная мошкара детства», родные люди, которых уже нет, теплится образ народа, родины («Я смотрю вместе с вами на мир / Вижу тело Татр / Окровавленные ядрышки покрытые словечком народ»).

В нескольких стихах всплывает мотив «старой фабрики», ассоциирующейся с детством:

У кого из шестилеток
Не разбивалась раскрашенная кофейная кружка
На уроке закона Божьего
Кто не влюблялся в библейских женщин
[...]
Я тогда грезил похищениями
Как это принято у цыган
Как в маленькой
Глиняной конурке под старой фабрикой

«Фабрика» и все, что связано с ней, становится как бы начальной точкой познания мира: «На поле под старой фабрикой/ Я первый раз/ Встретил женщину/ В канаве под старой фабрикой/ Я первый раз понял бедняка/ Судьбу херувима залитого стеклом / Из пыли дыма и крови».

Постепенно в круг воспоминаний входят новые люди и события, примечательные как для поэта, так и для его времени. В итоге всплывающие в игре воображения островки ясности вырисовывают «образ эпохи» с ее проблемами, катастрофами и надеждами и творческое кредо автора – перейти «от понятий к образам».

В стихах нового сборника оставляет свой след Первая мировая. Поэт, родившийся в 1915 г., пережил ее несмышленишем, но, отняв у него отца и дядю, «старого моряка», повидавшего свет, распевавшего «песни о любви и Титанике», она нанесла и ему душевную рану: автора тревожит социальная неустроенность. Подобно чешскому революционному поэту Иржи Волькеру (1900–1924), который, осуждая классовое расслоение, «эксплуатацию человека человеком», акцентировал в одном из стихотворений несчастный случай на стройке – падение со строительных лесов рабочего, Р. Фабры упоминает о гибели фабричного механика. Не ограничиваясь этим фактом, он домысливает его в духе сюрреализма, превращая образ жертвы в страшный призрак, созданный по принципу сюрреалистического объекта, и вкладывая в него протестный смысл:

Старики говорят о фабрике
Где пару лет назад
Погиб механик
Огненный человек вроде бы сидит
С мешком полным крови
С переломленным телом
Опираясь на ветер
Окрашивая воздух

Следом возникает мотив «женщин легкого поведения», «тяжко» добывающих свой «хлеб», и славящих простого «петуха», противопоставленного пестрому «павлину». Мысль о петухе, вероятно, возникает у автора по ассоциации с рассветом, завершающим ночи продажной любви. Эта, еще недолюбленная поэзией, птица вдруг усложняет свою семантику, втягивает в стих разные стороны бытия – низменные, возвышенные, радостные, горькие, вызывающие отчаяние, пробуждающие надежду.

Славлю тебя пан навоза
Проводник смерти
Певец на погребении ночи
[...]

Ты кто клюет подкрашенные глаза богачей
За то что они сжигают рожь вихрь человека
Ты кто знает что ненависть выше состраданий

Ты кто пьет мыло ветра старые вкусы вчерашнего дня
Петух крика и голода детей
Петух простого флага
Кто не достоин
Поцеловать твое крыло

Оно пробуждает мир
Пахнет бездонностью
Набухает счастьем

Острота восприятия жизни вызывает чувство стыда за людей («И тебе очень стыдно что ты человек») за эти «огромные амфоры наполненные кровью всех поколений», а также чувство сострадания к «безвинно растерзанным ребятишкам Испании» и «детям Китая закованным в цепи», чей звон «отзывается двойным эхом их боли». Но она же рождает чувство мести и желание бороться за справедливость:

Наше право это право человека
Но есть люди угнетающие людей
И когда месть взрывом вырвется на волю
И когда стрелки на часах покажут время счастья
Следы неправды поблекнут

(«Сад жестокости»)

В «образе времени», создаваемом автором, было место и вере в будущее, то возникавшей в потоке мыслей («все Бастилии падут как слеза»), то вытекавшей из житейских наблюдений. Одно из них – за пассажирами ночного поезда, когда к женщине подсаживается мужчина, а поэт пытается представить их дальнейшую судьбу, надеясь, что их связь даст жизнь «далекому от наших дней человеку который не будет ни рабом ни рабовладельцем». Отравленный «этим столетием», когда «смерть бывает счастьем», поэт все же приходит к выводу, что не смерть, а «любовь есть счастье» («Разговор», «Ночи без конца»).

Последний раздел сборника назывался «Доброй ночи». Некоторые мотивы и интонации стихов раздела перекликались с произведениями Незвала 1920-х годов, показывая, что не оборвалась рано проявившаяся связь Фабры с поэтизмом. Речь идет о стихах, воссоздающих – по примеру «Алфавита» В. Незвала (сб. «Пантомима», 1924) – предметные ассоциации с очертаниями букв. Буква «А» напоминала Незвалу хижину и вызывала мысли о людях, лишенных крова; «U» – пробуждало воспоминания о «тихом детстве» с «мычанием коров в излучине реки», «G» и «Q» – ассоциировались с «лассо Фербенкса», охотой на буйволов и «аргентинским

бифштеком» и т.д. Похожие опыты со своим воображением проводит и Фабры, только сравнивая не буквы с предметами, а предметы с буквами:

Ель перевернутое V
Озеро большое O
Ручей извилистое S
Колодец черное U

(«Иду по просторам»)

Обращают на себя внимание и другие сходства с Незвалом. В своей поэме «Эдисон» (1927) о человеке, разогнавшем ночной и душевный мрак светом разума, Незвал, прежде чем поставить точку, разражается каскадом прощаний с разноликими чертами бытия:

Будьте грустны и прекрасны! Доброй ночи
метеоров огненные очи!

[...]

До свиданья звезды птицы губы очи
до свиданья кладбища под глогом
до свиданья с богом! До свиданья с богом!
Доброй ночи! Доброго сна!
Доброй ночи!
Доброго дня!

(Перевод Д. Самойлова)

К тому же приему непосредственного общения со стихиями и явлениями жизни прибегает и Фабры в своем верлибре «Напоследок», замыкающем сборник «Водяные часы...». Каждая строфа стихотворения начинается анафорой «Доброй ночи», обращенной к темной ночи, красной крови, океану, земле, воде, ясным звездам, ветру, птицам, женщинам, своему сердцу, призракам, словам. В последней строфе к этому пожеланию присоединяется «до свидания», обещая новые встречи в поэзии:

Доброй ночи и до свидания
До свидания в поэзии

Эти слова, пронизывающие разные по стилистике тексты, придают им особую интимность, сближая Фабры с Незвалом не пафосным, а лирическим выражением своего «да» жизни.

Извлеченный из поэзии Фабры круг тем и мотивов (детства, любви, родины, Первой мировой войны, социальных проблем, политической ситуации 1930-х годов и др.) был предсказуем для художника экстравертного склада, открытого страданиям и радостям бытия. Он свидетельствовал, что сюрреализм был для этого типа личности не уходом от реальности в иррациональный мир грез, фантазий, сновидений, а означал лишь активизацию иррационально-фантастических, алогичных начал для более непредсказуемого и необычного, чем это допускалось традиционным искусством, ее отражения и одновременно самовыражения. Явная социальная заостренность второго сборника Фабры со своей, словацкой стороны, подтверждала принадлежность сюрреализма к левому крылу искусства XX в. Он не шел вразрез с мировоззрением человека, арестованного в 1937 г. во время поездки в Румынию за революционную деятельность.

Сюрреалистический период творчества Фабры завершился публикацией стихотворного цикла «Я это кто-то другой» (1946). Он состоит из связанных между собой, но самостоятельных частей, каждая из которых имеет свое название. В своей совокупности они представляют единое целое, поэтому его часто называют поэмой, хотя, чтобы сложиться в поэму, стихам этого цикла не хватает связующих элементов. Цикл создавался и публиковался отдельными частями в журналах и

сюрреалистических сборниках во время войны. Некоторые разделы были написаны сразу же после ее окончания.

Вторую мировую войну родина поэта пережила в качестве вынужденной союзницы Германии. Отделенная от Чехии и Моравии и ставшая самостоятельным государством, Словакия получила «свободу» из рук Гитлера, которую язвительный Я. Есенский сравнил со «свободой птенца в когтях у хищника». Военная реальность определила особый колорит вошедших в цикл стихов, где доминируют темы любви и смерти, образы вроде бы ушедшей из жизни возлюбленной и картины Апокалипсиса, этого «торжества гибели», когда вселенная полыхает в огне и «тьма» «прорастает корнями в свет дня». Цикл продемонстрировал возросшее мастерство поэта, которому сюрреалистическое раскрепощение помогло полностью реализовать огромный талант, выразить свою душу и свою философию жизни, показать поступь истории и современность, избегая «анемичных» (Г. Флобер) и «литературнопошлых» (И. Бунин) слов, заменяя понятия – впечатлениями, «частичками бытия» (А. Пушкин), лексические абстракции – предметными образами.

Именно с их помощью Р. Фабры воплотил самые сложные переживания и материи, виртуозно переведя невыразимое в визуальный ряд. Книга 1946 г. продемонстрировала возросшую коммуникативность текстов Фабры, отказавшегося от бредовых образов (вроде летающего в воздухе барабана). Его поэзия стала более ясной, способной очень многое сказать читателю, хотя автор, как подобает сюрреалисту, избегал слов, прямо определяющих настроения и чувства, а старался выражать их через знаки материального мира и излюбленных сюрреализмом состояний. Вот, например, как зримо и конкретно передает поэт мучительность и нежность любви к женщине, доставившей много страданий, и ощущение зыбкости жизни, тающей как снежинка или как дыхание на разбитом зеркальце:

Не возвращайся ко мне
хотя на это есть время
ты сама прекрасно знаешь
что стала кровавой мельницей
моей жизни
окруженная влажным дыханием горячечных химер
оглушенная ветерком спугнутым с колыбели сна
твоя печаль взгляд в осеннюю ночь
твоя грудь приливы и отливы
не встречающие берегов
где когда-нибудь мы угаснем как дыхание на разбитом зеркале
как растаявшая снежинка первого снега
Ты меня вряд ли еще увидишь а если увидишь
то в виде сонной капли обманчивой мглы
в исчезающих drobных брызгах
(«Вместо посвящения»)

Столь же овеществлен, но уже с помощью других, более грубых материй и загадочный автопортрет лирического героя, а точнее, поэзии:

А если сказать о себе
то я вроде барабана из перепонки своего уха
поэтому я не чувствую себя но вы чувствуете меня
я камень что рассказывает байки горным туманам
они высоко и безлики
я колокол без башни и башня без крова
своим звенящим сердцем я звонарь
(«Первая встреча с Фенеом»)

Линия драматических отношений с любимой, сосредоточенность на интимных переживаниях сочетаются в стихах цикла с острой реакцией Фабры на разразившуюся катастрофу Второй мировой войны. Примечательно, что в одном из его довоенных стихотворений вдруг ни с того, ни с сего мелькнуло слово «Сталинград», будто набежала тень будущей войны и где-то в глубине души зародилось ее предчувствие. Уже во время войны тема Сталинграда, внушившего надежду на разгром фашизма, стала одной из самых заметных в чешской и словацкой поэзии (Ф. Грубин, Я. Смерк и др.). Ян Смерк предсказывал:

и не останется на земле поэта,
который не напишет о тебе, хотя бы
строку

(«Сталинград», 24 ноября 1942)

По крайней мере в отношении Р. Фабры он не ошибся, хотя тот сделал это заранее, еще до войны, еще не зная, какой след оставит этот город в памяти людей.

В стихах Фабры военных лет речь шла не о ходе военных действий, а о постигшем людей вселенском бедствии, сравнимом с Апокалипсисом. Опорой на его поэтику, мрачностью красок, экспрессивным нагнетением кошмаров стихи Фабры с их трагическим накалом напоминают произведения Ф. Галаса («Торс надежды», 1938) и В. Голана («Сентябрь», 1938; поэма «Сон», 1939), которыми чешские поэты откликнулись на Мюнхенское соглашение и вступление немцев в Прагу. В отличие от Чехии и Моравии, превращенных в Протекторат фашистской Германии, но фактически оккупированных Гитлером, развернувшего там настоящий террор, Словакия какое-то время оставалась относительно мирной территорией, куда не ступал сапог оккупанта. Немецкие войска появились там только после начала Словацкого национального восстания (август 1944 г.). Но это не мешало поэту живописать беды, постигшие человечество, говорить, что мир превратился в настоящее «корыто слез», что земля «пропитана кровью», «человеческой кровью», текущей вместо потока вод («Первая встреча с Фенеем»). Все это, конечно же, шло вразрез с официальной эйфорией по поводу независимости, дарованной Словакии третьим рейхом, и подключало военное творчество Фабры к взметнувшейся волне поэзии протеста. Одновременно прояснялась и жизненная подоплека некоторых особенностей его поэтики, например, что склонность автора к кровавой лексике, проявившаяся уже в первом сборнике, – не плод больного воображения поэта, а его реакция на трагическую реальность XX в. – века массовых кровопролитий.

Нравственную опору в этом кровотокающем мире автор видит в чувстве привязанности и любви к близким людям, в мыслях о той, кто олицетворяет «мать, сестру и возлюбленную», своего рода Святую Троицу любви. Однако ее образ отступает в песне Фенея, когда этот таинственный персонаж, этот, по выражению автора, «дьявол кошмарных сновидений», «дьявол метафоры», а по мнению критиков – «партнер и двойник поэта», его «alter ego, тот “кто-то другой”, которым является он сам» [7. S. 263, 264], кто несмотря на мольбы лирического субъекта не касается «ни сотворения мира, ни конца света», все же начинает своим «неземным гласом», сотрясающим все вокруг, «песнь о гибели земли». Общественно-политические катаклизмы предстают в знаках разрушительного землетрясения, когда неведомая сила поднимает в воздух горы, камни, скалы, а из всех стихий господствует стихия огня.

В бесконечность взлетают скалы словно бумажный пепел
словно рой мух над падалью
взлетают горы возвещая погибель

(«Первая встреча с Фенеем»).

Возводя в своих строках страшный памятник войнам, который заставляет вспомнить «Апофеоз войны» В. Верещагина, поэт именно с ними связывает причины разразившегося Апокалипсиса:

Потом мы видели церковные руины
Вавилонскую башню из людских костей
памятник войнам этого света

(«Вторая встреча с Фенеєм»)

И лишь в последних стихотворениях, скорее всего завершенных после войны, занимается рассвет («где-то вдалеке петух славит конец ночи тихонько наступает день»), снова теплится вера в будущее («почувствуйте люди хвалу будущему»), в новую жизнь («мы радуемся новому миру»), изгоняя безысходность и обогащая поэзию Фабры светлыми бликами счастья, любви, покоя («о море свободы неприступная крепость счастливых дней», «свет дождался мира в победоносном веке двадцатом» – «Это я», «Пролог к эпилогу»).

Если Р. Фабры положил начало словацкому сюрреализму, прокладывая ему путь в национальной поэзии, то Владимир Рейсел, дебютировав в апреле 1939 г. сборником стихов «Вижу все дни и все ночи», весьма поспособствовал укреплению его позиций.

Р. Фабры был всего на четыре года старше В. Рейсела, но, вероятно, ощущая себя «старожилом» нового течения и чувствуя ответственность за его судьбу, послал приветственное «Письмо другу-поэту». Высоко оценив его стихи, прочитанные в рукописи (они – «из самых ярких и впечатляющих искр словацкой поэзии»), он поделился и мыслями об особенностях нового искусства: «Мы не привязываем свои стихи к каким-то событиям, к какой-то конкретике этой эпохи, не привязываем канарейку к скале». Оговорив право поэта быть свободным в своем творчестве от груза реальных фактов и проблем, Фабры в то же время подчеркнул и органичность его связей с реальностью. «Нет стихов в безвоздушном пространстве. Мы плачем с теми, кто плачет, и радуемся с теми, кто радуется» [8. S. 5]. Скажем сразу, что круг импульсов творчества Фабры был шире и разнообразнее, чем у Рейсела, и реакция на внешний мир – непосредственнее и оперативнее. Но у Рейсела она тоже ощущалась, если не в тематике стихов, то в деталях их образно-ассоциативного строя.

«Три заметные нити пронизывают его поэзию: женщина, ностальгия и фантом столичного города», – писал Ш. Жары, откликаясь в публикации 1946 г. на первые книги стихов Рейсела [8. S. 421]. Основу первого сборника, куда вошли стихи, создававшиеся автором с семнадцатилетнего возраста, составляла любовная лирика, навеянная и первой детской любовью, и позднейшими чувствами к возлюбленной, которая, судя по стихам, рано ушла из жизни. Может быть поэтому на некоторых текстах лежал легкий налет декаданса: мотивы тоски («из-за тоски оставляю открытым окно чтобы видеть давнишние вещи»), одиночества, ощущение которого, впрочем, будет сопровождать поэта и позже, сплетение прекрасного и болезненного («умирание роз в теплице», «месяц в болезненном окружении звезд», «на груди кокаиновые звезды», «больные облака», «очи сожженные алко-голем искушения», «пристань и тысяча звезд», «кладбище звезд», «больные четки слез» и т.д.). В экспрессивной поэзии Фабры струилось много «крови», идущей и от восприятия реальности, и, возможно, от литературной традиции (вспомним «Кровавые сонеты» П.О. Гвездослава). Стихи Рейсела тоже не были бескровными, но в них сверкало и много «звезд» разной величины. Они помогали выразить и красоту, и пороки жизни, и поглощенность любящих друг другом, при которой весь мир как бы переставал существовать («мы одни среди звезд»), и срастание, слияние влюбленной пары в единое целое, в «двузвездие».

«Нас влечет необычность обычных вещей», – эта строка из стихотворения, открывающего сборник, может восприниматься как формула поэзии вообще и сюр-

реалистической в особенности. В ней «необычность обычного» подчеркнута, часто гипертрофирована. Если понимать «обычные вещи» не как вещи быта, а более широко, как привычные явления человеческой жизни, отнеся к ним и любовные переживания, то кредо Рейсела можно распространить и на его лирику любви. Необычное там преобладало. Там не было открытых любовных признаний, не было слов, прямо называющих настроения и чувства, как в традиционной поэзии (типа «мне грустно и легко, печаль моя светла...»), но были предметы и ситуации, с которыми они ассоциировались, овестьвая состояния людей.

Впрочем, внимание Рейсела к звездам, женским чарам, любви, (как и многому другому), говорило о том, что поэт не хотел, да и не мог обойтись без вечных литературных мотивов и образов (в каждом деле есть что-то незыблемое). Однако они перемещались в непривычный для себя контекст, часто создавая типично сюрреалистические комбинации несовместимых явлений. Показывая же привычное, поэт его по-новому переосмысливал, расставлял свои акценты. Так, восхищаясь любимой, чей образ преследовал лирического героя, Рейсел, как и многие до него, сравнивал ее с явлениями природы и с небесными светилами. Но чаще, чем лицом, чем глазами возлюбленной, он любовался ее руками: «Руки которые я зову», «Руки как птичьи гнезда», «Часы живых рук», – названия стихотворений; «Магические радуги луны / впадают в лодочку твоих индиговых ладоней», «Белый месяц твоих рук», «Белый месяц твоих капризных рук», – строчки из стихов. Порой эти видения омрачались болью: «Белый месяц твоих рук / Что всегда распахиваются в стеклянную прозрачность фантастического образа садиста», «Месяц – портрет убитой любовницы». Что скрывалось за этими образами – реальный факт или игра воображения – сказать трудно. Но своей цели – задеть, встревожить читателя, возбудить его фантазию автор достигал.

Станислав Шматлак, сравнивая позже творчество Фабры и Рейсела, отмечал, что если поэзия первого «стремится к “барочным” антитезам и трагическому визионерству», то поэзия Рейсела основывается на «сенсуалистической чувствительности и легкой ностальгии» [8. S. 422]. Сам же Рейсел еще до выхода первого сборника писал о себе в письме (предположительно М. Бакуле) от 28.11. 1938 так: «Думаю, что вы почувствуете основную интонацию моего стиха, это какая-то хрупкость-меланхолия в духе Элюара» [8. S. 421].

«Хрупкость-меланхолия» тем не менее не мешала поэту раздражаться (совсем в духе Фабры) экспрессивными картинами ужасов жизни:

В процессии тянутся созвездья десяти моих пальцев
Или это мои волосы в пьяном ветре
Это тиара мертвого епископа
Это след несповедимого жара
Это невидимый зверь без тела и пасти
Нет это идет скелет по дороге затопленной малярией
Это кубки с ядом на дорогу
Но тот ужас от которого мурашки по телу
Он холодный меняющийся облик богинь
[...]

В грозном звоне цепей ты забудешь недоконченную жизнь
Эти цепи летят словно вихри преследуя убийцу
Цветы повешенных сейчас в бутонах
Они цветут весь год а голые черепа освещают улицы
Люди думают что это фонари
Это роковая ошибка
Их электрические очи теряются в синем свете
А люди принимают этот свет без жизни
Как кактусы и караваны среди песков

(«Все ночи все пути»)

Сборник Рейсела содержал практически весь набор знаков сюрреалистической поэзии: мотивы детства, сна, приемы умножения ассоциаций, объединенных анафорами в столбцы синтаксических параллелизмов, стилизация стиха под автоматические тексты (или их реальные записи), создание гибридообразных сюрреалистических объектов. Они представляли причудливые симбиозы неодушевленных и одушевленных предметов, вещей и живой природы, типа «зеленых соцветий ночных поездов с волосами поздних балерин» и т.д. В том же духе, не пощадив себя, он создал и динамичный автопортрет:

Как забытая могила неизвестного солдата
Превращаюсь в рыбу
Это высшая ступень молитвы
Всегда иметь остекленевшие глаза
В руке держать гранатовое яблоко дали
Быть накрытым океаном крови
С млечным путем на груди

Правда, при господстве образов, сконструированных как бы из перетасованных элементов реальности, встречались и вполне гармоничные, созданные с помощью родственных лексико-семантических пластов, отвечающих теме стиха. Таков, к примеру, экзотический образ негритянки из одноименного стихотворения, сотканный из колоритных деталей быта африканских аборигенов:

На ее боках выступают агаты невиданных храмов
На ее боках минареты с часами отбивающими время
Это как там-там
Это как праздник в часть нагих божков из дерева дорогой породы
Это как атака тропических цветов
Это как сверток небес на головах туземцев

Несмотря на эти редкие примеры, складывалось впечатление, что Рейсел прямо-таки задался целью продемонстрировать и свое сюрреалистическое мировидение с буйством фантазии и редкой смелостью творческой самореализации, и владение приемами сюрреалистического стиха. Впечатление, вероятно, не обманывает. Известно, что Рейсел начинал с метрических стихов, составив из них к концу 1937 г. сборник «Прикосновения», который послал на отзыв М. Бакошу. Тот, признав, что сборник «на уровне» и заслуживает издания, в то же время написал, что разочарован, поскольку «ждал чего-то совсем другого, непривычного и нового для словацкой лирики». По его мнению, издание «Прикосновений» было бы отступлением на пути продвижения вперед, т.е. к сюрреализму: «Это не та настоящая поэзия, которую надо противопоставить всем имевшим место экзерсисам в поэтике, словом, это не та современная поэзия, как понимаем ее мы и к которой стремитесь Вы сами» (из письма от 30.12. 1937) [7. S. 244–245]. От издания «Прикосновений» Рейсел отказался, правда, постепенно опубликовав собранные там стихи в периодике.

Готовя новую первую книгу, Рейсел, видимо, очень старался не обмануть ожиданий единомышленников и подтвердить ее принадлежность к сюрреализму. Подтверждением стало и присутствие стихов, посвященных предшественникам или представителям сюрреализма – Аполлинеру, Бретону, Элюару, Кревелю, Суппо, Незвалу, Кралю, Фабры (многие их стихи Рейсел переводил).

Однако, продемонстрировав свою искреннюю сюрреалистичность, Рейсел очень скоро стал нарушать ее принципы, делая шаги в сторону более традиционной поэзии. Именно на этом пути возникло его лучшее произведение сюрреалистического периода – автобиографическая поэма «Нереальный город» («Neskutočné mesto», 1943), которую в какой-то мере предвещали некоторые мотивы дебютного сборника.

В двухтомном «Словаре словацких писателей» (1984) лирико-рефлексивный характер и монтажную форму произведения Рейсела связывают с творческим откликом на поэму Незвала «Удивительный кудесник» [9. S. 69]. На это напрашивался сам Рейсел, сообщивший в письме Ш. Жары от 31.8.1940, что пишет «длинную поэму, которая может разрастись в целую книгу (что-то вроде “Удивительного кудесника” Незвала)» [8. S. 420]. Возможно, автор имел в виду лишь большой объем произведения, поскольку по своему характеру оно гораздо ближе не фантазмагории Незвала 1922 г., а более спокойному лирическому реализму «Зоны» Аполлинера. Именно этот автор, как известно, придумал слово «сюрреализм», в чем-то предвосхитив его раскованностью стиля, но в целом, в том числе и в «Зоне», оставался вне его. Время сюрреализма в годы жизни Аполлинера (1890–1918) еще не пришло, он пока только маячил где-то на горизонте искусства. Если «Зона» возникла в преддверии сюрреализма, то поэма Рейсела – в русле его словацкого варианта, но уже когда Рейсел, как я отмечала, преодолел экстраемальные черты сюрреалистической поэтики и делал уступки традициям. Это проявлялось в опрошении языка, усилении логического начала (в том числе в организации материала при сохранении общей свободы композиции с внезапными переходами от мотива к мотиву).

Ничуть не умаляя индивидуальной и национальной самобытности поэмы Рейсела, ее можно назвать словацким аналогом «Зоны», в переводе которой Рейсел принимал активное участие. Обе вещи сближают не только в чем-то похожие обстоятельства их рождения (около сюрреализма, когда один поэт еще не дошел до него, а другой уже начал от него отдаляться), но и некоторые конкретные черты – тема города, исповедальный характер бессюжетных текстов, где вместо интриги – относительно произвольный, но подчиняющийся течению времени монтаж запавших в память впечатлений. Оба автора говорят то от первого, то от второго лица, чередуя «я» с «ты». Обоим произведениям свойственна линейность композиции, воссоздающей пути героев (в «Зоне» – по городу, в поэме Рейсела – к городу, в городе и от города), и угол зрения пешехода на эпизоды городской жизни. Что касается связи Рейсела с Незвалом, то по духу, интонации, мотивам и некоторым приемам поэма словацкого автора ближе не «Удивительному кудеснику», а стихам незваловских сборников «Прага с пальцами дождя» и «Женщина во множественном числе»¹.

«Зона» Аполлинера – более лаконична по форме (некоторые исследователи считают ее стихотворением), чем поэма Рейсела, но богаче и прозрачнее по содержанию. Там все предельно ясно, в ней воссоздается путь человека – от заката до восхода солнца – по улицам Парижа (упоминаются его мосты, Эйфелева башня, названия вокзалов, приметы будничной жизни столицы). С этого пути автор то и дело сворачивает в закоулки памяти, углубляясь в воспоминания о детстве, юности, друзьях, любовных увлечениях, путешествиях в разные города и страны, а также предаваясь рефлексиям и думам о человечестве, его прошлом и настоящем. Произведение Рейсела объемнее по форме (это, действительно, целая небольшая книга), но лаконичнее по охвату материала (эпизоды жизни молодого человека без особых философско-лирических отступлений) и более расплывчато по содержанию, где порой трудно определить, вспоминает ли автор события реальные, или свершившиеся в воображении.

¹ Анализируя в своей книге «Связи во времени и пространстве. Поэтический авангард, его преодоление и наследство (Чехия, Словакия, Польша)» «давние и недавние литературные традиции в поэме» Рейсела, словацкий литературовед П. Винчор усматривает – на основании отдельных сходств и перекличек – влияния на Рейсела и других сборников Незвала, отдельных вещей А. Бретона, а также – через французский сюрреализм – Гофмана, Жерара де Нерваля и т.д. [10. S. 172–180]. Столь насыщенный литературный контекст, в который исследователь вписывает поэму Рейсела, может, на мой взгляд, несколько преувеличить роль литературных импульсов и впечатлений в ее создании.

При неясности, о каком из городов идет речь (Праге, Париже или некоем собирательном образе), обращает на себя внимание точность определения времени года и суток происходящих событий. Лирический герой отправляется в путь «холодным сентябрьским утром», за этим следует «бесконечная езда на поезде» в «город смерти» (?), где человек бродит до вечера, смешиваясь с толпой. В «полночь» снова поезд и – «прощай город где мы оставили свое детство». На восходе солнца – прибытие «в центр» другого «города», «мрачные своды» вокзала, «я с багажом продираюсь сквозь толпу блудных сынов», «один-одинешенек в незнакомом мире», и вот уже «ты» «на многолюдной улице» и «не знаешь куда смотреть», всюду «театр», всюду «красивые женщины» «и всех их хочется перечековать». Недолгое ожидание трамвая, и вот уже «трамвай везет нас в этом далеком краю»,

Где собрались поэты всего мира
Мы мчимся по улицам любимы нагими кариатидами
на проспекте революционеров
По этим улицам бродил Гийом Аполлинер
О город голубей и поэтов
Самый прекрасный город на свете

Места ему плохо знакомы, и он бродит по «мостам» и «бульварам» (признак Парижа) с «картой» в руках, спрашивая дорогу у встречных красавиц, чтобы найти среди них свою единственную, услышать «родной голос». А еще он «ищет поэтов в самых глухих уголках куда не ступала даже смерть но где затаилась поэзия». «Осенним утром» он становится свидетелем гибели в «аварии» восемнадцатилетнего юноши. «Вечером» – «парк над рекой», с «холма над городом» (с Петршина?) видны отражения огней на водной глади (Влтавы ?). Под ним – «ночь и река», кругом – «полночь время шлюх и поэтов». В «полдень», в свете «холодного осеннего солнца», «под сводом башни у моста» (Карлова моста в Праге?) он видит «самую прекрасную женщину на свете» с глазами «цвета разбушевавшихся волн», но у которой вместо одной руки – пустой рукав. Всплывают и другие сцены и знаки свершившихся трагедий и неискоренимой романтики бытия: «ночной парк», еле слышный «шепот влюбленных», «поблескивающий как драгоценные камни»; «маленький оборвыш» просит милостыню «с мольбой и страхом в глазах»; днем «у цветочной лавки» – «он и она молодые и слепые» певцы поют «самозабвенно как любовь», потому что «верят в жизнь», порой замолкают

И глядят невидимые руки друг друга
Доставая из шляпы монеты милосердных прохожих

В «зимний день», когда выпал первый снежок, «совсем другой чем снег в горах», пешеход встречает на улице «даму в черной вуали» – даже следы ее ног на снегу будто «вырисовывают неведомую печаль».

Перед Рождеством он едет ночным поездом домой, засыпает в вагоне, видит сон, просыпается от холода и прикосновения кондуктора, который сообщает, что скоро его остановка. В родном краю вместо столичного шума – «тишина как в заколдованном замке» и теплота встреч с земляками.

После Рождества (которое становится вехой в жизни героя и в композиции поэмы) – снова в путь, в тот же «нереальный город», где вроде бы происходит внезапная встреча с давней любовью. Она резко меняет тематическую доминанту поэмы о городе, которая превращается в поэму о жаркой любви. Вспоминая ее, поэт уже не боится простых слов «Ты не знаешь как я тебя люблю», которые прежде зашифровывал.

Уже прослеженная событийная канва говорит о том, что буйную фантазию сюрреалиста в этом произведении теснит реальность, что в поэтический мир Рейсела входит просто жизнь с чересполосицей страданий и радостей, и просто люди

(а не сюрреалистические объекты). Окаймляет поэму и составляет ее нерв любовь. В начале возникает образ матери, роняющей слезы, провожая сына в дорогу, в финале – образ возлюбленной, которая в отличие от прекрасных, но безмянных женщин, мелькнувших на улице и пропавших из глаз, имеет имя – Эмилия и не отделима от жизни юноши. В результате «нереальный город» превращается в город вполне реальный. «Нереальность» ему придает лишь ракурс ностальгических воспоминаний о пережитом, о задевших душу, но исчезнувших мгновениях, в которые уже верится с трудом. Этот город «нереален» счастьем пережитой в нем любви, своей поэзией, которая пробивается там, кажется, даже «из-под мхом заросших дверей».

Именно таким город «птиц и поэтов», в котором все же угадывается Прага, где начались студенческие годы автора, остался в его памяти. Но этого города уже нет. Он уже в прошлом. Отсюда – рефрен, которым завершается каждая часть поэмы: «Самая страшная ностальгия / Бродить до ночи по странным покинутым местам».

Можно предположить, что в этой «страшной ностальгии» виноват не только естественный ход времени, из-за которого «все проходит», но и время ее написания – годы войны. После расчленения Чехословакии Гитлером Прага оказалась оторванной от словаков, став для них практически недоступной и совсем нереальной. Политический контекст высвечивает еще один, уже драматический, смысл названия поэмы.

Завершается она словами прощания с Эмилией и «городом», ассоциирующимся с любимой, мысли о которой видоизменяют последний рефрен:

С богом Эмилия
С богом нереальный город
Город любви и измены
Город любимых рук
Город очей самых покорных очей во вселенной
Город отдавшегося тела
Город губ созданных для любви
Город губ способных произносить самые ласковые слова
Город поэтов и самоубийц
С богом Эмилия
С богом нереальный город
Самая страшная ностальгия
Уходя уходить с мыслями о той которую
ты все еще любишь

Строки прощания заставляют вспомнить не только финалы поэм Незвала 1927 г. «Акробат» и «Эдисон», но и сборника Р. Фабры «Водяные часы часы песочные», а также последнего эссе К. Чапека «Приветы», опубликованного в день его кончины 25 декабря 1938 г. Можно сказать, что добрые напутствия жизни и людям в периоды лихолетья как бы стали новой традицией чешской и словацкой литературы, которой последовал и Рейсел. Допускаю, что в приветствии «нереальному городу» была не только эстетическая, но и гражданская потребность – выразить солидарность стране, страдающей под пятой оккупантов. Да и погружение – в разгар войны – в ностальгические воспоминания о мирном времени тоже может рассматриваться как форма протеста против словацкой действительности, оскверненной союзом с Гитлером.

Лучшее произведение Рейсела отразило усиление в его творчестве традиционных начал, но на новом витке развития словацкой поэзии. Сближения со «старым» искусством поэтов, прошедших школу авангарда, было проявлением не ретроградства, а свободы выбора.

Даже в вершинных произведениях Фабры и Рейсела при их скрытой тенденции к ясности и простоте, все же содержались, как практически в любом произведении сюрреализма, какие-то недомолвки и загадки. Это роднило их с произведениями символистов, которые никогда не высказываются до конца, и у которых, как считал В. Брюсов, «подтекст богаче и содержательнее текста». Но у символистов и сюрреалистов разная природа этих тенденций. У первых она инспирирована философией, концепцией двоемирия, признанием того, что за материальной оболочкой бытия, доступной органам чувств, скрывается другой, таинственный, мир, который лишь подозревает, но не осязает художник. У сюрреалистов же разного рода недомолвки, неясности, ребусы связаны не с философией, а с психологией творчества, где делалась ставка на субъективизм, иррациональность, активность подсознательных ощущений, трудно поддающихся толкованию. Вероятно, играла свою роль и необходимость дозировать информацию из-за эмоционально-смысловой насыщенности авангардного искусства. Поэт просто вынужден (гораздо чаще, чем предшественники) прибегать к намекам и недосказанностям, возлагая задачу разъяснения неясного на читателя, которому воображение поможет разобраться, что к чему. Однако даже самые фантастические и сложные для понимания тексты словацких сюрреалистов давали в своей совокупности представления как об индивидуальности каждого, так и о чертах современной им эпохи. Их фантазии, сны, грезы были навеяны перипетиями личных судеб, атмосферой XX в., чьи реалии, жившие в сознании или затаившиеся в подсознании, вовлекались в круговерти стихов, намекая на земные истоки самого буйного воображения.

Последней книгой, завершившей сюрреалистический период в творчестве Рейсела, стал сборник «Зеркало и зазеркалье» (1945), куда помимо лирических медитаций вошли стихи, посвященные матери поэта («Руки в горячке»), литературным кумирам («Янко Краль», «Граф де Лотреамон»), откликом на борьбу с фашизмом и освобождение («Восстание», «Шаги к свободе», «Победоносный день» и др.).

После войны движение сюрреалистов распалось, практически каждый из них в той или иной мере поддержал ориентацию на соцреализм, но годы увлечения сюрреализмом не прошли бесследно ни для его сторонников, ни для словацкой культуры в целом.

В 1967 г. в серии «Клуб любителей поэзии» впервые вышел сборник В. Рейсела «Темная Венера», составленный из давно – приблизительно с 1939 по 1943 г. – написанных стихов. Уже один этот факт, а также переиздания в послевоенной Словакии произведений словацких надреалистов, изучение сюрреализма, публикации связанных с ним документов, рожденная им большая научная литература, – все это говорит о том, что интерес к сюрреализму не угас, даже когда угасло само течение.

Сюрреализм не только был, но и остался в словацкой литературе своими концепциями и произведениями. Он расширил ее горизонты, обогатил поэтику, приобщил к процессу модернизации. Поощряя методы, которые помогали активизировать подсознание, развивать воображение, преодолевать внутреннюю скованность, сюрреализм способствовал максимальной мобилизации творческих ресурсов личности. Развивая в противовес логическому ассоциативное мышление, он открывал неожиданные связи между далекими и даже несовместимыми вещами. Их сближение нередко давало большой поэтический эффект. Если вспомнить теории русских формалистов и чешских структуралистов о том, что истинное искусство призвано постоянно нарушать сложившиеся нормы, деавтоматизировать восприятие жизни, то сюрреализм с его ставкой на шокирующие образы активно помогал этому процессу. Пестуя качества, необходимые художнику, сюрреализм больше других авангардных течений заслуживает репутации «кузницы талантов», или, если угодно, – квинтэссенции знаковых черт искусства. Она неудобоварима в своем чистом виде, как любой перенасыщенный раствор, но полезна как фермент

творческого роста. Можно предположить, что увлечения сюрреализмом, его экспериментами и идеями содействовали реализации поэтических дарований, формированию ярких индивидуальностей. Однако до создания истинных ценностей сюрреализм, пустивший корни на словацкой почве, поднимался, нарушая «чистоту» своих принципов и делая существенные уступки традициям. В этом убеждает и творчество выдающихся поэтов, представленных в статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Český surrealismus 1929–1953. Galerie hlavního města Prahy/Argo. Praha, 1996.
2. *Есенский Я.* Демократы. М., 1957.
3. Dějiny slovenskej literatury. Bratislava, 1955. Zv. 4.
4. Ano a nie. Sborník 1938. Bratislava, 1938.
5. *Bakoš M.* Avantgarda 38. Študie, články, dokumenty. Bratislava, 1969.
6. *Fabry R.* Odvčjanie času: Učaté ruky. Vodné hodiny hodiny piesočné. Já je někto iný. Bratislava, 1972.
7. *Šmatlák S.* 150 rokov slovenskej lyriky. Bratislava, 1971.
8. *Reisel V.* Prvé smutné rozkoše. Bratislava, 1968.
9. Encyklopedia slovenských spisovateľov. Bratislava, 1984. Zv. 2.
10. *Winczer P.* Súvislosti v čase a priestore. Bratislava, 2000.

© 2014 г. А.А. ЖДАНОВСКАЯ

БОГЕМСКИЙ ВОПРОС НА РУБЕЖЕ 1870–1880-х ГОДОВ: ЧЕШСКО-НЕМЕЦКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

В статье сравниваются два меморандума, опубликованные Чешским клубом и немецколиберальной оппозицией в 1879–1880 гг. по проблемам чешско-немецкого сосуществования, которые стали отправной точкой дискуссий вокруг богемского вопроса в австрийской политике.

This article offers a comparative analysis of the two memoranda published in 1879–1880 by the Czech and German Liberal clubs of the Cisleithanian Parliament. These documents contain the factions' positions regarding the Czech-German coexistence and can be viewed as a starting point for discussions upon Bohemian issues during the Conservative era. The author depicts the range problems in the national politics in Bohemia and draws conclusions about the perspectives of solving the conflict.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, чешско-немецкие отношения, богемский вопрос.

В последнем двадцатилетии XIX в. чешско-немецкие взаимоотношения вступили в новую фазу: вопрос о законодательных и административных мерах по решению богемской проблемы прочно вошел в политический дискурс Австро-Венгрии.

Специфика этого периода заключалась также в том, что в 1879 г. премьер-министром Цислейтании был назначен Эдуард Тааффе, опиравшийся на коалицию консервативных сил, в том числе и чешских политиков, вернувшихся к активной деятельности после 16 лет «пассивной оппозиции». Возвращение чехов в парламент, разумеется, имело определенный политический расчет – славянские депутаты надеялись на уступки Вены в решении богемского вопроса в обмен на поддержку правительственных инициатив. Такая расстановка сил не устраивала либеральную часть немецкого политического спектра, в котором важную роль играли именно политики богемского происхождения. Неудивительно, что с их стороны исходила масса начинаний, самостоятельных или призванных стать ответом на те или иные проекты чешских оппонентов.

Первый эпизод подобной пикировки требованиями не заставил себя долго ждать. Уже в ноябре 1879 г. чешские депутаты передали на рассмотрение императора «Меморандум Чешского клуба»¹, в котором были очерчены основные проблемные сферы богемской действительности и сформулированы принципы достижения национального (в первую очередь, языкового) равноправия.

Ждановская Анастасия Александровна – аспирантка исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ «Чешским клубом» было названо парламентское объединение депутатов богемских и моравских партий, образованное в октябре 1879 г. с началом заседаний парламента нового созыва.

Первая часть чешского меморандума была посвящена равноправию чешского и немецкого языков в административной системе и судах. Авторы документа назвали отправной точкой своих рассуждений ст. XIX Декабрьской конституции 1867 г.² [1], в которой, по их мнению, уже был зафиксирован основополагающий принцип равноправия местных языков. Оставалось лишь дать некоторые административные распоряжения для воплощения этого принципа в жизнь, в остальном же дополнительного законодательства не требовалось [2. S. 255].

Согласно чешским требованиям, в учреждениях и судах первой инстанции официальным языком должен был стать тот, на котором говорила большая часть населения соответствующего округа (он же должен был использоваться в переписке с любым таким учреждением). Для учреждений, компетенция которых распространялась на несколько округов, чешский и немецкий языки должны были пользоваться равными правами. Прошения, жалобы и любая другая документация, поступавшая в надокружную администрацию или суды, должны были рассматриваться на том же языке, на котором были составлены заявителем. Разумеется, все служащие подобных учреждений были обязаны владеть обоими языками в надлежащей мере³.

Второй пункт чешского заявления касался равноправия языков в стенах Пражского Карло-Фердинандового университета. Стоит заметить, что чешские депутаты прямо заявили о том, что создание отдельного чешского университета было бы нецелесообразным – достаточно лишь закрепить право студентов, преподавателей и исследователей пользоваться чешским языком наравне с немецким. Предполагалось, что аттестация доцентов и сдача государственных экзаменов станут возможны на обоих языках. Кроме того, должно было быть увеличено количество курсов, читаемых профессорами на чешском языке [2. S. 257].

Третья часть чешского меморандума касалась проблемы языкового равноправия в области среднего школьного образования. Авторы документа для аргументации обращались к статистике: переписям населения Богемии, Моравии и Силезии и данным о количестве чешских и немецких средних школ в каждом из этих регионов. Сравнение было весьма показательным: например, по состоянию на 1879 г. соотношение численности чешско- и немецкоязычного населения Богемии (3:2) заметно проигрывало соотношению количества школ с преподаванием на соответствующем языке (чешских школ было всего на 20% больше). Кроме того, из земского бюджета выделялось больше средств на содержание немецких школ (почти 1500 тыс. гульденов против 1285 тыс.) [2. S. 257]. В Моравии и Силезии аналогичные цифры также демонстрировали численное превосходство немецких школ.

В связи с этим требования Чешского клуба заключались в том, чтобы, во-первых, устранить диспропорцию в количестве школ и привести их в соответствии с численностью этнических групп; во-вторых, распределять бюджетные средства пропорционально количеству школ в чешских и немецких округах. Кроме того, чешские депутаты отдельно подчеркивали, что многие чешские школы находятся на попечении чешских же общин, тогда как большая часть немецких финансируются государством; этот дисбаланс также должен был быть устранен.

² «Все народы государства равноправны, и каждый народ имеет неотъемлемое право сохранять и развивать свою национальность и язык. Равноправие всех языков, находящихся в обращении в регионе, в образовании, администрации и общественной жизни признается государством. В тех землях, где проживает несколько национальностей, образовательные учреждения должны быть организованы таким образом, чтобы каждый народ имел возможность получить образование на своем языке и не был принуждаем к изучению другого».

³ В Силезии равноправными языками администрации и судов должны были стать не только немецкий и чешский, но и польский.

Наконец, четвертая часть чешского документа была посвящена ремесленно-промышленным училищам. Аргументация строилась аналогичным предыдущему пункту образом, однако в этом случае диспропорция была особенно явной: на 29 немецких училищ в Богемии приходилось всего пять чешских [2. S. 259]. Именно это несоответствие, по мнению чешских политиков, было причиной традиционно незначительного участия чешского населения в промышленном производстве Богемии. Устранение столь несправедливого соотношения было призвано, в числе прочего, привлечь больше чехов в эту сферу деятельности.

Стоит также отметить, что в поисках аргументов чешские депутаты прибегали не только к неумолимым цифрам, но и к куда более неформализуемым доводам о равном праве каждого народа на «пестование» собственного языка и культуры и воспитании детей в этом духе и соответствующей среде, в том числе языковой.

Содержание чешского меморандума, особенно те пункты, в которых речь шла о двуязычии кандидатов в государственные чиновники и дальнейшей утраквизации Пражского университета, вызвало заметное возмущение немцев Богемии. По инициативе Франца Шмейкала, депутата ландтага и главы Немецкого клуба в Праге, был разработан ответный документ. В конце января 1880 г. он был рассмотрен участниками слета немецких депутатов в Вене [3. S. 186]. «Меморандум немецких депутатов рейхсрата и ландтага Богемии» был представлен премьер-министру Тааффе 9 февраля 1880 г. и затем передан императору. Этот документ – первая попытка немецколиберальных сил в новой политической реальности сформулировать отношение к национальному вопросу в Богемии. В тексте документа неоднократно подчеркивается тот факт, что он составлен именно силами немецко-богемских политиков и, разумеется, в русле их позиций и интересов.

Немецкий меморандум состоял из четырех частей, каждая из которых была ответом на соответствующие разделы чешской декларации. Лейтмотивом всех тезисов, сформулированных в этом документе, также стала опора на текущий основной закон государства и, в частности, на ст. XIX. Кроме того, приоритетными были централизаторские принципы – ключевой аспект подхода конституционалистов к национальным проблемам Австро-Венгрии. В критике чешского варианта упор делался в основном на неправомерность самой концепции чехов, которые исходили из того, что численность чешскоязычного населения Богемии в полтора раза превышает численность немецкоязычного. Авторы немецкого документа настаивали на том, что при принятии решений о таких сферах, как государственная деятельность или образование, необходимо исходить не из идеи национального компромисса, а из интересов государства.

Первая часть документа рассматривала вопрос о языковом равноправии богемских (sic!) языков в государственных учреждениях и судах. Анализируя претензии чехов по поводу уравнивания чешского языка с немецким в этой сфере, либералы не соглашались с толкованием ст. XIX как основы для введения двуязычия в государственных инстанциях. По их мнению, положение конституции о равноправии языков было применимо лишь к сфере внешних сношений, т.е. учреждений с гражданами государства. Что касается внутренних контактов, то в этой сфере равноправие немецкого с другими языками было неприемлемо в связи с тем, что все учреждения и суды, в том числе находящиеся в Богемии, были органами не отдельно взятой провинции, а всей Цислейтании и как таковые нуждались в языковом единообразии. Без него «единство судебных и исполнительных органов и, следовательно, жизне- и дееспособность всего государственного организма в нашей многонациональной Австрии стало бы невозможным», – говорилось в немецком меморандуме [4. S. 1]. Более того, принудительная необходимость изучения чешского языка богемскими чиновниками расценивалась как противоречащая духу ст. XIX и провозглашенному в ней принципу паритета языков, так как немецкие чиновники имели полное право на коммуникацию на своем родном языке. Один

из ведущих немецколиберальных политиков Эрнст Пленер, комментируя реакцию немецкой общественности на эту статью чешского документа, в мемуарах заметил также, что немецкоязычное население Богемии привыкло к контактам с немецкими чиновниками, к которым имело полное доверие, поэтому перспектива замены чиновничьего корпуса чехами вызывала у них неприятие [3. S. 187].

Вторая часть немецкого меморандума касалась вопроса языкового равноправия в Пражском университете. Авторы документа вновь призвали рассматривать эту проблему в контексте всего государства. Они указывали на необходимость учитывать тот факт, что уступка чехам и возможность защищать диссертации и сдавать государственные экзамены на чешском языке может создать нежелательный прецедент, к которому будут апеллировать и другие народы империи. Решение в пользу чехов могло бы со временем привести к полной анархии в системе высшего образования в цислейтанских провинциях. Во-вторых, акцент делался и на то, что Пражский университет был образовательным центром не только Богемии, но и всей империи, и именно обучение на немецком языке было залогом возможности привлекать студентов разных национальностей. Это, в свою очередь, было одной из причин, почему университет получал немалое финансирование со стороны Вены. Реформирование же в сторону двуязычного образования ставило бы под вопрос будущее университета как научного центра и, возможно, сводило бы его роль к региональной высшей школе. Такие преобразования были бы ударом по всему австрийскому образованию и науке вообще.

Критикуя позицию чехов по университетскому вопросу, немецкие политики предложили свой вариант его решения, который мог бы обеспечить «настоящий мир» в этой области. Речь шла о создании самостоятельного чешскоязычного университета, по примеру существования в Праге двух технических университетов («высших школ») – чешского и немецкого. Такая мера способствовала бы «всестороннему примирению». Эта идея действительно была взята на вооружение через два года.

Третья часть документа, посвященная языковому вопросу в народных и средних школах Богемии, вновь отталкивалась от тезисов чешского меморандума. Немецкие политики считали опору на статистику (согласно которой количество немецких и чешских школ не было пропорционально соотношению численности немцев и чехов в провинции) неправомерной. В отношении народных школ они полагали, что их количество должно опираться не на общую численность населения, а на количество детей школьного возраста, что требовало бы отдельных подсчетов. Во-вторых, рассматривая развитие народных школ Богемии в исторической перспективе, авторы меморандума пришли к выводу о том, что в дополнительном увеличении количества чешских школ нет необходимости хотя бы потому, что в последние годы их открывается больше, чем немецких. Кроме того, из числа чешских детей 16% не посещали школу вовсе (в противовес 10% немецких детей). Подобное отношение ставило под сомнение сам факт того, что чешское население заинтересовано в развитии образования на уровне народных школ.

Говоря о средних школах, немецкие политики вновь призывали опираться не на подсчеты численности населения, а на интересы государства, по инициативе и благодаря попечению которого такие школы и существовали. Целью их создания была подготовка к высшей школе тех, кто впоследствии мог послужить Австро-Венгрии как образованный специалист – врач, учитель, священник и так далее. Таким образом, средние школы представлялись ступенью, доступной для всех жителей страны вне зависимости от их происхождения, а их выпускникам следовало, в первую очередь, владеть именно *lingua franca* всей монархии, т.е. немецким языком. Только на нем можно было продолжать образование и строить карьеру. Таким образом, увеличение количества школ с преподаванием на чешском было бы нецелесообразным даже для самих чехов.

Наконец, в четвертой части документа его авторы выражали протест против увеличения числа ремесленно-промышленных училищ с обучением на чешском языке. Главным аргументом немецкой стороны был тот факт, что чехи попросту не нуждаются в большом количестве таких учебных заведений, так как в большинстве своем занимаются сельским хозяйством. Промышленность в Богемии традиционно находится в руках немецкого населения, особенно кучно живущего именно в областях с развитой индустрией. Таким образом, преобладание числа немецких училищ было полностью оправдано.

В данном случае приводился пример Галиции. Будучи более населенной, чем Богемия, она имела совсем немного профессиональных училищ – 4% от их общего числа в Австрии, в то время как 42% приходилось на Богемию. С учетом этих цифр дальнейшее расширение сети училищ в Богемии под флагом равноправия национальностей немецкими авторами оценивалось как нелогичное.

Таковы были основные контраргументы немецкого меморандума. Его авторы неоднократно подчеркивали в тексте, что этот документ не отрицает идею компромисса национальностей, но лишь призывает в вопросах, важных для всего государства, исходить не из национальной политики, а из соображений государственного интереса, не продвигая «политические цели под маской уравнивания в правах» [4. № 41. S. 4]. Немецкая сторона, согласно этому документу, отвергала требования чехов не потому, что видела в них угрозу «немецкому характеру» немецкоязычных областей Богемии, а потому, что их реализация привела бы к федерализации империи, что было несовместимо с «энергичным развитием страны».

Анализируя эти тексты, стоит отметить, что дискуссия чешских и немецких политиков по этому и многим другим последующим вопросам принимала форму пикировок риторики и логики двух сторон. Один и тот же документ служил основой для диаметрально противоположных выводов в соответствии с интересами каждой из сторон, благо расплывчатость и обобщенность формулировок австрийского основного закона создавали массу возможностей для упражнений в ораторском искусстве. Приводимые сторонами аргументы не опровергали друг друга, поскольку строились в разных системах координат. Их отправные точки, как правило, лежали в концепциях государственного развития чехов и немцев. Значение этих дискуссий и аргументации, в конечном итоге, состоит не в том, чтобы определить правую сторону этого спора, а в том, чтобы рассмотреть его в рамках треугольника «чехи – немцы – Вена», так как именно в руках последней находились рычаги управления чешско-немецким конфликтом.

Публикация чешского и немецкого меморандумов вызвала значительный резонанс и ряд характерных комментариев со стороны публицистов. Несмотря на стремление авторов немецкого документа направить спор в общегосударственное русло, либеральная пресса рассматривала эту полемику как противостояние двух народов. Отмечалась, впрочем, и отрадность того факта, что оно ограничилось «областью интеллектуальных битв» [5. № 42. S. 1]. Современники подчеркивали и тот факт, что, несмотря на заверения о скором компромиссе, звучавшие при открытии парламента, «представители народов Богемии засвидетельствовали перед всем миром, что свободный взаимный компромисс пока невозможен [...] Словно два государства в состоянии войны, которые хотят посредничества третьего, защитники тезисов той и другой стороны исключают путь к непосредственному сближению и поодиночке направляются к ступеням трона» [4. № 42. S. 1].

Эти документы стали первым проявлением чешско-немецкого конфликта в новой – «конституционной» – эре истории Австро-Венгрии. Их значение заключается в том, что авторы меморандумов очертили основные проблемные сферы, в рамках которых впоследствии продолжались дискуссии. В ходе обсуждения в полной мере проявились подходы как к частным вопросам, так и к национальной политике вообще – подходы, исходные точки которых находились в концепциях

федерализма либо автономизма. Порочный круг чешско-немецкого конфликта заключался в том, что его стороны строили взаимоисключающие концепции, и достижение компромисса в данном случае означало бы полный отказ одной из сторон от своих идей, то есть, по сути дела, признание своего поражения.

Данные наблюдения находят отклик в рассуждениях анонимного автора колонки ежедневника «Prager Tagblatt»: «Тот, кто однажды будет писать историю Австрии и захочет понять самую суть духа нашего времени, должен лишь внимательно прочесть два выдающихся документа. Он поймет, почему согласие до сих пор было невозможно. В образе мыслей, который обнаруживается в содержании меморандумов, находится ключ к пониманию диковинных симптомов тридцатилетней безысходной борьбы» [4. № 42. S. 1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <http://www.verfassungen.de/at/at-18/stgg67-2.htm>
2. Česká memoranda // Politické programy českých národních stran 1860–1890. Praha, 2000.
3. *Plener E.* Erinnerungen von Ernst Plener. Stuttgart und Leipzig, 1921. II. Band. Parlamentarische Tätigkeit 1873–1891.
4. Prager Tagblatt. 1880. Jahrgang 4.
5. Bohemia. 1880. Jahrgang 53.

© 2014 г. Ф. ГЛАЦ

ВСПОМИНАЯ ДОМОКОША КОШАРИ (к 100-летию со дня рождения историка)

Автор рисует портрет выдающегося венгерского историка, специалиста по истории Венгрии XVIII–XX вв. Д. Кошари на фоне истории страны и судьбы поколения.

The author depicts the portrait of the renowned Hungarian historian, expert on the eighteenth – twentieth century history of Hungary Domokos Kosáry against the background of the history of the country and the destiny of the generation.

Ключевые слова: Домокош Кошари, Венгрия, историография, история Нового времени.

31 июля 1913 г. в венгерском городе Шелмецбаня (совр. Банска-Штьявница в Словакии) родился Домокош Кошари – историк, общественный деятель, участник событий 1956 г., профессор, действительный член и президент Венгерской академии наук, лауреат престижной национальной премии им. Иштвана Сечени, автор фундаментальных трудов по истории Венгрии Нового времени.

Кошари принадлежал к последнему поколению центральноевропейского среднего класса, который – в силу образованности и профессионализма – в XIX ст. занял ведущие позиции в разных сферах деятельности – промышленности, управлении, образовании и культуре. Его представители гордились своей ученостью и были уверены, что залогом жизнеспособности общества (шла ли речь об общественном порядке или народном просвещении) является государство и служить ему – благороднейшее из призваний. Нравственные идеалы своего поколения Д. Кошари пронес через всю жизнь: политические режимы сменяли друг друга, ученый же по-прежнему исполнял свой долг, веря в спасительную силу печатного слова, культуры, науки.

Это придавало ему уверенность, которую многие принимали за высокомерие, но не испытывать к нему уважения не могли. И не важно, сидел ли он за письменным столом, в кресле президента Академии наук (1990–1996) или же в тюремной камере (1957–1960). На представления Кошари об историческом процессе повлияло наследие буржуазного среднего класса, и историк не скрывал этого. Сначала героем его исследований был выдающийся деятель «эпохи реформ» (1825–1848) Иштван Сечени (1791–1860), требовавший проведения в Венгрии буржуазных преобразований. Затем историка увлекли централисты Ласло Салаи (1813–1864), Йозеф Этвеш (1813–1871), Агоштон Трефорт (1817–1888), призывавшие к форсированию урбанизации, поддержке коммерции, построению общества равных возможностей. На склоне жизни мысли историка занимала йозефинистская – жившая в годы правления Иосифа II (1780–1790) – интеллигенция.

Иными словами, те, кто верил в идеалы Просвещения и духовное раскрепощение народа. И здесь Кошари – гораздо резче, чем его предшественники – противопоставлял цели буржуазного среднего класса, к которому сам принадлежал, другому его крылу – недалекому, провинциальному мелкому венгерскому дворянству. Он называл их транжирами, сам же был бережлив; он считал их в большинстве своем пьянчужками, сам же вечерами неторопливо попивал чай; если им было свойственно показное панибратство, то он держался подчеркнуто вежливо и слыл скорее нелюдимым. Настолько, что от этого сам страдал.

Первыми университетами Д. Кошари стала литературно-художественная среда родного дома: мать Лола Кошари (в девичестве – Рез) была популярной писательницей, отец – учителем музыки. Затем Домокош поступил в университетскую гимназию им. Агостона Трефорта и, наконец, элитное учебное заведение при Будапештском университете – Коллегиум им. Этвеша. В те годы в молодом Кошари было заложено определившее характер стремление к качеству и совершенству. И в себе самом, и в окружающих. Таким он оставался до последнего вдоха, именно этим принципом он руководствовался при выборе друзей. В университете (1931–1936) Кошари занимался в семинарах венгерских историков, которые по сей день вызывают восхищение. Его учителями были Шандор Домановски (1877–1955), Имре Сентпетери (1878–1950), Балинт Хоман (1885–1951), научным руководителем и наставником – Дюла Секфю (1883–1955). Он сыграл решающую роль в выборе темы и формировании взглядов Кошари на венгерскую историю. С именем Секфю связано переосмысление концепции венгерской истории после Трианонского мирного договора (1920). Суть ее состояла в извлечении уроков из поражения освободительных антигабсбургских движений XVII–XIX вв. Компромиссы 1711 и 1867 г., заключенные, соответственно, после поражения Освободительной войны 1703–1711 гг. под руководством Ференца II Ракоци (1676–1735), или подавления революции и освободительной войны 1848–1849 гг., отражали реальное соотношение сил. Следовало раз и навсегда покончить с поиском врага, будь то граф Шандор Каройи (1669–1743) в 1711 г. или Артур Гёрге́й (1818–1916) в 1849 г. Одной из причин гибели исторической Венгрии в первую очередь стало то, что в период с 1867 по 1918 г. пропитанный духом освободительной борьбы венгерский национализм, где по-прежнему тон задавало находившееся в состоянии упадка дворянство (джентри), отказывался видеть в австро-венгерском дуализме продукт реального соотношения сил и в конце концов обрушил саму Габсбургскую империю. Логическим следствием стал Трианон.

В работах 1936–1943 гг. (об А. Гёргее, о националистических взглядах газеты «Pesti Hírlap») Кошари творчески развил взгляды учителя. В 1970-е же годы его всерьез увлекло еще и изучение XVIII в.

Молодой Кошари выделялся среди современников не только этими работами, но и выступлениями на международных научных форумах. В 1936–1941 гг. по рекомендации Ш. Домановски он стажировался во Франции и Англии, затем, при содействии профессора географии и венгерского министра иностранных дел Пала Телеки (1879–1941), – в США. Венгерское политическое руководство, готовившееся к ревизии Трианонского мирного договора, гналось, образно говоря, за двумя зайцами. С одной стороны, понимая, что реальным союзником в вопросе о пересмотре границ может выступать только Германия, оно в угоду нацистам приняло в 1938–1941 гг. антиеврейские законы. С другой стороны, Пал Телеки при поддержке Домановского и Хомана инициировал ряд культурно-внешнеполитических и дипломатических акций, призванных снискать благосклонность Франции и в особенности Великобритании и США. Так министр рассчитывал добиться согласия западных демократий на пересмотр границ, надеясь убедить их, что ведущая роль Венгрии в регионе не означает слепого следования в фарватере политики нацистской Германии. Молодой Кошари стал убежденным участником

процесса сближения с Западом. Благодаря своему блестящему владению языками, безупречной культуре поведения он вполне мог сделать успешную дипломатическую карьеру. Но коллеги по цеху рассматривали его в качестве одного из национальных руководителей как раз в то время создававшейся Международной ассоциации историков. Искрометную полемику Кошари с румынскими историками на Всемирном конгрессе 1938 г. в Швейцарии живо обсуждал весь Будапешт, и в значительной мере благодаря усилиям Кошари, в 1941 г. занявшему в только что созданном (стараниями Хомана) Институте им. Телеки пост заместителя директора, вышел в свет первый франкоязычный ежегодник «Revue d'histoire comparée». Главной темой журнала, издававшегося под эгидой парижского Венгерского института во главе с Шандором Экхартом (1890–1969), стали взаимоотношения венгров с соседними народами (румынами, словаками), первостепенной задачей – утверждение исторического права венгров на занимаемую до 1918 г. территорию, доказательство, что их политика в отношении соседних народов испокон веков отличалась терпимостью. (Ведь политика в отношении территорий, «возвращенных» в 1938–1941 гг., могла основываться только на традициях политической толерантности). Если верить таким ведущим специалистам по истории народов региона, как Кальман Бенда (1913–1994), Ласло Маккаи (1914–1989), Ласло Гальди (1910–1974), именно тогда сформировалась в Кошари характерная черта: впитывать в себя носившиеся в воздухе идеи (будь то историческая наука, политика в области науки или поразительная житейская мудрость), быстро усваивать их и формулировать с только ему присущей элегантностью. В будущем не в последнюю очередь благодаря этой способности Кошари удавалось столь успешно справляться с научной руководящей работой.

Как раз в эти годы Кошари пришел к выводу, который с годами лишь окреп, что историческое развитие Венгрии необходимо рассматривать не столько в тесной связи с историей Германии, сколько (еще дальше на запад Европы) в контексте истории Франции. Удивительным образом единомышленником Кошари стал, между прочим, во многом расходившийся с ним во взглядах на историю Иштван Хайнал (1892–1956).

После Второй мировой войны, в 1945 г. Кошари вместе с Дюлой Секфю оказался в рядах буржуазной интеллигенции, согласной до известной степени сотрудничать с левыми политическими силами. Новые же хозяева страны были до поры готовы принять тех старших представителей прежней элиты, кто прославился своими антифашистскими убеждениями и осуждением союза с Германией (Секфю, Домановски, Хайнал), но в молодежи, – уже потому что те были талантливы и образованны, – видели соперников. Поэтому их, «как наследие старого режима», изгоняли или оттесняли. Эта участь постигла и сверстников Домокоша Кошари (не менее решительных противников гитлеровской Германии и известных своими демократическими убеждениями Кальмана Бенду или Ласло Маккаи). В 1948–1949 гг. на очищении общества от «таких как Кошари» сделала себе имя «мастер» поисков «внутреннего врага» Эржебет Андич (1902–1986), которая блестяще умела определять, кто в том или ином поколении претендует на роль лидера, и обращала их в преданных друзей или заклятых врагов. Она считала Кошари не только одним из самых молодых и несомненно выдающихся представителей старой историографии, но и агентом англо-американского империализма. В 1949 г. историка уволили из университета, где его не смог защитить Секфю, и – вместе с другими сверстниками – из руководства Института им. Телеки. В отставке Кошари наряду с причинами личного характера свою роль сыграло и то, что коммунистические идеологи вписали в ряд антинацистских восточноевропейских освободительных движений историю борьбы венгров с Габсбургами, что – если брать молодое поколение историков – прежде всего входило в противоречие со взглядами и работами именно Кошари.

Вплоть до 1957 г. историк, вынужденно работая библиотекарем, трудится над первым томом венгерской исторической библиографии. К этой работе Кошари приступил еще в годы преподавания в университете (1936–1949). Ему хотелось снабдить студентов информативной, обобщающей библиографией (впоследствии это будет трехтомник «Введение в источники и историографию истории Венгрии»). И по сей день эта работа остается настольной для всех, кто готовится стать историком. (Отойдя формально от дел в 1996 г., он до самой смерти работал над ее исправленным и дополненным изданием.) Так принуждение Кошари обратил во благо: избрав политически и «идеологически» невинный жанр библиографии, он создал нечто уникальное и непреходящее. В 1956 г. его избирали председателем Революционного комитета венгерских историков, а в 1957 г. арестовали. Но в тюрьме после казни Имре Надя (1896–1958) порядки несколько смягчили. У Кошари не отняли возможности трудиться: он работал над историей венгерской внешней политики в Средние века, написал историю пребывания Иштвана Сечени в лечебнице в Дёблинге, проанализировал и по сей день не утерявший своей актуальности дневник «величайшего венгра». По специальному распоряжению в прошлом министра, а в то время директора Института истории Венгерской академии наук Эрика Мольнара (1894–1966) прямо в тюремную камеру Кошари доставляли всю необходимую научную литературу. В том числе из лондонской Британской библиотеки. Об этом он не раз охотно рассказывал и в семейно-дружеском кругу, и на публике. На свободу Кошари вышел только в 1960 г. и семь с лишним лет проработал в Пештском областном архиве. С началом кадаровской политики экономической и культурной консолидации (1968) у Кошари появилась возможность вернуться на работу в Институт истории, который сам он всегда считал наследником Института им. Телеки (1941–1948). Частью двойственной культурной политики Яноша Кадара (1912–1989) стало своеобразное «разделение труда» в рамках исторической науки. В 1958 г. из Москвы на родину вернулась Э. Андич и проработала в Будапештском университете вплоть до своей смерти в 1986 г. В Академии наук Отдел истории также возглавил давний оппонент Кошари – старый догматик Дежё Немец (ум. 1985 г.). Зато в руководстве и ученом совете Института истории ВАН было немало сторонников внутренней либерализации режима: Эрик Мольнар, Пал Жигмонд Пах (1919–2001), Дёрдь Ранки (1930–1988); встречались даже дореволюционные буржуазные историки Элемер Маюс (1898–1989), Оскар Паулини (1899–1982), бывшие сотрудники Института им. Телеки – Кальман Бенда, Иштван Барта (1910–1966), Ласло Маккаи. В этот ряд удачно вписалось возвращение в науку некогда ведущего интеллектуала Домокоша Кошари.

Поначалу историку отвели тесную комнатушку, которую он, правда, делил с друзьями-единомышленниками, но уже вскоре перевели в просторный кабинет. Сам Кошари радостно демонстрировал друзьям ту самую мебель, что когда-то стояла у него в бытность заместителем директора Института им. Телеки, потом оказалась свалена в подвале Института истории, обнаружена там и по распоряжению дирекции бережно отреставрирована. Он быстро включился в работу над масштабными проектами венгерской исторической науки, написал главы по истории XVIII в. для десятитомной истории Венгрии (1980), активно участвовал в международных конференциях, проводимых рабочей группой по изучению истории эпохи Просвещения. Его увлекла новая тема – история XVIII в. И эти исследования сблизили Кошари с пониманием революции, введенным французскими историками левых политических убеждений, хотя ни гильотину, ни революционный террор он не оправдывал никогда. В 1977 г. историк написал монографию о Венгрии в эпоху Наполеоновских войн. В те же годы он стал одним из лидеров общества по изучению истории прессы, куда входил осужденный по делу Имре Надя и так же, как и Кошари, «возвращенный» в академическую среду Миклош Вашархей (1889–1968).

Кошари активно включился в научные дискуссии, шла ли речь о защите убеждений, сформированных в ранней юности, или о критике остатков сталинистской идеологии или сталинистов. В этих спорах он оставался верен своим старым принципам: признавать правоту других, уважать талант и компетентность оппонента.

Начиная с 1968 г. Кошари вновь стал принимать участие в международных научных форумах, выезжал во Францию, Великобританию, ФРГ, США. Он входил в ближний круг «министра иностранных дел» венгерской исторической науки Дёрдя Ранки, участвовал в конференциях, выступал с докладами. Его личность привлекала к себе внимание, но он в Европе только наблюдатель, великий свидетель былого. Ведь за минувшие тридцать лет в жизни международного сообщества историков, в тематике и методологии исследований произошло немало изменений.

В 1982 г. Кошари избрали членом Венгерской академии наук. Эржебет Андич и Дежё Немет, продвигавшие «своих людей», высказались резко против, но в ЦК ВСРП кандидатуру Кошари одобрили. В 1986 г., после смерти Немета, и это стало знаком грядущих перемен, Кошари стал во главе Отделения истории ВАН, был избран председателем Национального комитета историков Венгрии. В 1989–1990 гг., в ходе реформирования академии, в ее действительные члены избрали «стариков», пришедших в историческую науку до 1949 г.: Кальмана Бенду, Петера Ваца, Элемера Майюса (Ласло Маккаи стал академиком еще в 1985 г.)

На общем собрании академии в мае 1990 г. объединенными усилиями ученых, реабилитированных в 1989 г., реформ-социалистов и действующего руководства («призыв» 1986–1990 гг.), Домокоша Кошари избрали президентом Венгерской академии наук.

На посту президента ВАН Кошари в полной мере продемонстрировал интеллектуальную открытость, восприимчивость ко всему новому и стремление к совершенству. У него появилась возможность претворить в жизнь плоды своих многолетних раздумий: так родился закон об Академии наук (1986) и была основана Академия литературы и искусства (1989). Он сторонился откровенных политиканов, для него был по-прежнему важен профессионализм. То, что кто-то до 1989 г. был тесно связан с коммунистическим режимом, не означало, что он плохой историк. Ученый должен не ввязываться в политику, но усердно трудиться на научном поприще. Его слова, что в Академии наук не будет места охоте на ведьм, обрели широкую известность. Даже свою дружбу с премьер-министром Йожефом Анталлом (1932–1993), историком по образованию, он использовал во благо Венгерской академии наук: с жалким бюджетом и организационно на грани развала, но она пережила трудности переходного периода.

В 1996 г. Кошари вернулся в Институт истории, возглавив, как приличествует «past president» («бывшему президенту»), исследовательскую группу, занимавшуюся «исторической библиографией» – выявлением и систематизацией источников по истории Венгрии. Эта работа стала продолжением и дополнением его более раннего, ставшего ныне классическим труда «Введение в источники и историографию Венгрии». Теперь он старался меньше бывать на людях. Много времени проводил за пределами Будапешта, в Дёргиче, позднее в Патье. Однако общественная жизнь не давала покоя уважаемому профессору. Отчасти в силу присущего ему чувства ответственности, отчасти – испытывая потребность в общении, Кошари согласился занять посты почетного президента Академии литературы и искусства им. Сечени, а в 1999–2007 гг. – председателя Венгерского исторического общества. Эти обязанности, слабея физически, но по-прежнему крепкий духом Кошари исполнял до самой смерти. (Венгерское историческое общество в 2007 г. специально для него учредило должность почетного председателя.)

В 2005 г. Кошари возглавил комитет по подготовке и проведению памятных мероприятий в честь 50-летней годовщины революции 1956 г. И если в обществен-

ной жизни он держался в стороне от партийных баталий, на посту председателя комитета историку не всегда удавалось оставаться над схваткой. Зато ему удалось то, что останется в памяти многих: в день 50-й годовщины начала революции, 23 октября 2006 г., когда Будапешт был охвачен социальными волнениями, он как председатель комитета своей старческой походкой вышел к памятнику в честь тех исторических событий, словно воплощенная необходимость национального согласия, словно символ чувства долга и разума. А в это время с трудом различимая за ограждениями толпа ревела моторами своих мотоциклов. Стоявшие вокруг испытывали плохо скрываемый страх, он же, судя по внешнему виду, – нисколько. Не страх, но преклонный возраст сковывал его движения и речь. Ведь физически и он был подвержен старению. 15 ноября 2007 г. Домокоша Кошари не стало.

Пер. с венгерс. О.В. Хавановой

Приложение

Выступление Домокоша Кошари на дискуссии по проблемам исторической науки на Кружке Петёфи¹ (1956 г.)

Глубокоуважаемое собрание! Я не собирался выступать, тем более что дискуссия, которая здесь развернулась, касается не столько моего поколения, сколько молодежи. Не то чтобы эти вопросы были для нас, немолодых, такими уж чуждыми, совсем нет, но дело в том, что для нас различные испытания, выдвигаемые жизнью, в основном, можно сказать, уже позади, мы, плохо ли, хорошо ли, но сдали те экзамены, которые молодым еще предстоит сдавать. Это прежде всего им нужно, в спорах, трудных раздумьях, сомнениях, учась и ища истину, найти возможность и способ сдать эти экзамены, – понятно, что я имею в виду не вузовскую очередную сессию. Если я все же решил здесь выступить, то объясняется это вот чем: слушая доклады, я все более укреплялся в мысли, что молодежь – глубоко права, и мы должны сказать об этом открыто. Это тем более знаменательно, что правота здесь – на стороне тех, у кого экзамены еще впереди. Правота эта не всегда содержится в конкретных утверждениях, которые к тому же сформулированы нечетко, часто грешат преувеличениями. Правота их – не в мелких или крупных ошибках, а в том, что они всей душой, честно, самозабвенно стремятся к постижению научной истины; ответственность же за их ошибки и заблуждения лежит на тех, кому доверена забота, доверено воспитание этой молодежи. Говоря о молодежи, я имею в виду не только студенческую молодежь, но и учащиеся средней школы; но говоря об ответственности, я вовсе не имею в виду преподавателей средней школы: прозвучавшие здесь выступления ясно показывают, с какими трудностями сталкиваются эти люди в своей работе. Я и сам учился в школе, а теперь через своих детей вижу, насколько значительны проблемы преподавания истории, и должен сказать, порой у меня сердце сжимается, когда я об этом думаю. Наше поколение, возможно, часто ошибалось, возможно, не умело быстро, решительно пересмотреть то, что внушила нам контрреволюционная эпоха, но в нас всегда жила какая-то непреклонная воля и желание узнать правду, и нередко у меня возникало ощущение, что если мы ослабим бдительность, то молодежь наша утратит именно эту безусловную веру в то, что историческая истина есть и что ее следует искать. Ко мне часто приходили с недоуменным вопросом: как же так, в учебнике истории для средней школы подробно описано – это было пару лет назад, не сейчас, – будто бы Ференцу Ракоци в освободительной борьбе помогли артиллерия и солдаты Петра I. Хотя даже школьники точно знали, что в этом нет ни слова правды².

Если бы я взялся разоблачать подобные казусы, задача моя была бы легче легкого; но не об этом сейчас идет речь. Я решил принять участие в дискуссии прежде всего с той целью, чтобы сказать: мы должны помочь молодежи. Вот о чем не говорилось в той, опубликованной в газете «Szabad Nép», во многих отношениях действительно имеющей позитивное значение статье, которая писала о больших ошибках, хотя и сильно упрощала их³. Но ошибка не только в том, что, скажем, в университетской программе тезис о Яноше Хуняди как национальном герое⁴ выводится из слов Михая Фаркаша⁵, как будто студенты иначе этому не поверили бы. (*Веселое оживление, аплодисменты.*) Статья не кажется мне удачной и убедительной и в таком, например, утверждении: «Сейчас перед нашей исторической наукой стоит задача: пересмотреть всю нашу деятельность в свете работ Сталина». Что это за задача? От кого исходит эта задача? Должны ли мы браться за решение задачи, которую многие считают неправильной? А если кто-то считает ее правильной, то пусть убедится в этом после того, как с ней разберется. Не каждый возьмется решать задачи, которые не считает правильными. (*Выкрики: «Верно! Верно!».*)

Правильно сказано в статье и о том, что слишком много было у нас погони за конъюнктурой. Никаких слов не хватит, чтобы выразить пагубное влияние на школьника веление взрослых заклеить или вырвать в учебнике определенные страницы. Перечислять подобные примеры можно долго; я бы упомянул еще ту суетливую, преувеличенную оглядку на авторитеты, которая так часто характеризовала нашу историческую науку. Когда дошла очередь до издания второго тома моей книги по венгерскому источниковедению⁶, мне был предъявлен упрек: почему ссылки на классиков марксизма-ленинизма у меня повсюду приводятся в сносках по ходу рассуждений как добавочные аргументы, тогда как я должен был, независимо от моих взглядов на тот или иной вопрос, вынести все эти отсылки в начало книги (в которой более шестисот страниц) и объединить их в отдельную главу с отдельным заглавием. Моя же позиция заключалась в том, что это излишний византизм, этим мы отрываем классиков марксизма-ленинизма от исторической действительности. Мне пришлось выполнить это требование, и что вы думаете: в одной недавно появившейся за рубежом рецензии на книгу говорится: вот, посмотрите, действительность здесь оторвана от марксизма, автор-де сам дает понять, что классики марксизма неприменимы в Венгрии, а потому помещает их отдельно на нескольких страницах, чтобы обезоружить критиков. Эту похвалу я торжественно передаю руководству Института истории: это прямо относится к нам. (*Аплодисменты, веселое оживление.*)

В чем подобные ошибки мешали здоровому развитию нашего молодого поколения? Я думаю, то, что касается нас, пожилых, во многих отношениях справедливо и для молодого поколения. Когда мы стали свидетелями бурного развития марксистских исследований, когда увидели те результаты, которых позволяет достичь марксистская историография, когда начали читать все то, что давало возможность увидеть закономерности развития нашего общества после освобождения, то, честно говоря, больше всего нас смущало, сильнее всего мешало во всей полноте освоить все, что мы читали, одно явление, – и это было следующее. Истины марксизма-ленинизма, его выводы, касающиеся развития общества, были представлены как полностью равноценные всем тем взглядам, которые сформировались как взгляды в историографии сталинской эпохи, как советской, так и венгерской, а эти взгляды, в свою очередь, соотносились как равноценные с тем, что высказывали здесь, в личном, индивидуальном плане, отечественные представители марксистской историографии. Эти два знака равенства, это отождествление трех уровней представлялось мне исключительно проблематичным – потому, что часто здесь произносилось такое, чего ты никак не мог принять ни частично, ни в целом, и нередко возникало ощущение, что, стремясь освободиться от обременительного

груза историографии контрреволюционной эпохи, который лежал на наших плечах, плечах старшего поколения, мы не способны были сделать это полностью и без остатка, потому что тогда нам пришлось бы в конкретных вопросах занять такую позицию, которая, как мы видели, тоже несостоятельна. Однажды, два года назад, я говорил, что есть отдельные историки-марксисты, которые, уподобляясь Людовику XIV, говорят: «Le marxisme s'est moi»⁶. (*Бурные аплодисменты.*) Этим историкам мы говорим отсюда: времена людовиков четырнадцатых закончились. (*Бурные аплодисменты.*)

Но речь не о старшем поколении, которое, хотя и могло ошибаться, но старалось сохранять верность народу и правде, – речь здесь о молодом поколении. Я помню, с каким энтузиазмом молодое поколение в 1949 году, сидя в университетских аудиториях, ожидало, что даст им марксизм как новый мир, новый круг знаний, новая система познания, система, позволяющая получить новое, истинное объяснение развития общества. Получили ли они то, чего заслужили своей верой, своим ожиданием? Нет, не получили. Все ли было сделано, что эта молодежь заслужила, чтобы стать молодым поколением историков, вооруженных полным, совершенным научным арсеналом? Нет, не все, тут я позволю себе покритиковать и молодежь. Была упущена возможность снабдить молодых историков такими современными техническими и индивидуальными подсобными средствами, которые дают исследователю все шансы, чтобы он, основательно изучив источники, во всей полноте освоив литературу по специальности, объективно и глубоко проанализировав противостоящие друг другу точки зрения, опираясь на надежный аппарат, на надежную методику, сам понял, что такое, собственно, есть история, каковы главные проблемы отдельных периодов. Если посмотреть списки обязательной литературы в университете за минувшие годы, появится ли у нас уверенность, что молодежи была обеспечена та жесткая, часто предполагающая непростую борьбу школа, без которой молодой человек не станет настоящим историком? Если взглянуть на этот список литературы, список источников и на результаты, то ясно видишь: имели место серьезные упущения, которые сказываются на молодежи, но в которых отнюдь не молодежь виновата. (*Аплодисменты.*) Молодежь тогда этого не заметила, ведь у нее было какое-то такое ощущение, что в той или иной брошюре, в той или иной речи содержатся готовые ответы на все вопросы; результатом подобной настроенности на брошюры и слабой технической подготовленности и стало некое черно-белое, упрощенное мировоззрение, с которым молодежь и оказалась в том нервном состоянии неуверенности, растерянности, неумения найти ответ, в каком застал ее XX съезд.

Хотя в этом моем выступлении должна была звучать критика, мне кажется: самое нужное сейчас, после XX съезда, – не критика, а помощь. Нам не поздно помочь исправить допущенные ошибки, в том числе помочь молодежи, и это – долг каждого. XX съезд предоставляет нам для этого исторический шанс, и шансом этим мы должны как можно добросовестнее воспользоваться.

Слушая это мое выступление, кто-то очень легко может сказать, что это-де и есть тот пресловутый правый уклон, правый перегиб, о котором говорилось в «Szabad Nép»; такие настроения-де возникают, с ними-де надо решительно бороться. Не отрицаю, такие вещи возможны, я приведу лишь два ответа: один – комичный, второй – серьезный. Комичный выглядит так: в свое время в Коллегиуме имени Этвёша⁸ среди студентов естественно-научного направления был один чрезвычайно упрямый отец семейства – отцами семейства называли старшего в группе из четырех студентов, – который считал, что все должны возвращаться в комнату точно в 11 часов, а тот, кто войдет в дверь в 11 часов 05 минут, совершает проступок против коллектива; во имя практического соблюдения этого правила ровно в 11 часов над дверью вешали ведро с водой, и если ты входил после 11, вода выливалась тебе за шиворот.

Второй мой ответ, очень серьезный, таков: не верю, чтобы кто-то настолько низко меня ценил, что счел бы, будто я пытаюсь подбить молодежь, чтобы она шла не по пути марксизма-ленинизма, и не верю, чтобы кто-то ценил меня настолько низко, что счел бы, будто эта помощь со стороны нашего поколения или со стороны тех, кто принес это извне, – эта помощь обращена к тем, кто намерен идти не по пути марксизма-ленинизма. Нет, мы хотим протянуть молодежи руку помощи в том, чтобы она обрела истину марксизма-ленинизма, шла по марксистско-ленинскому пути, следовала не личностям, догмам и заблуждениям, но изучала закономерности общественного развития – и тогда смогла опереться на ту руку помощи, которую все мы и лично я готовы протянуть этому молодому поколению. (*Бурные аплодисменты.*)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кружок Петёфи – дискуссионный клуб молодой интеллигенции в Будапеште весной – осенью 1956 г., главный форум идей реформирования реального социализма в соответствии с идеалами XX съезда КПСС. Дискуссия по проблемам исторической науки проходила 30 мая и 1 июня 1956 г.

² Правда заключалась в том, что Петр I действительно вынашивал планы добиться избрания польским королем трансильванского князя Ференца II Ракоци, стоявшего в 1703–1711 гг. во главе мощного антигабсбургского движения, в котором тон задавало венгерское дворянство. Он надеялся, что союз с ориентированным на Францию Ракоци поможет ему улучшить российско-французские отношения и расстроить дружбу между Францией и враждебной России Швецией. В сентябре 1707 г. в Варшаве был подписан договор между представителями Петра и Ракоци, в соответствии с которым российская сторона обещала содействовать усилиям «к возвращению вольности Венгерския и Семиградския» (т.е. Трансильвании, управлявшейся венгерской политической элитой). Временные успехи шведской армии и захват ею Речи Посполитой не позволили, однако, реализоваться этим планам. Хотя контакты между русским и трансильванским дворами были продолжены, никакой реальной военной помощи антигабсбургскому движению во главе с Ракоци Россия не оказала, да и не могла оказать, будучи занята войнами со Швецией, а затем и с Турцией. Можно согласиться с тем, что «в запутанном переплетении интересов, характерном для европейской политики того времени, “венгерская карта” была для Петра I лишь одной из многих, причем даже не самой сильной» (*Свак Д.* Венгрия и Россия: история и историки // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. М., 2006. С. 7). См. также: *Штернберг Я.И.* Освободительная война 1703–1711 гг. // История Венгрии. В 3-х т. М., 1971. Т. I. С. 445–447; Посол Петра I в Ужгороде // *Штернберг Я.И.* Мир поэзии и дружбы (поиски и находки). Ужгород, 1979. С. 53–62. Из работ последних лет см. также: *Гуськов А.Г.* О поездке думного дьяка Е.И. Украинцева к князю Ференцу II Ракоци // Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I. СПб., 2013. С. 128–138; *Вёрёш Б.* Пропагандистские измышления 1940–1950-х гг. о взаимоотношениях князя Ференца II Ракоци и царя Петра I // Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I. СПб., 2013. С. 227–248. Целью миссии выдающегося русского дипломата Е.И. Украинцева к Ракоци (1708) было предложить ему российское посредничество в заключении благоприятного мира с Габсбургами.

³ Речь идет о статье Л. Элекеша, П. Ханака и Ж.-П. Паха «Некоторые вопросы нашей исторической науки», опубликованной в главном органе Венгерской партии трудящихся (ВПП) газете «Szabad Nép» 22 апреля 1956 г.

⁴ Янош Хуняди (рум.: Янку де Хунедоара) – выдающийся венгерский военачальник восточно-романского происхождения, командовал венгерскими и сербскими войсками, одержавшими победу над турками под Белградом в 1456 г. Отец венгерского короля Матяша Корвина, с правлением которого связан расцвет государственности и культуры позднесредневековой Венгрии.

⁵ Михай Фаркаш – член Политбюро венгерской компартии, затем ВПП в 1945–1953 гг., министр обороны в 1948–1953 гг. Один из организаторов крупномасштабных политических репрессий. В дни выступления Кошари на Кружке Петёфи работала партийная комиссия по делу Фаркаша, в июле 1956 г. принявшая решение о его исключении из партии за допущенные злоупотребления.

⁶ См.: *Kosáry D.* Bevezetés a Magyar történelem forrásaiba és irodalmába. I–III. Budapest, 1951–1958.

⁷ «Марксизм – это я» (фр.).

⁸ Продвинутое учебное заведение в Венгрии начала XX в., создававшееся по модели парижской *École normale supérieure*.

Перевод с венг. Ю. Гусева, публикация и примечания А. Стыкалина

Перевод выполнен по изданию: A Petőfi Kör vitái hiteles jegyzőkönyvek alapján III. Történezműhely vita. Budapest, 1990. 52–56o.

ПАМЯТИ ДВУХ СЕРБОЛУЖИЦКИХ УЧЕНЫХ. ПАВЕЛ НОВОТНЫ (1912–2010). МАРТИН КАСПЕР (1929–2011)

Статья посвящена развитию сорабистики, как отечественной, так и немецкой.

The article is devoted to the evolution of the Sorbian studies, both in Russia and Germany.

Ключевые слова: сорабистика, лужицкие сербы, Институт сербского народоведения, П. Новотны, М. Каспер.

В конце 2012 г. по центральному телевидению был показан сюжет о славянском народе под названием «сорбы», проживающем на территории современной Федеративной Республики Германии. Название произошло от немецкого *sorben* – так немцы столетиями называют этот народ, производя термин от слов *serv, serb*, что означает, по мнению лингвистов, – *раб*. Термин «сорбы» вошел в литературу, им обозначают лужицких сербов, древнейшее автохтонное славянское население, сохранившееся до настоящего времени несмотря на многовековую германизацию, начало которой положено было еще в раннее Средневековье. Сами лужицкие сербы никогда так себя не называют. Это название является для них унижительной кличкой, их историческая память сохранила представление о том времени, когда они не были рабами: «*nicht sorben, aber serbien*» гордо восклицает истинный лужицкий серб! В телевизионном сюжете справедливо указывалось на малочисленность лужицких сербов и на то, что они в Германии не живут компактно. Сохранившиеся их поселения обозначаются исключительно на двух языках, едва ли можно встретить среди сербов человека, не знающего немецкого языка, а серболужицкий язык можно услышать только на научных заседаниях славистов или на мероприятиях культурных серболужицких организаций. Из этого факта можно сделать вывод, что наше поколение одним из последних будет помнить живых лужицких сербов. Однако история человечества столь сложное и многообразное явление, что не терпит никаких предсказаний. Еще в 1856 г. русский ученый А.Ф. Гильфердинг, посетив центр лужицких сербов г. Будишин (Баутцен), в статье о них и их культуре писал с сожалением, что национальная жизнь этого маленького славянского народа недолговечна и скоро он растворится в немецком море.

Через 50 с лишним лет русский лингвист Л.В. Щерба, прожив месяца 3–4 среди сербских селян, был уверен, что вовремя предпринял свою лингвистическую экспедицию, так как едва ли долго еще будет сохраняться серболужицкий язык.

Лаптева Людмила Павловна – д-р ист. наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

Но и эти предсказания не сбылись. Лужицкие сербы пережили бурные события в Европе в первой четверти XX в. и хотя понесли потери в количестве, приобрели в качестве. В Первую мировую войну и после нее выросло число их национальных организаций, расцвела публицистика, улучшилось школьное дело, а в головах некоторых активных деятелей появились проекты политического самоопределения.

Всем этим проявлениям национального духа лужицких сербов был положен конец с наступлением гитлеровского режима в Германии. Однако сербы пережили и Вторую мировую войну, а период их национально-культурного существования в составе Германской Демократической Республики стал апогеем в процессе исторического бытия этого этника.

Лужицкие сербы представляют собой феномен в истории славянских народов. Через века они сохранили свой первоначальный язык, создали его литературную форму и саму литературу, оставили твердую память в истории о своем существовании, внесли вклад в развитие ряда наук – этнографии, археологии, лингвистики и все это сделали малым числом; их количество никогда (со времен появления статистики) не превышало 200 тыс. человек. И как писал А.Ф. Гильфердинг – территорию они занимают меньше половины российского уезда. Жизнеспособность этого народа, кроме географических, исторических и прочих причин, объясняется их высокообразованным интеллектом. Уже в XVI в. у них хорошо была развита грамотность, так как протестантская церковь, к конфессии которой они в своей массе принадлежат, требовала богослужения и чтения Закона Божьего на родном языке, что способствовало переводу священных книг на серболужицкий язык, открытию школ с преподаванием на сербском языке (ибо прихожане немецкого языка тогда в своей массе не знали). Постепенно выросшая интеллигенция не оказалась в стороне от процесса пробуждения национального самосознания, характерного для всех народов Европы в переходный период от феодализма к капитализму. Изначально усвоив высокую немецкую культуру, сербские образованные деятели оказались способными внести вклад в дело сохранения самобытности своего народа несмотря на неблагоприятные условия и усиление германизации. Каждая эпоха сербской исторической жизни выделяла из среды лужицких сербов несколько личностей, самозабвенно работающих над идеей сохранения своего народа. В XIX в. к таким деятелям относились Я.Э. Смолер, М. Горник и другие, в начале XX в. – Э. Мука и др. Постепенно число национально мыслящих лужицких сербов получило поддержку значительной части народа, угнетаемого и презираемого немцами. Вторая мировая война самым решительным образом повлияла на судьбу маленького славянского племени. После победы Советского Союза над гитлеровской Германией в созданной Германской Демократической Республике лужицкие сербы стали равноправными гражданами, что было закреплено и юридически. Им была предоставлена широкая культурная автономия и возможность всестороннего развития национальных духовных проявлений и, хотя процесс германизации продолжался (известно, что поглощение маленького народа большим культурным народом, господствующей нацией – явление закономерное, определяющееся комплексом причин – экономических, социальных, духовных и т.д.), лужицкие сербы в период существования ГДР при всей их немногочисленности и постепенным убыванием сумели заявить о своем существовании всей Европе. И в этот период их истории нашлись личности, решительно повлиявшие на духовное выживание лужицких сербов.

Важнейшую роль в организации национальной жизни сербов сыграл на этом этапе профессор и ученый Павел Новотны (Paul Nowotny).

Павел Георг Новотны родился 6 января 1912 г. в сербском квартале г. Баутцен (Будишин) в семье истопника на бумажной фабрике. Бабушка Новотной со стороны матери была родом из Кукау и являлась старшей сестрой классика серболужицкой литературы начала XX в. Якуба Барта Чишинского – представи-

теля духовного сословия. П. Новотны получил среднее образование и в старших классах церковной школы активно участвовал в кружках, объединявших сербов, и усердно практиковался в чтении, письме и пении на серболужицком языке. В 1927 г. он стал членом Матицы серболужицкой (возникла в 1847 г.).

В 1931 г. Новотный поступил в политехнический Дрезденский институт, где увлекся педагогикой и «народоведением» (т.е. всеми сторонами жизни лужицких сербов). В ежемесячном печатном приложении к газете «Сербские Новины», которая издавалась в межвоенный период, в 1931–1933 гг., были опубликованы его первые статьи. Славянское самосознание П. Новотного укрепилось в связи с его поездкой в Польшу, где он проходил летний курс по польскому языку, и стал по оценке газеты «Deutsche Akademiker Zeitung» «одним из верных друзей Польши». За это в 1933 г. Новотный был отчислен из института, ему было запрещено учиться в Германии. Новотный эмигрировал в Польскую республику. Здесь он получил возможность учиться в Познани, где занимался германистикой, англистикой, славистикой и этнографией. По завершении учебы в Познани магистр П. Новотны должен был стать учителем в новой польской частной гимназии, в Верхне-Силезском Ратиборе, где предполагалось обучение и серболужицких школьников. Однако нацистская администрация не допустила открытия этой школы, и П. Новотны в 1937 г. стал учителем польской гимназии в свободном Городе Данциге (Гданьск).

С 1937 по 1939 г. П. Новотны являлся курьером тайной серболужицко-польской группы антифашистского сопротивления. Когда 11 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу и оккупировала Гданьск, он попал в руки гестапо. После полугодового пребывания в концлагере, он был отпущен домой. В декабре 1941 г. П. Новотного мобилизовали в Вермахт, и лишь в конце 1947 г. он вернулся в Лужицу из французского плена. После возвращения он преподавал серболужицкий и английский языки первому набору учащихся в сербской средней школе в Баутцене, открывшейся в сентябре 1947 г. Тогда же он вступил в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ) и в 1947 г. был назначен главным секретарем Домовины. За время его работы на этом посту были основаны типография и издательство, издание Нова Доба, заложены основы Нового сербского дома. После принятия первого закона о лужицких сербах, 1 мая 1951 г. был создан Институт сербского народоведения. Это был внеуниверситетский исследовательский институт, задачей которого стало создание научных предпосылок для развития сербского языка, истории, этнографии и культуры вообще. П. Новотны стал фактически основателем института, его директором и руководил им до 1976 г. Институт сербского народоведения стал делом жизни П. Новотного. При нем институт превратился в центр интенсивного изучения сербского языка, истории и культуры маленького славянского народа.

Институт сербского народоведения имел активные научные связи с представителями других славянских народов, интересовавшихся лужицкими сербами. В этом отношении несколько подробнее следует остановиться на научных связях серболужицкого института с российскими специалистами в области сорабистики в XX в. Контакты русских ученых с лужицкими сербами имели давнюю традицию. Первым кто создал очерк серболужицкой литературы был русский ученый И.И. Срезневский, который еще в 1844 г. опубликовал соответствующую статью [1], а в 1856 г. другой русский славист, А.Ф. Гильфердинг, также впервые познакомил русскую читающую публику с «Народным возрождением серболужичан в Саксонии» [2]. Выдающийся языковед Л.В. Щерба в 1915 г. издал ценнейшее научное лингвистическое исследование «Восточнолужицкое наречие» [3], а крупнейший русский специалист по славянским языкам А.М. Селищев опубликовал в 1941 г. работу о серболужицких языках, которая долго служила главным пособием при подготовке исследователей серболужицких языков [4].

С созданием Института сербского народоведения главным помощником в дальнейшем изучении лужицких сербов учеными СССР стал директор института П. Новотный.

В 1960–1961 гг. Институт в Будишине (Баутцене) пригласил сотрудников Института славяноведения АН СССР для участия в сборе нижнелужицкого диалектного материала для Серболужицкого языкового атласа. Материал полевых записей и данных диалектной картотеки Института сербского народоведения позволили ряду советских ученых создать ценные исследования по серболужицким языкам. В двух международных диалектологических экспедициях на территории Нижней Лужицы участвовала сотрудница Института славяноведения М.И. Ермакова, что дало ей возможность использовать в работе очень ценный новый материал. Много дало исследование картотеки Института сербского народоведения, а также участие в курсах серболужицкого языка. Исследования Ермаковой, посвященные вопросам формирования и функционирования серболужицких литературных языков и другим аспектам серболужицкого языкознания, высоко оцениваются как в России, так и за ее пределами. М.И. Ермакова относится к числу крупнейших специалистов в области лингвистической сорабистики (см. [5]). Столь важные научные достижения советских ученых в области серболужицкой лингвистики не были бы возможны без тесных контактов с носителями языка, без доступности к базе данных о предмете, накопленных ранее. Эти контакты и данные обеспечивались директором института П. Новотным, который был инициатором многих проектов, находил возможности для финансирования работы советских ученых, организовывал приглашения на симпозиумы и в командировки, проявлял заинтересованность в работе советских исследователей, помогал в публикации результатов их работ.

Говоря откровенно, без столь глубоких контактов с учеными серболужицкого института в Баутцене едва ли появились бы на свет столь ценные произведения, какие вышли из-под пера М.И. Ермаковой и других российских сорабистов. При П. Новотном был основан известный ныне научный журнал «Lëtopis», выходящий в трех сериях: язык и литература, история и этнография. Ныне «Lëtopis» выходит в одной серии раз в год, со статьями преимущественно на немецком языке). Кроме того издавались отдельные сочинения сотрудников института в области сорабистики [6]. Иницируя и организуя научную работу сербских и российских исследователей, П. Новотны повышал и свою собственную квалификацию. В 1958 г. он защитил в Лейпциге диссертацию о национальной программе Якуба Барта Чишинского, где проанализированы взгляды поэта и национального деятеля начала XX в. на сербский народ и перспективы его сохранения. В 1960 г. была опубликована книга. В 1970 г. П. Новотны получил звание профессора. Университет во Вроцлаве присудил ему степень почетного доктора. Когда в 1963 г. лужицкие сербы были приняты в Международный комитет славистов, то П. Новотны стал членом его центрального органа и работал в нем до 1984 г.

П. Новотны опубликовал более 200 сочинений разных жанров, в немецких и зарубежных книгах и журналах. Основным его вкладом в науку является изучение истории серболужицкой литературы. В 1983 г. им была опубликована монография об особенностях нижнелужицкой беллетристики, а в конце 1990-х годов вышел третий том истории серболужицкой литературы, где П. Новотному принадлежит изложение истории верхне- и нижнесерболужицкой письменности в период между мировыми войнами. Выйдя на пенсию, П. Новотны продолжал участвовать в научных мероприятиях, писал воспоминания и публиковал их в журнале «Rozhlad». Он был практически создателем новой научной отрасли в славяноведении, а именно сорабистики. Ученый прожил долгую жизнь и скончался 2 декабря 2010 г., не дожив двух недель до своего 99-летия.

Преемником и продолжателем П. Новотного в деле сохранения серболужицкого народа и развития его культуры стал Мартин Каспер.

Он родился 26 июля 1929 г. в небольшом селе Бризинг в семье токаря по фарфору. Под влиянием соседа Арношта Барта – одного из основателей Домовины, М. Каспер в раннем возрасте осознал свое сербское происхождение. Окончив школу, 15-летний Каспер поступил в Педагогический институт в г. Лебау, а после окончания войны продолжил образование в лужицкой реальной гимназии в Ческе-Липе и Варнсдорфе в Северной Чехии. В 1948 г. он вернулся в Верхнюю Лужицу и вступил в СЕПГ, вошел в управление Домовины, с 1951 по 1956 г. был членом ее секретариата и сотрудником молодежного отделения.

В 1956 г. Мартин Каспер стал сотрудником Института сербского народоведения, где проработал 34 года. В 1961 г. окончил Берлинский университет имени Гумбольдта, где учился заочно, и получил диплом историка. Исторические исследования у лужицких сербов в 50-х годах XX в. находились в начальной стадии развития, молодой историк М. Каспер стал изучать положение лужицких сербов в период Веймарской республики и национал-социализма. Это была неисследованная область, и Каспер написал ряд важных работ о Ноябрьской революции в Германии, о послевоенном революционном кризисе в Лужице, о крестьянском движении и о политике КПГ по отношению серболужицкого меньшинства. В 1965 г. Мартин Каспер защитил в Лейпцигском университете диссертацию на тему «Антиимпериалистическое движение немецких и сербских крестьян в Саксонской Верхней Лужице 1924–1932 гг.», которая была позднее опубликована под названием «Лужицкий крестьянский Союз». Завершающим исследованием М. Каспера о межвоенном периоде стал третий том «Истории лужицких сербов», опубликованный на сербском и немецком языках в 1976 г. За этот труд автор получил степень доктора наук. «История лужицких сербов» в целом представляет собой обобщающий труд нескольких авторов и относится к исключительным явлениям в исторической науке. Какой еще славянский (и не славянский) народ, численность которого не составляет и 100 тыс. чел., создал четырехтомную историю своего народа, начиная от древности и заканчивая современностью? «История лужицких сербов» содержит богатый фактический материал не известный до тех пор в науке или распыленный по мелким изданиям. Каждый том в отдельности вызвал отклики и в Германии, и за рубежом. Во многих западных рецензиях осуждению подверглась «историческая концепция восточногерманского государства», но и в них признавалось, что авторы «Истории лужицких сербов» создали фундамент для дальнейших исследований.

В 1976 г. Мартин Каспер стал директором Сербского института, а в 1978 г. Восточно-Берлинская академия присвоила ему звание профессора. С конца 1970-х годов он стал сосредотачиваться на темах серболужицкой культуры; проектировал и руководил масштабным междисциплинарным исследовательским проектом, изучавшим быт и культуру лужицких сербов в специально отобранных двуязычных общинах. Результатом этого проекта стали несколько теоретических работ, прежде всего о серболужицком культурном наследии, актуальных этнических процессах, национальной обстановке и о культурных традициях современности.

В качестве директора Сербского института М. Каспер прилагал много усилий для того, чтобы наладить сотрудничество с иностранными славистическими исследовательскими учреждениями, чтобы прочно интегрировать сорабистику в славистику. В основном эта задача была выполнена. В мировом славяноведении появилась новая отрасль – сорабистика, признанная всем славистическим научным сообществом. М. Каспер многие годы представлял сербское народоведение в Национальном комитете славистов, Международном комитете славистов, Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур

(МАИРСК), а также в Международном комитете по этнографическому изучению современности. Постепенно он расширял сотрудничество с западноевропейскими национальными меньшинствами и добился для сорабистики европейского признания.

Значительное место в международных связях М. Каспер отводил контактам с советскими учеными. Он был частым гостем на научных форумах в Москве, в Институте славяноведения и в МГУ, читал доклады и делал сообщения о развитии сорабистики. Как и прежде, Сербский институт в Будишине принимал командированных ученых из Советского Союза, часто предоставлял им стипендии для пребывания в ГДР. Советские специалисты регулярно участвовали в научных конференциях, проводившихся Сербским институтом, Сербской Матицей и Домовиной. Ряд наших ученых были приняты в члены Матицы Сербской и числятся в ней как таковые до настоящего времени. Научные связи с сорабистами не ограничивались Москвой и Ленинградом. По инициативе и поддержке М. Каспера на Украине, в Государственном Львовском университете им. И. Франко, образовался центр сорабистики. Проводились регулярные научные симпозиумы во Львове и Будишине, на которых обсуждались проблемы этого направления науки. В симпозиумах участвовали многие специалисты – лингвисты, историки, этнографы не только со всей Украины, но и вообще с территории СССР. Эти симпозиумы способствовали тому, что на кафедре славянской филологии Львовского университета ряд молодых людей сделали своей специализацией серболужицкий язык или литературу, а сам предмет прочно вошел в расписание учебных занятий студентов-филологов Львовского университета.

Среди стажировавшихся и обучавшихся на курсах серболужицкого языка в Будишине в период директорства М. Каспера стали встречаться историки, в отличие от предшествующих лет, когда такими командировками из СССР пользовались только лингвисты. Историкам предоставлялась работа в архивах, неограниченное пользование библиотекой и квалифицированные консультации специалистов. М. Каспер всегда был готов оказать любую помощь и поделиться своими идеями. Так, автору настоящих строк он порекомендовал исследовать историю русско-серболужицких связей в XIX в. и до начала Первой мировой войны. Эта счастливая мысль была воплощена в книге «Серболужицко-русские научные контакты в XIX – начала XX в.», опубликованной в Москве двумя изданиями (1993, 2000). Сам М. Каспер побуждал и других заниматься историческими сюжетами, в результате чего сорабистика в СССР обогатилась рядом интересных исследований по новейшей истории лужицких сербов. М. Каспер делом своей жизни считал содействие изучению истории, языка, культуры и быта лужицких сербов, созданию научных основ для культурного развития серболужицкого народа. Тот факт, что серболужицкий институт в Будишине внес важный вклад в международную славистику, а также способствовал практической поддержке сербской культуры и языка, было заслугой его директора М. Каспера. В 1990 г. М. Каспер добровольно вышел на досрочную пенсию (по состоянию здоровья), но и после этого продолжал исторические исследования. В 2000 г. список его научных трудов составлял 300 названий. Так, в 1995 г. вышел сборник «Вехи времени. 1918–1933. Источники по серболужицкой истории», а в 2000 г. – «Лужицкие сербы в период перемен 1989/1990. Очерк с документами и хроникой». Последняя работа не только актуальна, но будет сохранять свое значение для будущих исследований. Проф. Мартин Каспер скончался 12 ноября 2011 г. после продолжительной болезни. Это был умный, образованный, широко мыслящий и очень добродетельный и симпатичный человек. С его уходом сорабистика лишилась крупного историка, а лужицкие сербы одного из замечательных деятелей, поддерживавших их национальное существование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Срезневский И.И.* Исторический очерк серболужицкой литературы // ЖМНП. 1844. № 7. Ч. XLIII.
2. *Гильфердинг А.Ф.* Народное возрождение серболужичан в Саксонии // Русская Беседа I. СПб., 1856.
3. *Щерба Л.В.* Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915. Т. I (с приложением текстов).
4. *Селищев А.М.* Лужицкие сербы (серболужичане) // *А.М. Селищев.* Славянское языкознание. М., 1941. Т. I. Западославянские языки.
5. *Лантвева Л.П.* Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. М., 1997.
6. *Шевченко Н.В.* Лужицкий вопрос и Чехословакия. 1945–1948. М., 2004; *Семиряга М.И.* Лужичане. М., 1955.

J. SUK. Politika jako absurdní drama. Václav Havel v letech 1975–1989. Praha, 2013. 447 s.

И. СУК. Политика как абсурдистская драма. Вацлав Гавел в 1975–1989 гг.

Пражское издательство «Пасека» выпустило фундаментальную книгу Иржи Сука о Вацлаве Гавеле, работу над которой известный чешский ученый начал за год до смерти президента Чехословакии (а затем Чехии) и завершил год спустя после нее. К этому времени уже сложилась достаточно обширная «гавелиана», включающая труды как агиографического, так и критического характера.

И все же рецензируемая книга отличается от всей обширной библиографии работ о Гавеле оригинальным и продуктивным методологическим подходом. Это не значит, что И. Сук не включил в нее новые, ранее не используемые источники, богатый потенциал «устной истории» – множество интервью с участниками событий; предложил он и многие принципиально новые интерпретации множества документов и соотносенных с ними действий. Принципиально важно то, что он трактует жизнь Гавела (точнее, один из ее наиболее интересных промежутков, связанных с именем Г. Гусака – от письма к последнему в 1975 г. до ухода с поста президента в конце 1989 г.) как, можно сказать, своеобразный текст (обрамляемый комментариями друзей и врагов). В текст этот входят не только пьесы, статьи, интервью, заявления, но и многие поведенческие акты, выстраиваемые зачастую по логике абсурдистской драматургии – как наполненные многими, часто противоречивыми смыслами знаки. Если к кому и применимы такие подходы (назовем их политико-биографической семиотикой) – то именно к жизнедеятельности Гавела.

Одна из известных трактовок понятия «текст» сводится к тому, что он пред-

ставляет связную и достаточно полную последовательность знаков (символов). Отечественные слависты (см., например: *Топоров В.Н. Пространство и текст: семантика и структура // Текст: семиотика и структура. М., 1983. С. 227–284*) проработали это понятие во многих ракурсах. Однако в предметном поле истории идей или политической биографии применение такой трактовки текста практически не встречается. И несомненной заслугой И. Сука можно считать то, что он продемонстрировал богатство возможностей в данном методологическом подходе.

Даже в самом названии книги «Политика как абсурдистская драма» скрыты следы этого подхода, не говоря уже об интерпретации элементов данного текста. Конечно, автор прямо не говорит о своей новой методологии анализа биографии одного из видных лидеров антикоммунистических революций. Тем не менее это просматривается в анализе ключевого элемента его текстов, являющих собой некие оксюмороны: власть безвластных, неполитическая политика и пр. Можно в скобках заметить, что и сам Гавел допускал возможность таких трактовок, прекрасно осознавая силу слов как составляющих текста биографии.

Начиная монографию, чешский исследователь отмечает, что вовлеченность в публичную политику Гавела началась до 1975 г., но именно тогда она вошла в кульминационную фазу. Это связано с открытым письмом к генеральному секретарю ЦК КПЧ Г. Гусаку с целью сказать правду о «печальном положении вещей» и выйти из «бесформенного тумана» семидесятых годов. Сук пишет, что 1975 год можно назвать

«годом открытых писем» и перечисляет их авторов, правда, не отмечая при этом, что годом ранее подобное письмо написал и А. Дубчек (с. 20). Письмо приобрело широкий резонанс, а его текст отличался некой псевдонаивностью: Гавел в нем призывал Гусака к возвращению истории и акцентировал внимание на нравственности действия любого политика.

Реакция на письмо была ожидаемой: его в основном «замолчали», а над автором усилили надзор. И все же тема нравственной нагрузки политического действия не исчезла, реализуясь уже в других текстах Гавела, включая политические деяния, например, в возведении в ранг борцов против лжи заурядного джазового ансамбля. Итог – новый взрывной текст: воззвание Хартии 77. И как продолжение этого текста – действия по его распространению и режиссура сопротивления возможным преследованиям.

Коммунистическая пропаганда, которой бросил вызов Гавел, ответила по привычке, выглядевшей особенно абсурдно на уровне текстов. «Его история, представленная словесно и изобразительными средствами, являла собой ключевой топос пропаганды: он-де деклассированный буржуа, мечтающий о возврате феодальных отношений и о возврате национализированной собственности», – пишет автор (с. 80).

Позже было добавлено, что якобы и его пьесы – на жаргоне режима «пустышки» – финансируются западными разведками. Но нельзя назвать забавным предостережение о возможности при случае предъявления ему обвинения в шпионаже. Гавел считал абсурдным утверждение, что его пьесы «заказные»; власти – что они пишутся без понуждения извне. Сами тексты пьес при этом не всегда принимались во внимание, важнее оказывались контексты (или – если угодно – метатексты, считая таковыми способы их репрезентации).

Затем, 2 октября 1977 г., последовал первый арест и заключение сроком на 14 месяцев. Его история широко известна, тексты документов, включая протоколы допросов, выявлены и проинтерпретированы. Опять-таки оригинальность подхода Сука кроется в трактовке контекстов (метатекстов).

Поначалу власть попыталась сломить волю Гавела, но он выдержал удар и стал защищать себя сам, по-новому интерпретируя само слово «политика» и доказывая, что политикой в смысле властей он не занимался и не будет заниматься. «Гавел, – отмечает автор, – тщательно обдумал свое заключительное слово и в нем ему на суде

удалось убедительно разоблачить абсурдность обвинения и приговора. Он снова вынужден был смириться с тем, что добился моральной победы без публичности» (с. 107), а точнее – создавал эту публичность по новым образцам.

Как правило, отмечает Сук, аресты Гавела носили комедийные и абсурдные черты, о чем свидетельствуют документы по уголовным делам. Но поле игры в абсурд оставалось за ним: драматург хорошо знал свое дело и мудро выстраивал тексты и контексты. «Подсудимый Гавел, – говорится в монографии в ходе интерпретации одного из процессов 22–23 октября 1979 г., – пришел к абсурдному предположению, что социалистическая государственная власть никогда не ошибается и ее суды всегда принимают справедливые решения. И снова его прервали возражением, что он не делает различий между уголовным преследованием и судебным решением. Судья Кашпар отстаивал принципиально независимость социалистических судов от государственной власти» (с. 146). Получилось так, что Гавел выставлял себя более последовательным защитником социалистической государственности, чем Кашпар...

Надо ли подчеркивать особо, что это новый стиль политической активности, игнорирующий постоянные угрозы репрессий и побуждающий жить свободно, не деля диктатуре принципиальных уступок. Так Гавел стал диссидентом. «Хотя по отношению к данному термину, который пришел с Запада, он сохранял четкую дистанцию (как и другие подписанты), все же Гавел принял его и с определенной долей самоиронии превратил в фамильярную составную часть своего лексикона – портфель он называл “дисси-сумка”, рождественские пьесы “дисси-сказками” и так далее. Вместе с тем он должен был уяснить, чем для него является Хартия 77, каково его место в ней, каким будет его отношение к режиму, чем для него является политика как дело публичное», – констатирует Сук (с. 147).

После заключения Гавел не свернул активности, опираясь при этом на такие концепты, как «власть безвластных» и «неполитическая политика». Их смысл поначалу с трудом усваивался не только врагами, но и друзьями первого диссидента Чехословакии. Сук в этом плане внимательно проанализировал диалог В. Пречана с Гавелом по вопросу о текстах. В одном из писем первый отмечал, что недостаточно лишь публиковать тексты на Западе, но необходимо также «вести борьбу за их смысл», поскольку

ку там имелось «значительное сопротивление к тому “видению”, которое видите Вы» (с. 227).

Действительно, эти тексты отличались принципиальной новизной. Не только западным, но и местным наблюдателям трудно было воспринимать и принципиально новые парадоксы в деятельности Хартии 77: «для одних она слишком политическая (вступает в конфронтацию с режимом, с его манипулятивной и лживой сущностью), для других – она недостаточно политическая (не стремится к системным изменениям, хочет вести диалог). И из-за этой неизбежной амбивалентности Хартия толерантна по своей сути, ни перед кем она не закрывается, никого не исключает, подписанты в ней выполняют такую деятельность, которая им самим по плечу и за которую они могут нести личную ответственность» (с. 233).

Где можно было найти соответствующие образцы политической активности и как можно расшифровать отражавшие их тексты? Суку удалось показать нетривиальность складывавшейся ситуации. Возьмем в качестве примера текст резюме Гавела к одному из документов Хартии. Пречан его назвал предметным и вдохновляющим, сожалея, что оно не стало официальным документом. Тогдашние же спикеры Хартии его отвергли, а один из них, В. Бенда, охарактеризовал текст резюме как «плохо написанный». По его убеждению, если в тексте говорится, что Хартия не стремится к системным изменениям, то нельзя не признать, что каждая юридическая поправка хартистов является само собой разумеющимся, системным изменением, если ее домысливать. Но Хартия не может выступать с политической программой, она должна выдерживать курс на неполитическую политику.

И Гавел должен был, интерпретируя данный и многие другие тексты, постоянно повторять, что «Хартия 77 является историческим шагом, направленным против неподвижности истории, увязнувшей в энтропии. Она – призыв к ответственности и тем самым становится потенциалом истории, фактором будущего» (с. 238). Тем самым конституируется не только неполитическая политика, но также (как отмечено в одном из параграфов, «иная, другая, альтернативная, неофициальная, подпольная, параллельная» и т.д. культура, тексты которой выражают новую социальную действительность, только затем структурируя пространство художественных текстов.

У такой культуры оказались свои авторы и издатели, читатели и критики. «Она, –

утверждает Сук, – могла появиться лишь в среде, где была невозможной свобода творчества. Лишь вопреки диктатуре, которая тотально претендовала – с попеременным успехом – на самую душу личности и общества. Масштаб и форма альтернативной культуры менялись в зависимости от того, как этот режим ослабевал или снова усиливался, что и кого интегрировал или, наоборот, исключал» (с. 245).

Со временем именно соответствующее художественному призванию Гавела театральное сообщество становилось одним из анклавов свободы в рамках «режима нормализации», речи, постановки и тексты которого начинали рушиться, – и это отражалось в официальной театральной среде. А над ними обеими возвышалась легенда о Вацлаве Гавеле как свободном человеке в качестве символа и ориентира подлинной идентичности.

Все же он «повторял надоевшие до отвращения и давно сформулированные взгляды на политику в тоталитарной системе. Политика как открытое и свободное управление общественными делами уже сорок лет не существует в Чехословакии. Конечно, писатель, который пишет правду, в определенный момент способен стать политической величиной. Ныне, в момент пробуждения общества, это ставит его в парадоксальное положение: он не может внезапно заявить: “С сегодняшнего дня ухожу в отставку” [...] Гавел видел свою роль не в том, что он будет проводить в жизнь программу конкретных политических преобразований, но лишь и только в той части, что своим авторитетом окажет содействие преодолению сложившейся хаотической ситуации. Как посредник диалога он объединит ссорящиеся группы и приведет их к “круглому столу”» (с. 300–301).

Каковы главные результаты ноября 1989 г. в судьбе Гавела? Один из них – подтверждение релевантности (надежности) его основных текстов, полагает Сук, включая не раз высказывавшееся предположение Гавела, что пассивное, кажущееся равнодушным и безнадежно раздробленное общество располагает в своем ядре свободным сознанием, которое никакая диктатура не смогла истребить.

Народ, продолжает автор, восстал весьма активно, чего мало кто ожидал. Наконец-то пути диссидентства и большинства общества соединились в судьбоносный момент. Активное гражданство соединилось с аутентичной демократией и народ признал,

что именно хартисты пришли к этому цене личных жертв.

И уже публика производила при этом крайне краткие, но энергичные тексты, приводимые в книге: «Посмотри, Густо (имелся в виду Густав Гусак. – Э.З.), как здесь густо»; «А “Руде право” писало, что нас тут мало!» и др. (с. 338). А надо всеми ими зазвучало доминантой «Гавела на Град!». Действительно, не без его участия организованные митинги превратили ГФ и ОПН в гегемона гражданских волнений, а сам Вацлав Гавел из интеллектуала стал лидером общенародного демократического движения.

«Гавела, – пишет Сук, – не подвела его интуиция. Еще в октябре 1989 г. утверждая, что независимые инициативы не могут репрезентовать весь народ, который должен сам и естественным путем структурировать и артикулировать свои интересы, он тем самым решительно не производил впечатление политического лидера. И вдруг в течение одной недели интенсивной общественной жизни народ встал на ноги, а Гавел возглавил его. Ему удался мастерский ход в рискованной игре, разыгранной в воскресенье 19 ноября объединением независимых инициатив, и он искусно захватил роль оппозиционного лидера; в понедельник он привлек на свою сторону символ и мотор гражданского беспорядка – бастующих студентов; во вторник расширил свое влияние на гражданскую общественность, репрезентованную наполненной площадью; а в конце недели прямые телетрансляции с митингов превратили его в яркого представителя идеи, указывающей мирный путь к свободе для всех» (с. 333).

Поэтому как раз Гавелу удавалось сохранять наднапартийную идентичность Гражданского форума, поэтому как раз он утверждал, что кандидатов в правительство не номинирует, а только проверяет и одобряет – и ему верили. «Парадоксально, – подчеркивает Сук, – что тем самым он [Гражданский форум] стал играть роль всемогущего до сих пор Центрального комитета!» (с. 352). Такими словами Сук описывает одну из самых убедительных страниц гавеловского текста.

Затем открылись уже новые страницы, которые «читались» гораздо более широкими кругами. И здесь у Гавела, ставшего фигурой политической политики, сохранился новый стиль неполитического политика. Он вызывал некие подозрения у отдельных лиц, но кредит доверия к Гавелу был практически безграничным. Он, к примеру, в стилистике абсурдистской драмы, вслух

выражает свои сомнения: претендовать на пост президента, не претендовать ... И ему верят, хотя лучше было бы верить в демократические процедуры...

Сук не без элементов иронии (если не сарказма) так комментирует получивший известность монолог Гавела (в духе излюбленного театрального персонажа Гамлета) на вечернем заседании расширенного кризисного штаба Координационного центра ГФ 5 декабря 1989 г.: он-де «всегда интересы отечества ставил выше своих личных интересов; это подтверждается его пребыванием в заключении; супруга разведется с ним, поскольку категорически не согласна с этим решением; прекратятся постановки его театральных пьес, “потому что неловко, когда ставятся президентские пьесы”; прежде всего он должен распознать тот ключевой момент, когда отечество будет поистине более всего нуждаться в нем на президентском посту; он хочет быть президентом только до свободных выборов, когда “его служба родине как гражданина закончится”, но как только полугодовой срок завершится, с радостью передаст этот пост какому-нибудь серьезному профессору, и у него появится возможность “сублимироваться в литературе”, чем исполнит его “личное желание не сидеть на заднице на Граде пять лет”» (с. 373–374).

Эта роль сомневающегося, по словам автора монографии, воистину абсурдна, но именно ее драматург и актер в одном лице неоднократно повторял в ходе «бархатной» революции. Его ведь нельзя обязать делать то, чего не хочется, – тем более, что он это делает охотно, но без особых признаний: таковые вошли бы в противоречие с декларированной им же идентичностью независимого интеллектуала – т.е. с политикой как профессией. Трудно разобрать, были вышеприведенные сомнения проявлением иллюзий «политического любителя» либо же орнаментом властных амбиций Гавела. Но были они всего лишь игрой словами – будущий президент руководствовался представлением о высокой политике как о новом приключении и познании неизведанного, заключает И. Сук.

Автору книги пришлось завершить свой труд датой, связанной с тем же Гусаком – временем, когда он покинул пост президента, а Гавел его занял, охотно приняв на себя новые обязанности. Примечательно в этом плане следующее свидетельство Сука: корреспондент радио приветствовал 21 декабря Вацлава Гавела при посещении г. Кладно как «апостола бархатной революции». Это было

чрезмерно, но перед очарованным журналистом с дрожащим микрофоном в руке он не мог просто отбросить данные слова и переадресовал «апостольство» студентам, его встречавшим. Такого рода события не могли не повторяться: родилась и испытывала триумф гавеловская легенда, неизбежно порождая нового рода абсурдизмы.

Сук с особой смелостью интерпретирует высший пункт жизни Гавела как некий текст, содержащий не только слова, но и действия. «“Бархатная революция” – вместе с тем, что ей предшествовало – не была во властном или политическом смысле слова сказкой или романсом. Столь интенсивно проживавшаяся на площадях, она состоялась как комедия, а в перспективе этой книги – как заключительное действие гусаковской политической комедии [...] А темой комедии как жанра является интеграция, не исключаяющая весьма драматических поворотов, включая единение победителей и проигравших, в принципе склонных к компромиссу», – подчеркивает автор (с. 421).

При этом именно метод политико-биографической семиотики, на мой взгляд, позволил расставить правильные акценты в оценке фигуры Гавела и продуцируемых им текстов по законам «абсурдистской драматургии» как до, так и после декабря 1989 г. «“Временный президент” в течение всего лишь одного дня стал гарантом свободы, процветания, справедливости, т.е., собственно, незаменимым народным вождем с грандиозной миссией. Он оставил Гражданский форум как свою базу в спорах относительно властных возможностей и внутреннего разложения, а свою политику, построенную преимущественно на личных связях, стал проводить без тесного сотрудничества с ним. Личную ответственность Гавел жестко противопоставил партийной (без)ответственности. Конечно же, харизматический принцип попал в затянувшийся конфликт с принципом демократическим» (с. 422).

Но это – уже следующая, и весьма непростая часть текста, которая читается не с меньшим интересом: весьма оживленный президентский период (1990–2003). «Сегодня очевидно, – утверждает Сук, – что от “духовного государства”, о котором Гавел мечтал в начале девяностых годов, мы далеки». И далее: жизнь Гавела богата парадоксами. «Как будто бы он сам шел им навстречу и сознательно делал из своей жизни полную контрастов драму. Как будто бы его что-то заставляло пройти противоположный опыт и испытания крайностями –

между властью безвластного и безвластием властного – чтобы самому встать перед ответственностью» (с. 425).

В заключение подчеркну: ситуация сложилась так, что подобным образом выстраиваемый в рецензируемой монографии текст Гавела оказался востребованным в условиях Чехословакии, и не только ее. Такого рода тексты были характерны для цепи революций с определениями, где местом действий являлась не гильотина, а переговорный стол.

Абсурдистская драматургия взыскующих власти диссидентов, оппозиционеров и т.д., и т.п. как нельзя лучше подходила к тем задачам, которые они ставили: вчера я диссидент, сегодня президент, но, став президентом, во многом останусь диссидентом в ходе выполнения ряда обязательств. При таком подходе у революции есть начало, но нет конца.

Надо сказать, что и чехословацкое общество было готово к таким переменам, включая моменты абсурдизма. Еще вчера это были спокойные обыватели, сегодня их зажег факел студенческого протеста, завтра они свободны. Еще вчера коммунистический парламент обсуждал меры по искоренению диссидентства, а сегодня он единогласно голосует за то, чтобы один из его представителей стал президентом. Свобода, однако...

Заслуга автора книги в том, что он передал все эти сложности, прибегая к новым методологическим приемам, хотя и не выпячивая их. Последнее мое размышление выходит за рамки книги, но хотелось бы, чтобы знакомство с биографией породило дискуссии о новом стиле политики, порождаемой революциями с определениями. В этом плане Гавел – один из родоначальников новой генерации политиков, которых сегодня можно обнаружить во многих странах и которые используют изобретенные им тексты в целях достижения и удержания власти.

Книга – побуждение к разговору не только о Чехословакии, ставшей Чехией и Словакией, и не только о Гавеле. Она – о новом стиле политики, преобразующей современный мир. И в этом отношении политическая биография Гавела – широко открытый текст, волюно или невольно, сознательно или бессознательно «прочитываемой» большинством политиков указанной генерации и сегодня появляющихся в самых различных регионах мира.

П. МАНГАЧЕВ. Генерал Казимир Эрнрот – живот и дело в България. София, 2013. 231 с.

П. МАНГАЧЕВ. Генерал Казимир Эрнрот – жизнь и дело в Болгарии

Пожалуй, самой «трудной страной» для России является Болгария с ее сложной, «изломанной временем и врагами» жизнью, историки которой продолжают вести расследование «русского следа» в сфере государственности. Сейчас, когда можно «узнать», что русские были «оккупантами», но отнюдь не «освободителями», особенный интерес вызывает книга профессионального историка, автора многочисленных публикаций Петко Мангачева о царском генерале К.Г. Эрнrote, ставшим военным министром, а затем, на короткое время и министром внутренних дел и премьер-министром в новосозданном Княжестве Болгария после русско-турецкой войны.

Автор подчеркивает, что Эрнрот, «очевидно обладал качествами, которые характерны для настоящего государственного деятеля – быть общепризнанным арбитром во всех острых конфликтах между отдельными социальными слоями в общественном пространстве» (с. 69). Хотя «генеральская жесткость», как подчеркивает автор далее, была ему свойственна (с. 72). Более того, введение Эрнротом военных судов, назначение комиссаров из русских офицеров в области страны, возможность применения строгих санкций против «смутьянов» – все это привело к тому, что его враги вынесли генералу смертный приговор (с. 80). И неизвестно, была бы выполнена эта угроза, если бы генерал не сложил с себя министерские функции летом 1881 г. и не уехал из Болгарии. Сама главная задача генерала по удержанию страны «в порядке» и проведению победных выборов во Второе Великое Народное собрание, одобрившее «режим полномочий», была выполнена. Сюда можно добавить интересную деталь: закрытие генералом ряда «ненужных» тюрем в стране (с. 87). Достаточно подробно обрисована П. Мангачевым и деятельность Эрнрота по

вопросам железнодорожного строительства, его твердость в отстаивании статуса Болгарии перед Стамбулом, пытавшимся толковать страну как «привилегированную провинцию».

Особенно подробно описана позиция генерала в сфере снабжения армии, т.е. интендантства. Не забыта его роль в формировании военного законодательства.

Отмечена деятельность министра внутренних дел Эрнрота по ликвидации в восточной Болгарии разбойнических бандформирований, державших в страхе болгарское население, не только военными, но и мирными средствами.

Интерес представляет и сюжет, связанный с различными оценками личности и деятельности Эрнрота его современниками.

Последняя, десятая, глава посвящена «прошлому, настоящему и будущему финляндского батальона», наследнику финляндских гренадеров, принимавших участие в Освободительной русско-турецкой войне.

В приложении представлен ряд новых, обнаруженных автором, архивных документов на болгарском, французском, русском языках.

Если говорить о замечаниях к тексту, то, в сущности, могу лишь выделить одну деталь: «увлечение» автора цитированием. Так, вторая глава, посвященная участию Эрнрота в работе Совета министров, состоит, в основном, из протоколов его заседаний. Они были бы логичны в приложении.

В целом, книга представляет собою важный вклад в болгарскую историю в сложный период восстановления болгарской государственности, в котором важную роль играли русские представители на болгарской службе.

© 2014 г. В.И. Косик

Poetika humoru. Nitra, 2011. 274 s.
Поэтика юмора

Издательство Университета Константина Философа (г. Нитра, Словакия) в 2011 г. выпустило сборник «Поэтика юмора» под общей редакцией Яны Валднеровой, который подвел итоги работы конференции «Юмор в иронии, ирония в юморе», организованной в сентябре 2011 г. факультетом центрально-европейских исследований и философским факультетом университета. Целью конференции, равно как и целью данного научного издания, было рассмотрение самых разнообразных взглядов на комическое, юмор, его природу и художественное воплощение в отдельных видах искусства и в конкретных произведениях. Авторами сборника стали не только словацкие исследователи, но и ученые из других стран: России, Польши, Чехии, Венгрии, Македонии. Тематика вошедших в него статей также получилась невероятно разнородной: от теоретических работ, анализирующих и сравнивающих известные концепции, касающиеся смеховой культуры, до анализа конкретных сатирических и юмористических литературных произведений, анекдотов, теле- и радиопрограмм и даже телесериалов. Безусловным достоинством сборника является то, что при его подготовке были привлечены специалисты из различных областей науки – не только литературоведы, но и философы, лингвисты, сотрудники факультетов журналистики, занимающиеся изучением средств массовой информации.

Для российского читателя, безусловно, приятно отметить тот факт, что практически во всех статьях зарубежных исследователей, затрагивающих теоретические вопросы юмора, сатиры, природы комического и т.п., основное внимание уделяется работам русских ученых (М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, А.Н. Веселовского, Б.М. Эйхенбаума, В.Я. Проппа и др.). Некоторые авторы, к примеру, проводят сравнение античных воззрений на юмор и теории средневековой смеховой культуры М.М. Бахтина (В. Якубовская, Университет Константина Философа), последняя, в свою очередь, сопоставляется с суждениями Д. Лукача и теорией комического В. Борецкого (Г.С. Хорват, Паннонский университет,

г. Веспрем; Л. Павера, Техническо-гуманитарная академия г. Бельско-Бяла).

Географические и исторические рамки представленных исследований оказались довольно широкими. Например, среди анализируемых произведений словацкой литературы присутствует и классический роман Йонаша Заборского «Фаустиада», и сатирическая поэзия 1930–1940-х годов Янко Есенского, и проза современных писателей Петера Пиштянека, Павола Ранкова, Петера Яроша, Любоша Юрика, Петера Голки, Мариуса Копчаи. Помимо этого, в сборнике рассматриваются произведения чешских (Эгон Бонди, Арношт Лустиг), польских (Тадеуш Конвицкий), русских (Юлиан Семенов, Тимур Кибиров, Владимир Войнович, Виктор Пелевин), венгерских (Кальман Миксат, Имре Кертеc), македонских (Лидия Димковская) авторов.

Особо остановимся на некоторых статьях сборника, показавшихся нам наиболее интересными. Прежде всего, следует отметить работы, в которых отдельные юмористические и сатирические жанры, приемы, способы передачи комического исследуются на основе широкого литературного материала – на примере произведений целого ряда авторов, принадлежащих различным национальным литературам, а нередко даже разделенных большой временной дистанцией. Так, польский исследователь Б. Бакула (Университет им. А. Мицкевича, г. Познань) посвятил свою статью славянской антиутопии 70–90-х годов XX и начала XIX в., взяв за основу для анализа произведения чеха Э. Бонди «Братья-инвалиды» (*Invalidní sourozenci*, 1974), поляка Т. Конвицкого «Малый апокалипсис» (*Mała Apokalipsa*, 1979) и русских писателей В. Войновича «Москва 2042» (1987) и В. Пелевина «Чапаев и Пустота» (1999). Эти тексты рассматриваются как продолжение той антиутопической линии в литературе, которая создавалась в первой половине XX столетия романами Е. Замятина, А. Платонова, А. Зиновьева, В. Винниченко, Дж. Оруэлла, М. Гарнича и которую польский исследователь именуется «первой, катастрофической фазой разви-

тия антиутопии». Как пишет Б. Бакула, в большинстве своем анализируемые произведения «второй, катастрофическо-гротескной фазы» повторяют уже известные схемы утопических и антиутопических романов, выводя при этом на первый план пародийные, иронические и гротескные элементы. Несмотря на то что в статье допускается несколько фактографических ошибок (к примеру, «первую фазу» развития антиутопии автор датирует 1930–1960-м и годами, хотя разбираемые романы «Мы» Е. Замятина, «Чевенгур» А. Платонова, «Солнечная машина» В. Винниченко созданы еще в 1920-е годы), тем не менее данное исследование можно назвать интересной попыткой проанализировать эволюцию жанра антиутопии в XX в. на примере достаточно обширного материала из разных славянских литератур.

К любопытному сопоставлению сатирических произведений, авторы которых относятся как к разным национальным литературам, так и к разным эпохам, обращается в своей статье Л. Будагова (Институт славяноведения РАН). Речь здесь идет о поэзии конца 1930-х – начала 1940-х годов словацкого поэта и писателя Я. Есенского и поэме Т. Кибирова «Когда был Ленин маленький» (1984). Объектами сатиры у обоих авторов становятся крупнейшие политические лидеры своего времени – Гитлер и Ленин, соответственно. Кроме того, произведения Есенского и Кибирова основаны на одном и том же композиционном принципе комментирования цитат (у первого – из газет и радиопрограмм, у второго – из биографической книги А.И. Ульяновой о своем младшем брате). Таким образом сама структура произведений обоих авторов изначально высвечивает главный принцип поэтики комического – принцип несоответствия. Несоответствия между официальной трактовкой и неофициальным поэтическим комментарием. Несоответствия между серьезностью темы, важностью комментируемых фактов, значительностью описываемых исторических персонажей и стилистикой поэтического произведения – легкой, ироничной и иногда даже презрительной. Помимо этого, в поэме Кибирова появляется еще один сатирический прием, характерный уже для эпохи постмодернизма, основанный на несоответствиях интертекстуальных (отсылки к легкоузнаваемым фрагментам, строкам, образам из знаменитых литературных произведений, народных песен, старинных романсов, совет

ских шлягеров и т.п.). В целом, анализируя эти два ярких образца документальной сатиры, Л. Будагова приходит к выводу об исторической ценности и актуальности этого жанра и, главное, доступности для читателя тех смыслов и мотиваций, которые изначально были заложены авторами.

Проблему использования приемов гротеска и абсурда в произведениях, посвященных отнюдь не юмористической теме – теме Холокоста, рассматривает в своей статье З. Варгова (Университет Константина Философа). Она обращается к текстам романа «Без судьбы» венгерского писателя лауреата Нобелевской премии И. Кертеса и повести «Молитва за Катержину Горовитцову» чешского прозаика А. Лустига, которые объединяет не только тема и предмет изображения, но и способ передачи описываемых событий через призму детского восприятия. Из совмещения такой, безусловно, крайне трагической темы преследования евреев в годы Второй мировой войны со свойственной детям наивностью, непосредственностью, стремлением воспринимать все происходящее как игру рождаются эти трагикомичные и невероятно гротескные литературные произведения, заставляющие увидеть и почувствовать всю абсурдность окружающего мира и нашей общей истории.

Еще одно, без сомнения, очень любопытное исследование было представлено Я. Валднеровой (Университета Константина Философа), которая в своей статье пытается проследить эволюцию образа наивного рассказчика в европейской и американской литературе, начиная с героев романов английского писателя XVIII в. Генри Филдинга и заканчивая персонажами современных популярных произведений П.Г. Вудхауса (цикл комических рассказов и романов о Дживсе и Вустере) и У. Грума (роман «Форрест Гамп», получивший широкую известность благодаря одноименной экранизации 1994 г.). Фигура наивного рассказчика рассматривается Я. Валднеровой как своеобразный вариант бахтиновской маски, за которой скрывается сам автор и которая должна подталкивать читателя к разгадыванию глубокого авторского замысла и настраивать его на вдумчивое, серьезное отношение к предмету смеха. И успешность этой стратегии в данном случае всегда зависит непосредственно от читателя, от того, насколько он сам готов не просто развлекаться, наблюдая за забавными героями и ситуациями, но и разглядеть за образом простачка его сатирическую суть.

Целый ряд статей сборника затрагивает неизменно актуальные проблемы перевода юмористических произведений, поскольку перевод таких текстов представляет собой крайне сложную задачу, обусловленную как различием языков и культур, так и национальной спецификой юмора. В первую очередь, большие трудности всегда возникают в связи с переводом конструкций, основанных на игре слов, каламбурах, полисемии, этимологии или обыгрывании расхожих пословиц и поговорок. Об этом, например, исследование К. Хорват (Католический университет Петера Пазмани, г. Будапешт), посвященное передаче юмора и иронии в существующих переводах романа К. Миксата «Зонт Святого Петра». Своими наблюдениями в области перевода юмористических произведений с английского языка на словацкий и чешский языки поделилась в своей статье и М. Мацухова (Университета Константина Философа), сравнив удачные и менее удачные примеры переводов каламбуров, сленга и диалектизмов, имен, названий, прозвищ персонажей. В свою очередь, ее коллеги Э. Янецова и М. Кишшова представили результаты интересного эксперимента, проведенного на кафедре переводоведения философского факультета Университета Константина Философа, в рамках которого студентам было дано задание по переводу отрывков из популярной детской юмористической книжки американского писателя Джона Шески (Jon Scieszka «The Stinky Cheese Man and Other Fairly Stupid Tales», 1992). Авторы статьи проанализировали различные переводческие стратегии, использованные начинающими переводчиками

для передачи юмора в названиях сказок, в именах персонажей и т.д. В целом, ими была отмечена важность ориентирования на реципиента при переводе такого типа текстов, когда выбор переводческой стратегии обусловлен необходимостью донести специфику юмора даже до совсем юного читателя, что, безусловно, многократно усложняет и без того непростую задачу переводчика.

Сборник наглядно продемонстрировал неизменный интерес к изучению таких явлений, как юмор, сатира, комическое, смех и одновременно актуальность проведения подобных исследований. Понимание природы юмора, основных приемов комического, структурных принципов юмористических и сатирических произведений невероятно важно для правильной интерпретации произведений и заложенных в них авторских замыслов, не говоря уже о переводе этих произведений на иностранные языки. В связи с этим составители сборника постарались включить в него работы широкого круга специалистов гуманитарных наук, благодаря чему издание получилось по-настоящему междисциплинарным и доказало плодотворность подхода, при котором изучение различных аспектов одного и того же объекта происходит во взаимодействии представителей целого ряда научных областей. Это, в свою очередь, отражает общие тенденции современной науки, усиление в ней интегративных процессов и, безусловно, расширяет круг читателей, для которых подобные издания могут быть интересными и полезными.

© 2014 г. *А.Ю. Пескова*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БАЛКАНЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ XIX–XXI ВЕКОВ»

Конференция «Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.», организованная Институтом славяноведения РАН совместно с Институтом балканистики (с центром фракологии) Болгарской академии наук, проходила в Москве 23–24 апреля 2013 г. Приглашение участвовать в ней приняли ученые Института балканистики Сербской академии наук и искусств, а также Института по изучению Юго-Восточной Европы Румынской академии. Директора этих балканистических институтов (д-р ист. наук К.В. Никифоров, проф. Ал. Костов, проф. Д. Батакович) и возглавили соответствующие национальные делегации (только проф. Н.-Т. Танашока не смог прибыть в Москву). В конференции также участвовали представитель АН Молдавии и ученые ряда университетов, что является свидетельством плодотворности научного сотрудничества академий и высших учебных заведений. Многочисленная делегация БАН смогла приехать в Москву благодаря финансовой поддержке Форума «Болгария – Россия» и заинтересованности его представителя г-жи С. Шаренковой.

То, что конференция состоялась в столетнюю годовщину Балканских войн 1912–1913 гг., оказалось случайностью, но осмысление уроков этого военно-политического столкновения в ходе юбилейных мероприятий, прошедших во всех балканских странах, составило благоприятный фон для обмена мнениями между учеными некогда враждующих государств.

Заглавная тема конференции была предложена годом раньше болгарской стороной – при обсуждении плана двустороннего сотрудничества между институтами балканистики РАН и БАН по теме: «Историко-сравнительное исследование развития балканских стран и народов в XIX–XX вв.» (руководители соответственно К.В. Никифоров и проф. Св. Елдаров). По предложению К.В. Никифорова к работе конференции были привлечены ученые академий наук Сербии и Румынии. Всего в конференции участвовало около 40 человек, 20 из них являлись представителями иностранных академий.

Задачей конференции было целостное рассмотрение истории политических проектов для Балкан, готовившихся в XIX–XXI вв. на Западе и на Востоке, равно как и в самих балканских странах. В центре внимания оказывалась *славянская идея* на Балканах и в России, истоки ее зарождения и причины последующих преобразований, ее влияние на социокультурное развитие балканских народов и на политику соответствующих государств. В диалектическом единении со славянской идеей предстояло проанализировать место и роль *европейской идеи* в идеологии и политике балканских стран.

Славянская идея как одна из характерных черт Нового времени на Балканах и в России определила название первого раздела тематики конференции. Эта проблема привлекла внимание восьми ученых, но ее касались и другие докладчики, например, как подводку к расследованию избранного ими конкретного сюжета.

Историю зарождения славянской идеи осветил К.В. Никифоров (РАН) в преамбуле доклада, относящегося к более позднему времени. Он подчеркнул, что возникла она вследствие осознания племенного и, главное, языкового родства. В первой половине XIX в. издавна существовавшая идея получила толчок в Словакии как идея *славянской взаимности*, затем последовало ее распространение почти по всем славянским землям. Для са-

мосознания народов Сербии, Болгарии, а позже и Македонии, продолжил он, было важно идентифицировать себя не только как отдельную нацию, но и как *славян* – родственный, в том числе с русскими, конгломерат. Для румын таким мостиком служила православная вера. Вместе с тем у каждого народа славянская идея приобретала свою национальную окраску.

В России увлечение славянской идеей, идеей славянской взаимности вылилось в романтическое славянофильство и в гораздо более угрожающий панславизм. Об этом говорила *И.В. Чуркина* (РАН) в докладе «Первые русские теоретики панславизма (М.Н. Погодин, К.С. Аксаков)». Касаясь роли славянской идеи в строительстве отношений между Россией и балканскими народами, Чуркина исходит из постулата, что Балканы издавна были зоной борьбы между Россией и западными государствами за политическое влияние здесь. В атмосфере обострения этой борьбы в середине XIX в. К.С. Аксаков развивал славянскую идею в славянофильском направлении, имея в виду главную цель – освобождение зарубежных славян от чужеземного ига при покровительстве русского царя и против стремления западных держав подчинить их себе. Программу же университетского профессора М.П. Погодина, имевшую целью расширение пределов российского государства, Чуркина называет как представлявшую интересы наиболее агрессивных кругов российского общества.

Широко подошел к освещению темы «Константинополь: фантазии, мечты и планы. XIX–XX в.» *В.И. Косик* (РАН). Он детально связал славянскую мечту о православном Константинополе с идейными разработками русских православных мыслителей (Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев) и с подспудными планами и разработками по овладению «городом городов», составившимися или замышлявшимися российскими императорами, их военным окружением ... и даже правящими кругами Советского Союза. Что, однако, никогда не афишировалось, и, наоборот, официально всегда опровергалось. Но притягательность мечты оставалась.

Тема панславизма получила отражение в докладах двух иностранных участников конференции. О неприятии панславизма болгарским обществом говорила *И. Манасиева* (БАН) в докладе «Славянская идея как элемент антирусской агитации “Союза освобождения Украины” в начале Первой мировой войны». В СОУ, созданном в 1914 г. во Львове, считали славянскую политику императорской России пагубной. В надежде, что мировая война послужит катализатором борьбы славянских народов за национальное освобождение, в том числе поспособствует выходу украинского народа из состава Российской империи, СОУ развернул в Болгарии, Румынии и Турции – возможных соседях будущей Украины – антирусскую пропаганду с целью создания в них благоприятного климата для осуществления задуманного.

Отголоском неприятия панславизма и, возможно, славянской идеи вообще, явился доклад румынского ученого *К. Даниеля* (РА) о выстраивании внешней политики Румынии в первое десятилетие XX в. Прежде всего он предложил рассмотреть особое положение Румынии как соседки трех славянских государств, иллюстрируя его ярким заявлением в парламенте румынского политического деятеля Петре Карпа: «Славяне на севере, на юге, на западе, на востоке, повсюду, куда простираются наши взоры, мы видим огромный океан славян, который накатывается волнами на наши берега и угрожает нам разрушениями». По мнению докладчика, Бухарест стремился сохранять равновесие на Балканах, а этому угрожала экспансия панславизма. Страх перед Россией перекидывался и на отношение Румынии к Болгарии (из-за ее близости к России), от которой тоже ждали военной угрозы. Все это определило стремление правящих кругов Румынии к укреплению союза с Центральными державами.

С интересом было выслушано выступление проф. *Д. Батаковича* (САНИ) «Россия, Сербия и Первая балканская война (по мемуарам Д. Поповича)». Затронутая им тема Балканских войн нашла отражение в докладе проф. *Св. Елдарова* (БАН). Елдаров вначале остановился на особенностях неославянского движения первого десятилетия XX в. в хорватских землях. Исследование ряда малоизученных явлений здесь, считает он, расширяет

понимание неославизма: это не только политический проект, но и сопутствующие ему экономические, культурные и другие связи. Так, по его мнению, пропаганда церковной унии также является своеобразной формой южнославянской взаимности, не говоря уже о связях между хорватами и болгарам в сфере образования и культуры. Отсюда его оценка неославизма как шага к югославизму. А потому с исключением Болгарии из южнославянской взаимности в результате Балканских войн 1912–1913 гг. докладчик связывает и крах неославизма: тогда был нанесен удар по самой сути идеи славянской взаимности – славяне стали убивать славян.

Упомянутый мотив был продолжен в насыщенном богатыми архивными данными докладе *Г.Д. Шкундина* (РАН) «Болгария в геополитических проектах российской правящей элиты (март 1916 – февраль 1917 г.)». Приведенный им материал о российско-болгарском вооруженном столкновении в Добрудже, как и о болгарско-югославянских боях в ходе Первой мировой войны, свидетельствует, что славянское родство не служило препятствием для убийства ими друг друга.

Роли Первой мировой войны в развитии идеи югославизма были посвящены два доклада. *Ю.В. Лобачева* (РАН) отметила, что в военные годы идеи югославизма не только обрели новое звучание, но и преобразовались в идеологическую основу государственной интеграции югославян. Проследив судьбу планов и проектов объединения в одном государстве сербов, хорватов, словенцев, выработанных сербским правительством (премьер Н. Пашич) и эмигрантским Югославянским комитетом, Лобачева на конкретном примере исследовала возможности государственно-политической реализации популярной идеи.

В свою очередь *Н.С. Пилько* (РАН), выделяя особенность словенского югославизма, подчеркнула, что реальную почву он стал обретать только в годы мировой войны, хотя идея объединения южных славян зародилась здесь еще в XIX в. Наиболее приемлемым для словенцев, считает она, был союз с хорватами, а потому вхождение в Королевство СХС явилось для них не осознанным выбором, а скорее примирением с реалиями времени. И как заключение: вплоть до Второй мировой войны это югославянское государство так и не стало монолитным, каждая его часть тянула одеяло на себя.

Объяснение феномену «Королевство СХС (с 1929 г. Югославия)» в целом, отвечающее современному состоянию науки, дал *А.А. Силкин* (РАН). При анализе соотношения идеала югославизма (народного единства сербов, хорватов и словенцев) и практики претворения его в жизнь докладчик использовал такой показатель, как низкий цивилизационный уровень преобладающей крестьянской массы в составе населения. В опровержение мнения современных историков, ностальгирующих по Югославии и считающих югославизм современной интеграционной политической и государственной идеей, а ее приверженцев – радателями преодоления раздробленности, Силкин успех всего югославянского государственного объединения связывает с тем, что интеграторам противостояло партикуляристское сознание аграрного общества, с укорененными в нем национальными идеологиями, по своей природе клерикальными, консервативными, авторитарными. За все время существования югославянского государства король Александр и его министр Светозар Прибичевич не смогли добиться внутренней консолидации страны. Теорию народного единства они использовали лишь как средство для достижения превосходства над политическими конкурентами.

Завершил эту часть тематики конференции развернутый доклад *К.В. Никифорова* (РАН) «Россия и славянская идея в XX в.». Отметив первоисток славянской идеи, подробнее он остановился на кризисах ее развития в XX в. Докладчик выразил уверенность, что серьезный урон ей был нанесен российской революцией в октябре 1917 г. (славянская идея была чужда «ленинской национальной политике») и горбачевской «перестройкой», закончившейся «бархатными революциями» в Восточной Европе и чередой войн в бывшей Югославии в 1990-е годы, когда вновь славяне воевали со славянами.

Говоря далее о сильно изменившемся мире, который стал многополярным и в его славянской части, Никифоров высказал предположение, что, возможно, это придает славянскому миру большую устойчивость. Что касается славянской идеи, то она не умерла и

не умрет. В новых условиях, пришел он к выводу, славянские народы могут развивать, прежде всего, культурные, научно-гуманитарные, просветительские, образовательные связи. Тем более, что сегодня во всех славянских странах наблюдается всплеск интереса к национальной культуре, традициям, фольклору и т.п. И именно оживление культурных связей может создать предпосылки для улучшения и укрепления отношений между славянскими странами.

Другую значительную в тематике конференции группу составили доклады о политических проектах, связанных с идеей создания общего государства в виде балканской федерации или конфедерации, что, кажется, можно считать ответвлением все той же славянской идеи. Как и в первом случае, главной в федеративных проектах была их защитная функция в пользу балканских народов и их малых, как правило, государств. Мысль об объединении в форме федерации зародилась на Балканах еще в конце XVIII в., позже к заботам о совместной защите против посягательств крупных государств прибавились соображения о том, что федеративное устройство может явиться ключом для разрешения национальных и территориальных споров. Любопытно, что федеративные идеи обсуждались и пользовались поддержкой во всех слоях балканского общества: левыми и правыми, националистами и нигилистами; основным принципом выступало равноправие всех и каждого балканского субъекта.

Самым простым был союз в той или иной форме между отдельными государствами. В докладе *Н.Н. Червенкова* (АН Молдавии) рассматривается хронологически самое раннее в контексте конференции обращение болгарского публициста Ивана Добровского к Николаю I (1853) с планом создания автономного Болгарского княжества в рамках Османской империи. Согласно плану, аппарат временного правительства должен был формироваться русскими чиновниками и постепенно пополняться лицами болгарского происхождения, а стоящий во главе правительства «диктатор-болгарин» – назначаться с согласия России и опираться на ее поддержку. Россия, излагал Добровский свой проект, предоставит болгарам устроиться самим и иметь собственное правительство, свой язык, свои законы и тому подобное, вовсе не помышляя присовокупить Болгарию к своим владениям.

Следует сказать и о докладе *М.М. Фроловой* (РАН) об униатском движении в Западной Македонии (по донесениям российских дипломатов 1861–1871 гг.). Рассмотрев в рамках избранного десятилетия подъем и последовавший затем упадок униатского движения, М.М. Фролова заключила, что оно не имело политического характера и не являлось производной церковной борьбы болгарского народа.

В докладе «Никола Пашич и идея сербо-болгарского союза (1870–1880-е гг.)» *А.Л. Шемякин* (РАН) показал, как идея родства сербов и болгар и их союза, возникавшая у обоих народов из близкого соседского существования как нечто естественное, политизируясь, эволюционировала в свою противоположность, попала в зависимость от меняющихся политических обстоятельств. Примером служит позиция известного сербского политика Н. Пашича, сначала искренне принявшего идею Балканской федерации: «Мы за союз сербско-болгарского народа, а по возможности, и за создание Дунайской конфедерации» (1876). Идея имела сторонников и с болгарской стороны, утверждает Шемякин. Однако уже в 1885 г. произошла Сербско-болгарская война.

Бесспорной лакуной явилось отсутствие на конференции разработок о попытках создания Балканского союза в 1867 и 1912–1913 гг. Обе они окончились неудачей, хотя и оставили свой след в истории. Возможно, во втором случае причиной послужил недавний 100-летний юбилей Балканских войн, обильный материал о которых еще не улегся.

Отсюда и перескок в ходе конференции сразу к периоду после Первой мировой войны, когда федеративные и другие объединительные идеи стали на Балканах особенно популярны. Причем, как отметила в докладе «Паневропа, Болгария и Балканы в 20-е годы XX в.» *Р. Конева* (БАН), поствоенный синдром заставлял европейцев думать не только о политических, но и о широких общественных объединениях. Такой стала организация «Соединенные штаты Европы (Паневропа)», заявленная как центр духовного общения

между народами. Принципами совместного европейского будущего провозглашались «мир, пацифизм и миротворчество». Особое внимание Конева уделила Первому паневропейскому конгрессу (Вена, 1926 г.) в работе которого приняли участие и представители Греции, Румынии, Болгарии. В речи на пленарном заседании конгресса его болгарский участник профессор Иван Шишманов заявил, что возвращение балканских народов в европейскую семью при почти пятивековой угрозе отуречивания само по себе является крупным завоеванием Европы. Он призывал к «радости» и «миру» и продекламировал стихотворение Шиллера «Песня о колоколе», основное послание которого – согласие! В 1927 г. Шишманов основал Болгарскую секцию Паневропы при твердом отстаивании позиции, что славяне являются неизменной частью общеевропейской семьи.

Р.П. Гришина (РАН), выступившая с докладом «Балканская коммунистическая федерация в советских планах мировой революции», заявила, что при всей популярности самой идеи Балканской федерации попытка Советского руководства и Коминтерна спровоцировать установление здесь «социалистической советской федерации» в составе Болгарии, Югославии, Греции, Румынии не получила поддержки в этих странах. Для реализации проекта, родившегося в головах большевистских мечтателей, которым Балканы привиделись очагом мировой революции, в 1920 г. был создан организационный центр – Балканская коммунистическая федерация (БКФ), где преобладание получило реформированное в «нужном направлении» Коминтерном заграничное руководство Болгарской компартии. Незрелые, слабые, недисциплинированные балканские компартии не хотели, а часто просто не имели сил, выполнять решения Президиума БКФ, находившегося с 1923 г. в Вене и оттуда рассылавшего свои указания. По мнению докладчика, идея строительства Балканской федерации как государственного образования на базе теории мировой революции изначально была неосуществимой из-за умозрительности и оторванности от жизни как самой теории, так и средств ее реализации.

Особенно часто идея федерации возникала на балканском пространстве в канун окончания Второй мировой войны и в первое время после нее: в возникавшие проекты вкладывались притязания инициаторов федерации на переустройство существовавшего до войны порядка и надежды каждого ее участника решить застарелые национальные и политические проблемы.

С докладом «“Вариант Бис” по-русски», построенном на неизвестных прежде материалах о советских планах переустройства Балкан в конце Второй мировой войны, выступил *А.Ю. Тимофеев* (Белградский ун-т). Планы составлялись, когда Балканы были уже *de facto* «поделены» между СССР (Болгария, Румыния, Югославия и Албания) и англо-американскими союзниками (Греция и Турция) и готовились на случай нового глобального военного столкновения в Европе или локального конфликта. Ситуацию Тимофеев трактует как продолжение русского стремления получить ключи от «своих задних дверей» и захватить/освободить Стамбул (Константинополь). Красная армия, красиво завершил он доклад, оказалась перед искушением продолжить там, где остановилась армия царская.

Югославским планам послевоенного устройства был посвящен доклад проф. *В. Павловича* (САНИ). Докладчик проанализировал проект королевского правительства в эмиграции, состоявшего из сербских, хорватских и словенских политиков, в котором предусматривалось новое прочтение югославизма – со свободой выражения политических позиций и свободными выборами – в противовес довоенному интегральному югославизму короля Александра. Однако королевское правительство было обессилено внутренним расколом на сербскую и хорватскую части и жесткой борьбой между ними за преобладание. В свою очередь компартия Югославии без долгих разговоров начала строительство нового порядка на основе концепции Народного фронта. Самопровозглашенные спасители отечества, как называет их Павлович, заявили об идее создания федеративной Югославии как основе восстановления общего государства, что явилось, по его мнению, навязыванием нового интегрального югославизма, только теперь с коммунистической подоплекой. Павлович считает, что формы, в которых могла быть восстановлена Югославия в варианте королевского правительства, были более приспособлены для ответа югославских народов на послевоенные вызовы.

С анализом причин краха федеративных объединений на Балканах, замыслы которых возникли во время Второй мировой войны, выступил *Л.Я. Гибианский* (РАН). Их общей чертой, при разности содержания и направления, считает докладчик, являлась задача объединения сил в борьбе против фашизма, а также прогнозы относительно послевоенного политического порядка на Балканах. В одном случае инициатива исходила от эмигрантских правительств Греции и Югославии, подталкивавшихся Лондоном. Приход Красной армии на Балканы лишил эти планы актуальности, но создал благоприятную атмосферу для объединительных действий компартий региона, стремившихся к установлению коммунистического правления в балканских странах и их тесной связи с СССР.

Во втором случае, отметил докладчик, особую активность проявила КПЮ. Но с югославской претензией на первенство и фактическую гегемонию («региональный мини-СССР») в конечном счете не желало считаться руководство компартий Албании, Греции и Болгарии, которые, по замыслу *Й.Б. Тито*, и должны были составить Федерацию южных славян. В 1948 г. попытка Тито форсировать процесс в виде объединения Албании с Югославией (вопреки фактическому советскому запрету) привела к разрыву между Москвой и Белградом. Исключение Югославии из советского блока, заключил Гибианский, стало и крахом федеративного объединения балканских коммунистических режимов и вообще создания федераций на Балканах.

Албанскому аспекту проекта Балканской федерации авторства *Й.Б. Тито* посвятил доклад проф. *Ал. Животич* (Белградский ун-т). Он подробно рассмотрел редкий, надо признать, на Балканах союз двух государств – Югославии и Албании, способный превратиться в их федерацию. В 1945–1948 гг. здесь были заложены основы будущего экономического, политического и военного сотрудничества. В перспективе предполагалась унификация двух систем при ориентации на югославский образец. На нерешенных территориальных и этнических проблемах внимание временно не акцентировалось. Но наметившийся в начале 1947 г. кризис в албано-югославских отношениях уже в 1948 г. стал дополнительным основанием для краха проекта. Кроме того, резюмировал докладчик, Албания, которая в большей степени опиралась на югославскую помощь, чем на собственные усилия в деле создания материальной базы общества и строительства государственных органов, недооценила тогдашнюю скромность югославских возможностей.

Федеративные проекты использовались на Балканах в это время и в других вариантах. *А.С. Стыкалин* (РАН) в докладе «Идея Дунайской федерации в Венгрии во второй половине 1940-х–1950-е годы» показал, какие ходы предпринимало правительство Венгрии в поисках пути разрыва с Германией и выхода из войны. Расчет строился на том, что участием в федеративных и конфедеративных проектах Венгрия могла бы не только избежать дипломатической изоляции, но и привлечь благожелательное внимание к проблеме «неприемлемых» для нее трианонских границ. Попытка еще во время войны договориться с югославским королевским правительством в изгнании о создании Дунайской федерации успехом не увенчалась, но в послевоенной обстановке титовская Югославия, получив ведущую роль в проектируемом союзе дунайских государств, удачно использовала прежние планы. Активизация такого сотрудничества и особенно довольно далеко зашедшее, по мнению Стыкалина, венгерско-югославское сближение сыграли свою роль в возникновении советско-югославского конфликта 1948 г. Когда же он случился, именно Венгрия быстрее других сателлитов отмежевалась от Югославии, чем и закончились все планы активизации дунайского экономического сотрудничества.

Судьба Трансильвании волновала и Румынию. *Т.А. Покивайлова* (РАН) детально обрисовала особую сложность решения вопроса о принадлежности этой территории в связи с тем, что румыно-венгерский спор увязывался с советско-румынским спором из-за Бессарабии. Среди вариантов был и такой, как и создание самостоятельного государства под эгидой СССР. В конечном итоге предпочтительнее оказалась передача Румынии всей Трансильвании взамен гарантий тесного сотрудничества Бухареста с Советским Союзом и его отказа от претензий на Бессарабию и Северную Буковину. В марте 1945 г. в Румынии было установлено просоветское правительство Петру Грозы.

Недолговечной явилась попытка создания прозападного Балканского пакта в 1950–1954 гг., с докладом о природе которого выступил на конференции *А.С. Аникеев* (РАН). Этот связанный вновь с Югославией проект обуславливался остротой конфликта между Коминформом и югославской компартией, когда на рубеже 1949/1950 г. начались провокации по периметру югославских границ с помощью восточноевропейских сателлитов СССР. Опасаясь агрессии с Востока, руководство ФНРЮ обратилось с просьбой к западным державам о помощи, а затем и о продаже ей вооружений. Решение США подключить Югославию к союзу Греции и Турции, уже вошедшими в НАТО, привело к созданию такого пакта в феврале 1953 г. Однако, заявил докладчик, смерть Сталина заставила югославское руководство изменить акценты в содержании пакта: сделать упор на экономическое и гуманитарное сотрудничество, а военные аспекты вывести на второй план.

Можно сказать, что этот пакт является примером очередного ситуационного плана на Балканах. Изменение конкретной ситуации вызывает и существенное изменение самого плана или вообще отказ от него.

В докладе *Т.В. Волокитиной* (РАН) предпринята попытка выявить и проанализировать документальные свидетельства о проектах создания конфедерации социалистических стран, выдвигавшихся в 1960-е годы политическим руководством Советского Союза и некоторых стран восточного блока. Характеризуя источниковую базу как крайне ограниченную в настоящее время, Волокитина считает, что она, однако, позволяет говорить об истоках интеграционной политики, с учетом роли и места СЭВ и ОВД как наднациональных объединений интеграционного толка. При всей трудности исследования процесса принятия политических решений по данному вопросу, Волокитиной все же удалось проследить эволюцию позиции советского руководства от недостаточно определенных заявлений Н.С. Хрущева в начале октября 1963 г. и в сентябре 1964 г. о формах объединения (федерация/конфедерация) до решения политбюро ЦК КПСС осенью 1968 г. о поэтапном продвижении к конфедерации стран социалистического содружества как важном направлении всей дальнейшей политики; а также отчасти прояснить отношение отдельных социалистических лидеров к перспективе конфедерирования с Советским Союзом. (Обращает на себя внимание дата указанного решения политбюро ЦК КПСС, весьма выразительная в логике «мероприятий» после Пражских событий 1968 г.)

Следующий блок составили доклады по проблемам экономической политической и культурной интеграции балканских славян и России, в основном относящиеся к динамичному XX в., особенно к его концу и началу еще более динамичного XXI в.

Начнем с проблемы стремления турок распространить в начале XX в. понятие «османы» на всех подданных Турецкой империи, независимо от их этнической или религиозной принадлежности с целью создания новой политической идентичности империи. Опыт такой интеграции рассмотрела *З. Пырванова* (БАН) в докладе «Младотурецкий османизм: попытка создания политической нации или ассимиляторская доктрина». Она отметила, что на «младотурок», установивших в Стамбуле в июле 1908 г. свой режим правления, оказало сильное воздействие раннее западноевропейское понимание политической нации, отождествляемой с общим отечеством. Отсюда, считает докладчик, их отрицание этнонационализма во всех его измерениях и попытки приобщить национальные движения к реформированию империи, смягчить межэтнические конфликты в вилайетах с тем, чтобы подменить национальные программы концепцией либерализации османской политической системы. Проект в конечном счете оказался нежизнеспособным.

Представления румынских интеллектуалов о роли общевосточного контекста в развитии румынской культуры были освещены в докладе *Ф. Цуркану* (РА). Здесь соседствовали противоположные взгляды: с одной стороны, акцентировалось внимание на позитивных сторонах балканского влияния на румынскую культуру, в фольклоре виделась общая основа, объединяющая балканские культуры без нарушения их индивидуальности (М. Элиаде). С другой стороны, балканский контекст рассматривался как признак слабости румынской культуры, отчего во имя модернизации возникала необходимость преодолеть балканские (и византийские) традиции (Э. Чиоране).

Подробному рассмотрению подверг *А. Костов* (БАН) проекты региональной экономической интеграции на Балканах (1900–1939) и отношение к ним со стороны болгарских как официальных, так и деловых кругов. Начало было положено проектом создания Балканского таможенного союза в начале XX в. Но основное внимание докладчик уделил проектам и планам, относящимся к межвоенному периоду, когда, подчеркнул он, в Старом свете экономическая ситуация быстро менялась. Здесь и отношение болгарских политиков, ученых, финансистов и промышленников к проектам Паневропы и особенно их заинтересованное участие в дискуссиях с началом мирового экономического кризиса в 1929 г. Костов выделил главную мысль: не только в теоретическом плане, но и чисто прагматически Болгария должна была искать свое место в возникавших в начале 1930-х годов проектах региональной экономической интеграции. Среди них особое место занимали идеи создания Аграрного блока стран Восточной Европы, Балканского экономического союза и Дунайского блока. Докладчик подверг анализу политические и экономические факторы, влиявшие на формирование мнения болгарских официальных и неофициальных кругов относительно указанных проектов.

Доклады, связанные с великой трансформацией в СССР и на Балканах середины 1980-х годов – начала XXI в., затронувшей все сферы их политической, экономической и культурной жизни, составили, отдельную и весьма эмоционально выраженную подгруппу на конференции. Особенность эпохи – относительность конкретных планов и проектов из-за множества стихийных процессов. Тем не менее и здесь можно выделить некоторые проекты и проследить за их развитием.

Е. Калинова (Софийский ун-т), которая не смогла приехать в Москву, представила доклад об одном из последних в контексте противостояния СССР и США политических проектов на Балканах. Он связан с провозглашением в конце 1984 г. – начале 1985 г. правящей Болгарской компартией «процесса возрождения» и смены имен болгарских турок, что подразумевало их ассимиляцию. Калинова соотносит эту политическую акцию с обстановкой «второй» холодной войны и перехода от позитивного развития контактов 1970-х годов к эскалации напряженности. Однако уже с середины 1986 г. болгарские правящие круги начали искать возможности для возобновления диалога с Турцией, ибо, указала Калинова, отстоять перед международной общественностью правомерность предпринятых действий оказалось практически невозможным. С помощью дипломатии развязки удалось добиться лишь в условиях начавшегося в 1989 г. переходного периода и вновь в прямой зависимости от судьбы противостояния блоков.

Также интересный материал прислала на конференцию *И. Баева* (Софийский ун-т). На основе архивных документов Баева рассмотрела изменение позиций социалистических стран восточного блока, произошедшего вследствие принятого в середине 1980-х годов курса Советского Союза на «перестройку», который касался и его внешней политики, в том числе отношения к своим союзникам. Общей тенденцией, утверждает она, стал поиск сотрудничества между самими балканскими социалистическими странами. Отказ же СССР от прежних экономических обязательств по отношению к указанным странам заставил их обращаться за помощью к Западу. Однако попытки переориентации не принесли успеха, прежде всего, из-за разбалансирования всей внутривосточной, национальной и экономической жизни в каждой из них. В конце 1980-х годов стало ясно, что ни одной из названных стран не удалось создать какую-либо новую модель развития в рамках государственного социализма советского типа, заключила Баева. На основе анализа она выделила краткосрочные и долгосрочные геополитические последствия произошедшего. К первым относится усиление хаоса и конфликтного потенциала, приведших к кровопролитному распаду Югославии и негативному воздействию этого процесса на Балканы в целом. Ко вторым – переориентация стран региона на Запад, что, в конечном счете, обеспечивает, по мнению Баевой, преодоление внешнеполитических противоречий на Балканах и превращение их в первом десятилетии XXI в. из «порохового погреба» в регион сотрудничества.

Последнее соображение полемически заострено в интересном докладе *Е. Никовой* (БАН) «Европейский союз и “конец” балканской истории». Докладчик, сознательно

принимая, по ее словам, риск «сверхообобщения», утверждает, что появление Европейского союза на Балканах ознаменовало собой своеобразный конец балканской истории, как минимум – истории, которую мы знаем и изучаем. В докладе прослеживается, как за невероятно короткий исторически период благодаря ЕС основательно изменились (и сменились) традиционные направления балканской истории. Теперь в составе Балкан имеются страны-члены, страны-кандидаты в члены и страны-кандидаты в кандидаты Союза. И несмотря на пирамиды нерешенных или плохо решенных проблем, несмотря на тлеющие очаги напряжения, балканские страны остаются, как никогда прежде, мирными и устремленными к одной цели. Заговорили, подводит итог своим рассуждениям Никова, о конце балканизации, так что теряет смысл даже само название «Балканы».

И.В. Руднева (РАН) в докладе «Объединение с Европой – новый геополитический проект для Балкан – про и контра» подчеркивает, что как бы ни стремились народы Балканского полуострова к самостоятельности, их судьбу в большинстве случаев определяли и определяют более сильные и влиятельные страны. И в качестве одного из негативных факторов объединения балканских стран с Европой докладчик указала на тенденции в сфере уважения государственного суверенитета: вмешательство во внутренние политические и общественные процессы стран-претендентов на включение в Союз. Вместе с тем, считает Руднева, страны бывшей Югославии видят в ЕС возможность решения своих экономических проблем, а также вопросов государственной безопасности.

О новых возможностях «духовной интеграции» балканских народов говорила в докладе *Р. Михнева* (Софийский ун-т). Тема ее доклада – подключение Юго-Восточной Европы к международным европейским проектам, направленным на формирование новой атмосферы и отношений взаимопонимания между народами с опорой на область культуры, культурного наследия. В исследовании Михнева отталкивается от Концепции устойчивого развития, разрабатывавшейся в одном из комитетов ООН еще в середине 80-х годов XX в., смысл которой – найти точки соприкосновения между социальной, экономической и природной средами, а также попытаться обогатить международные отношения. Тогда же, отметила Михнева, ЮНЕСКО обратила внимание мировой общественности на потенциал культуры и культурного наследия. Началом явился мегапроект «Великий шелковый путь». В Юго-Восточной Европе, где в 1990-е годы бушевали конфликты «культурной дипломатии» не была популярна в научных исследованиях. Но уже в 2005 г. Болгария инициировала мегаполитический региональный проект, так называемый диалог президентов региона о развитии идеи «Пути». Начинание поддержали все страны региона, возможности мирного сосуществования на основе общности культур президенты обсуждали в Опатии, Бухаресте, Афинах, Цетинье, Стамбуле. При помощи регионального бюро ЮНЕСКО в Венеции и при поддержке Совета Европы был реализован ряд совместных проектов. На исходе первого десятилетия XXI в., резюмировала докладчик, регион сумел сделать идею «Пути» основной для проектного финансирования через фонды Европейской комиссии.

А.И. Филимонова (РАН) подробно рассмотрела проблемы постюгославского пространства и атлантической интеграции, планы НАТО в отношении Балкан и Сербии. Она констатировала: в настоящее время внешнеполитическая ориентация стран Западных Балкан характеризуется как проевропейская и проатлантическая (за исключением Сербии). На новой геостратегической карте балканского региона располагаются шесть государств-членов НАТО (Греция, Венгрия, Румыния, Болгария, Хорватия и Албания); четыре участника в программе «Партнерство во имя мира» (Македония, Сербия, Черногория и Босния и Герцеговина); в Косово и Метохии (территория Республики Сербии) размещены международный контингент КФОР (под руководством НАТО) и военные базы НАТО «Бондстил» и «Малый Бондстил». Регион, утверждает Филимонова, тяготеет к полноправному членству в НАТО, чему способствует «Программа партнерства по имя мира».

Сербия хотя и провозгласила в декабре 2007 г. военный нейтралитет, участвует в двух программах НАТО («Партнерство во имя мира» и Евроатлантический партнерский со-

вет), которые Филимонова называет основными в происходящем процессе политической инфильтрации различных организаций-«спутников НАТО». В частности, НАТО вместе с властями Сербии осуществляет реформы в сферах обороны, системы госбезопасности и реагирования на чрезвычайные ситуации с целью усиления военной «интероперабельности» армии Сербии с государствами-членами НАТО и для участия в международных операциях альянса. В 2010 г. была открыта Миссия Сербии в НАТО, дипломатическая миссия усилена представителями военных структур Сербии.

Тревогой за судьбу Балкан пронизан также доклад *Е.Ю. Гуськовой* (РАН) «Турецкие планы на Балканах в современных геополитических условиях». Она не разделяет мнения турецких ученых о назревшей необходимости нового подхода к изучению османского присутствия на Балканах, поскольку турки в течение 500 лет угнетавшие сербский и другие народы полуострова, навсегда, настаивает Гуськова, остались врагом в сознании сербов, македонцев, хорватов. Тенденция к пересмотру традиционной роли Турции на Балканах, возникшая в 90-е годы прошлого века, в XXI в. стала и дальше продвигаться турецкими учеными и политиками, в том числе на научных конференциях (например, в Белграде). По мнению Гуськовой, активизация этого направления на дипломатическом, экономическом, культурном уровнях связана с назначением на должность министра иностранных дел Турции весной 2009 г. А. Давутоглу.

Во время конференции была организована презентация книги «The Balkans in the Cold War Balkan Federations, Cominform, Yugoslav-Soviet Conflict» (ed. by Vojislav G. Pavlović. Beograd, Balkanološki institut SANU. 2011).

Таков круг вопросов, обсуждавшихся на конференции. Значительная часть прозвучавших докладов основана на материалах, впервые вводимых в научный оборот, обрисованы и новые современные подходы – исследование ходов балканской истории с учетом тогдашнего уровня цивилизационного развития. В ходе конференции докладчикам было задано много вопросов, происходило столкновение точек зрения, как и неожиданное продолжение сюжета в последующих выступлениях (например, материалы о российском интересе к Константинополю). Была представлена тематика, связанная с нынешним положением балканских стран и роли ЕС, оценки преобразований «в сторону мира» – как нащупывание нового тренда развития многострадальных Балкан.

Сравнительно полно были освещены вопросы о славянской идее и об идее балканской федерации, что говорит, с одной стороны, о живучести на Балканах множества разных нематериальных субстанций – идей, мечтаний, прожектов и малой результативности превращения их в политическую реальность. А с другой стороны, нельзя не отметить гибкость использования различных федеративных приемов для разрешения ситуационных кризисов.

В меньшей мере оказались освещенными вопросы о роли европейской идеи в славянской культуре и политике. Хотя на предварительной стадии подготовки конференции доклады на эту тему заявлялись, например, такие, как «Балканы и европейская идея в XX в.» или «Европейские идеи в Сербии в XIX в.», или «Балканы в представлениях И.В. Сталина после Второй мировой войны: геостратегический аспект». Уже одно их перечисление говорит о готовности ученых разрабатывать эту тематику, и будем надеяться, она найдет свое воплощение в ходе дальнейшей работы.

Накопление научного потенциала ученых трех балканских стран и России в результате прошедшей в Москве встречи, надеемся, будет представлен в издании материалов конференции, что позволит осуществить новые подходы к многомерной проблеме «Балканы между Востоком и Западом», правильно расставить акценты в будущих исследованиях.

Вопрос о продолжении совместных исследований обсуждали директора трех институтов балканистики, эстафету приняли на себя Институт балканистики (с центром фразеологии) БАН и Института балканистики САНИ. Обсуждение возможной новой встречи продолжается.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
 «ИДЕИ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРОГРАММАХ
 И КОНЦЕПЦИЯХ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ И ДИССИДЕНТСТВА
 В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

Конец 60-х–80-е годы XX в.»

Международная научная конференция «Идеи новой государственности в программах и концепциях инакомыслящих и диссидентства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец 60-х-80-е годы XX в.» прошла в Институте славяноведения РАН 15–16 октября 2013 г. Ее организовал Отдел современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в рамках проекта Программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории». Конференция собрала специалистов из московских академических институтов (Институт Европы, ИНИОН, Институт российской истории, Институт социологии), Российского института стратегических исследований, а также зарубежных ученых из Варшавы (Институт национальной памяти), Будапешта (Библиотека Венгерской академии наук) и Бухареста (Институт по изучению тоталитаризма Румынской академии наук и Бухарестский университет). Общая тематика конференции – выявление и анализ в рамках странового и общерегионального подходов инвариантных характеристик диссидентских концепций и идей инакомыслящих в странах Центральной и Юго-Восточной Европы относительно новых форм государственности в последней трети XX века. Были изложены результаты исследования эволюции идей новой государственности, а также анализа основных документов, ее отражающих; прослежены действия оппозиционных сил и их лидеров, ориентированные на изменение типов государственности; выявлены контуры ее моделей в странах региона (контрэлиты в Польше, параллельные полисы в Чехословакии и т.д.).

С опорой на методы регионалистики и страноведческие подходы обсуждались проблемы универсальных закономерностей и национальных характеристик оппозиционных и диссидентских течений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Был признан релевантным вывод о значимости уроков исторического опыта стран Центральной и Юго-Восточной Европы для определения векторов развития стран – республик бывшего СССР и стран Африки и Ближнего Востока в ходе «арабской весны».

Тема конференции – история тех идей, которые в двадцатилетний (конец 1960-х – 1989 г.) исторический период ориентировались, если использовать современную терминологию, на переформатирование государственности в регионе. История идей при этом трактовалась участниками конференции как совокупность знаний о социальных и культурно-исторических условиях, закономерно влияющих на появление и развитие значимых направлений общественной мысли в связи с личностными судьбами ее носителей; это научное направление лишь оформляется в современном отечественном общественном сознании, и конференция в этом плане продемонстрировала его продуктивность для изучения трансформаций государственности не только в странах региона и не лишь в означенный период.

Как отмечалось на конференции, ход исторического процесса после революций 1989 года в Центральной и Юго-Восточной Европе и в других регионах мира диктует необходимость изучения представлений оппозиционных и диссидентских течений о трансформации идеи государственности с целью создания ее новой модели. С учетом этого необходим углубленный анализ документов этих течений в странах региона в предреволюционное двадцатилетие: с конца 1960-х годов, когда стала подвергаться ревизии идея социализма (даже с «человеческим лицом») и до конца 1989 года – момента кардинальной ее смены и формирования новых параметров государственности. Реализация указанных параметров в странах региона представляет собой матрицу формирования нового типа го-

сударственности в последующих «цветных» революциях на постсоветском пространстве и «арабской весне» в начале второго десятилетия нового века.

Перед докладчиками стояла задача – проследить историю зарождения и развития идей новой государственности в регионе в целом и во входящих в него странах, то есть сосредоточиться на предыстории трансформационных процессов, на выявлении их идейных истоков и идеологических импульсов в рамках оппозиционных движений. Тема эта не так ординарна, как может показаться на первый взгляд, хотя бы потому, что созидательные мотивы в программах оппозиционеров и диссидентов звучали не так часто, как того хотелось бы современным исследователям, а то и вовсе были тщательно завуалированы, если не зашифрованы. Но, как известно, тайны всегда разжигали исследовательский интерес, нацеленный на своеобразную дешифровку этих кодов.

Элементы постановочного, методологического и теоретического характера прозвучали в первой части конференции. Со вступительным словом к участникам конференции обратился руководитель научного проекта, директор Института славяноведения РАН *К.В. Никифоров*, который затронул теоретико-методологические аспекты заявленной проблемы, подчеркнул актуальность и значимость ее углубленного изучения.

Блок докладов, фокусировавший внимание на теоретико-методологических аспектах проблемы в региональном контексте, продолжили *И.С. Яжборовская* («Системная и внесистемная оппозиция в контексте внутри- и внешнеполитических отношений в “социалистическом содружестве”») и *В.Л. Мусатов* («Оппозиционные движения и проявления в европейских социалистических странах в 1970–1980-е годы»). Элементы постановочного характера прозвучали и в докладе *В.П. Любина* («Изучение диссидентства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1960–1980-х гг. в университетах Германии»).

Эта же тематика, но уже в ракурсе отечественной истории, получила дальнейшее развитие в докладах *Л.П. Колодниковой* и *Т.С. Бушуевой*, которые, опираясь на впервые вводимые в научный оборот материалы из российских архивов, затронули такие ее аспекты, как особенности гражданского общества в СССР, а также формы и динамика развития протестного движения в СССР в 20–40-е годы XX в.

Проблематика конференции в конкретно-исторических контекстах получила развитие в страновых блоках. Так, болгарские сюжеты представила в своем выступлении *Е.Л. Валева* («Видение будущего демократического общества в программных материалах болгарских диссидентов (конец 1980-х годов)»; венгерские – *А. Бабуи* («Общественно-политические концепции венгерских «народных писателей» в 1970–1980-е годы») и *Л.Н. Шишелина* («Представления венгерской оппозиции в реформировании общества и внешней политики страны в 70–80-е годы XX века»).

Достойным продолжением венгерских явились польские сюжеты, разрабатываемые *В.В. Волобуевым* («Концепции политических реформ деятелей правого фланга неформальной оппозиции в Польше в 1970-е годы»); *О.Н. Майоровой* («Идейные принципы и политические цели Комитета защиты рабочих в Польше в 1976–1981 гг.»); *Е. Эйслером* («Общественно-политические концепции лагеря Солидарности в 1980–1989 гг.»); *Л.С. Лыкошиной* («Гданьский либерализм 1980-х годов. Люди и идеи»); *О.В. Петровской* («Оппозиция в польских ВУЗах в 60–80-е годы XX в.: этапы, предпосылки, особенности»). В целом прозвучавшие доклады позволили составить представление о центрально-европейской (Венгрия и Польша) модели формирования новой государственности в ее сравнении и сопоставлении с юго-восточной (Болгария, Румыния, Югославия).

Не меньший интерес вызвали доклады румынских ученых: *В. Буги* и *А.-М. Кэтэнуш* («К вопросу о феномене диссидентства в Румынии 1970–1980-х гг.»), а также *Д. Балана* («Писатели-диссиденты Румынии при режиме Чаушеску»). Результатами своих научных изысканий (заочно) поделилась *А.С. Гладышева* («Зарождение диссидентского движения в Румынии. Попытки создания правозащитных организаций. Середина 1970–1980-х гг.»).

Доклады *Э.Г. Задорожнюк* («Контуры новой государственности в документах чешских и словацких протестных течений в 1969–1989 гг.: общее и особенное»), *В.В. Марышовой* – заочно («Реабилитация Густава Гусака и возродительные идеи федерализации Чехословакии») и *Н.В. Коровицкой* («Новая государственность в динамике чешского общест-

венного сознания»), посвященные чехословацким сюжетам, продемонстрировали свою опцию формирования моделей новой государственности в этой стране, подвергшейся оккупации.

Блок югославских сюжетов был представлен докладами *Е.Ю. Гуськовой* («Социалистический союз трудового народа Югославии как форма преодоления оппозиционного движения»); *А.Б. Едемского* («Грани либерализации в Сербии: государство и оппозиция на рубеже 1960–1970-х годов»); *И.В. Рудневой* («Оппозиционное движение в Хорватии в конце 1960–1970-х гг.»); *А.А. Пивоваренко* («Становление Ф. Туджмана как лидера хорватского национального движения»).

Завершили конференцию литературоведы, которые продолжили развитие темы конференции с использованием своих научных методов и инструментария исследования. Огромное внимание привлекли доклады *Ю.П. Гусева* («Ползучее диссидентство в венгерской литературе 1960–1980-х гг.»); *И. Кишиш* («Общее и специфическое в культурной политике и духовной жизни стран социализма в 1970–1980-е гг. На примере адаптации в Венгрии романа “Мастер и Маргарита” в сравнении с его восприятием в СССР»); *С.А. Шерлаимовой* («Чешские писатели-диссиденты и эмигранты в период “нормализации”: от духовного лидерства к отказу от идеологии»); *Л.Ф. Широковой* («Культура как общение. Концепция развития общества в творчестве Д. Татарки»).

Прозвучавшие на конференции доклады, вызвавшие оживленные дискуссии (в них, помимо основного контингента выступавших, активное участие приняли *А.С. Стыкалин*, *В.Т. Серета*, *Г.Н. Энгельгардт*, *А. Шереш* и др.), продемонстрировали многогранность темы, которой посвящался научный форум. При этом каждый из выступавших внес свой вклад в расширение горизонтов видения (и хронологического, и тематического) проблемы, которая исследуется в русле истории идей – одного из важнейших направлений современной исторической науки.

Конференция убедительно показала, что идейная история стран Центральной и Юго-Восточной Европы в период с конца 1960-х до конца 1980-х годов, характеризуется такой общей для них чертой, как осознание необходимости и даже неизбежности смены моделей государственности. Это осознание было присуще всем силам, которые видели бесперспективность государства, подавлявшего основные демократические ценности, не останавливаясь перед репрессиями против всех инакомыслящих.

В заключительном слове *Э.Г. Задорожнюк* остановилась на той уникальной возможности, которая есть у современных исследователей: не только изучать как вызревали идеи новой государственности, на какие субъекты они опирались, к каким последствиям в плане реформирования государственности они приводили, но и быть свидетелями воплощения и/или невоплощения этих идей в жизнь. Ведь не секрет, что желаемое не всегда совпадает с действительным, а зачастую эта пара категорий вступает даже в жесткое противостояние, что и отмечалось практически в каждом докладе. Перед учеными стояла цель – изучить указанное «желаемое», как оно отражалось в документах протестных движений на уровне региона и отдельных стран. Результаты этого изучения значимы не только в сугубо историческом плане. Это показало начало XXI в. с его «цветными» революциями («революциям с определениями») и «арабской весной», которые несут в себе разрушительный заряд по отношению к старой государственности; конца таковым пока не видно.

Трансформации государственности продолжаются, а это значит, что у побуждающих их идей и проектов, которые выдвигались инакомыслящими в рассматриваемое на научной форуме 20-летие, оказалось довольно долгое дыхание. Прозвучали предложения относительно дальнейшего сотрудничества собравшегося содружества историков, а также привлечения в дальнейшем к разработке столь важной темы специалистов из других предметных областей. Была заявлена также ориентация на более широкий географический охват рассматриваемой проблематики, предполагающей привлечение специалистов по «цветным» революциям и «арабской весне». По материалам конференции готовится издание коллективного труда.

© 2014 г. *Э.Г. Задорожнюк*

ПАМЯТИ ГАЛИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ЛИЛИЧ
(1926–2012)

23 декабря 2012 г. ушла из жизни профессор кафедры славянской филологии и почетный профессор Санкт-Петербургского университета Галина Алексеевна Лилич. Она родилась 10 июля 1926 г. в с. Троицк Ковылкинского района Мордовской АССР. Успешно закончив в 1948 г. Ленинградский университет, она поступает в аспирантуру. Мощным стимулом всей последующей научной и педагогической деятельности Г.А. Лилич стала стажировка в Карловом университете с мая 1951 по август 1952 г. Здесь она получила возможность не только углубиться в теории знаменитой Пражской лингвистической школы, но и лично познакомиться с ее представителями, послушать лекции известных славистов – Фр. Травничека, Б. Гавранека, А.В. Исаченко, А. Едлички, К. Горалека, Я. Белича и др. Особое значение для Г.А. Лилич имели научные и человеческие контакты с главой чехословацкой лингвистики академиком Б. Гавранеком, который, как и профессор Б.А. Ларин, стал ее Учителем и старшим другом. Не случайно именно Б. Гавранеку посвящен ее основной труд – монография, ставшая и темой докторской диссертации – «Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конец XVIII – начало XIX века)». (Полную библиографию научных трудов Г.А. Лилич и биобиблиографические сведения о Г.А. Лилич см.: 1) Библиографический указатель по славянской филологии. Профессор Галина Алексеевна Лилич. Самарканд, 1986; 2) Профессор Галина Алексеевна Лилич. СПб., 1996; 3) *Frazeografia slowiariska. Księga pamiątkowa poświęcona prof. dr. hab. Halinie A. Lilicz.* Opole, 2001; 4) Профессора Санкт-Петербургского государственного университета: Биобиблиографический словарь. СПб., 2003 и др.).

С 1952 г., когда Г.А. Лилич становится ассистентом кафедры славянской филологии, начинается ее многосторонняя педагогическая, воспитательная и научно-исследовательская деятельность в Ленинградском/Петербургском университете, которая активно продолжалась до дня ее кончины. Защита кандидатской диссертации в 1956 г., докторской – в 1978 г., утверждение в звании доцента (1961 г.) и профессора (1979 г.) – вот самые общие хронологические ориентиры этой деятельности.

Славистические интересы Г.А. Лилич, не замыкаясь в узко специальных рамках, могут быть тем не менее сведены в несколько «концентрических кругов». Педагог по призванию, Галина Алексеевна во многом и свои научные интересы так или иначе «смыкает» с учебными славистическими программами, подчиняет их интересам студенческой аудитории и требованиям времени. Г.А. Лилич с годами расширяет и углубляет сделанные прежде интерпретации, обогащает некоторые уже солидно обработанные тематические доминанты новым материалом. При этом Г.А. Лилич остается верной принципам научного анализа, унаследованным от своих учителей Б.А. Ларина и чешского академика Б. Гавранека.

Круг исследований Г.А. Лилич, посвященных лексическим заимствованиям из русского языка в чешский и историко-культурным обстоятельствам, их стимулировавшим, является, пожалуй, самым объемным, с ним связаны и другие аспекты ее интересов. В кандидатской диссертации «Обогащение словарного состава чешского языка в результате установления в Чехословакии народно-демократического строя» Г.А. Лилич описывает доминанты обогащения словарного состава чешского языка в послевоенный период, детально анализирует основные способы пополнения общественно-политической лексики чешского языка.

Как и в других случаях, Г.А. Лилич сохраняет верность этой теме и в дальнейшем. В конце 1970-х годов она возвращается к теме советизмов на новой основе, уже обогатившись опытом скрупулезного исследования процессов взаимодействия русского и чешского языков в эпоху национального возрождения.

Исследуя взаимодействие русского и чешского языков послевоенного периода, Г.А. Лилич рассматривала его *исторически*, прослеживая истоки этого процесса с начала XIX в. Эта тема становится одной из доминант ее научного творчества.

Переводческая деятельность Й. Юнгмана и других деятелей чешского возрождения («будителей») стала объектом пристального анализа в ряде работ Г.А. Лилич. Автор убедительно показала, что их стремление создать на базе русизмов специфический язык привело к тому, что они первоначально становились элементами возвышенного поэтического стиля, хотя многие из них такой окраски как правило в языке-источнике не имели.

Характерной особенностью работ Г.А. Лилич по данной проблематике является стремление обосновать языковое взаимодействие и процессы адаптации русизмов культурно-историческими обстоятельствами. Отсюда постоянный интерес к той общественной среде, из которой исходили импульсы межславянского культурного обмена, – Й. Юнгману, Й. Добровскому, Фр. Л. Челаковскому, П.С. Паласу и др. Подчеркивается сильная демократическая окрашенность движения «будителей», усиление и расширение их связей со словацкими просветителями.

Наблюдения о «языковой революции» времен чешского возрождения синтезированы Г.А. Лилич в уже упоминавшихся докторской диссертации и монографии «Роль русского языка в развитии чешского литературного языка (конец XVII – начало XIX века)», опубликованной в 1982 г. Автор анализирует эту проблему на основе тщательного изучения множества текстов периода чешского возрождения, принадлежащих Й. Юнгману и его окружению. Наблюдения о лексических заимствованиях из русского языка в чешский дали Г.А. Лилич огромный опыт работы со словом, который воплощен ею и в других лингвистических трудах.

Немалое место в научном наследии Г.А. Лилич занимает теория и практика перевода, где она выступает горячим приверженцем переводческой школы В. Матезиуса, исходившего из функционального принципа перевода. Ею анализируются, например, перевод В. Матезиусом диалектизмов в «Поднятой целине» М. Шолохова на чешский язык и передача метафор М. Горького на славянские языки. Г.А. Лилич выступает за творческий подход к решению переводческих головоломок, вплоть до нарушения нормированного словоупотребления и привычных связей между словами.

Обладая знанием нескольких славянских языков (чешского, польского, словацкого, сербского/хорватского, словенского), чувством слова и постоянно обращая внимание на нюансы семантики, Г.А. Лилич уже в аспирантские годы с энтузиазмом подключилась к грандиозным лексикографическим проектам проф. Б.А. Ларина и с тех пор никогда их не бросала. Одной из важнейших и неотъемлемых частей научной биографии Г.А. Лилич является участие в многотрудном деле составления словаря автобиографической трилогии М. Горького, задуманного Б.А. Лариным. Она – автор многих словарных статей во всех выпусках этого словаря.

Г.А. Лилич вдохновилась и ларинской идеей создания двуязычных словарей писателя, основанных не на переводном принципе, а на принципе развернутого толкования. По ее инициативе было начато составление словаря трилогии чешской писательницы М. Пуймановой, где ярко отражены история довоенного и военного периодов Чехословакии. Лексикографический опыт Г.А. Лилич получил обобщение и в серии лексикологических и лингвостилистических очерков, посвященных углубленному изучению лексической семантики отдельных слов. Сквозь призму сопоставления нескольких языков рельефнее просматриваются оттенки смысла слова в художественном тексте.

Одной из доминант научного творчества Г.А. Лилич в конце 1980-х годов стало исследование славянских переводов Библии и их влияния на развитие славянских литера-

турных языков. Ею в соавторстве с О.И. Трофимкиной и В.М. Мокиенко был составлен «Толковый словарь библейских выражений и слов» (М., 2010).

Научная и педагогическая деятельность Г.А. Лилич была неотторжима от деятельности общественной. Сохраняя молодость духа и сердца, Галина Алексеевна обладала редким даром заряжать оптимизмом и энергией всех, с кем общалась. Педагогическое мастерство и бескорыстное служение Университету, талант непревзойденного лектора, способного увлечь славистикой любого студента, беззаветная преданность Науке – все это качества Галины Алексеевны Лилич. И теперь, когда жизнь ее оборвалась, мы, обогретые ее светом, ощущаем невозвратимость нашей потери. Но повторяем вслед за поэтом:

Не говори с тоской: их нет,

Но с благодарностию: были.

Галина Алексеевна Лилич была и остается с нами.

© 2014 г. В.М. Мокиенко

Славяноведение, № 3

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ОРЕХОВА (1933–2013)

26 ноября 2013 г. на 81 году жизни скоропостижно скончался выдающийся историк-славист, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН Александр Михайлович Орехов.

Выпускник Московского историко-архивного института, ученик Н.В. Устюгова А.М. Орехов в студенческие годы специализировался по истории России XVII в., однако судьба распорядилась так, что свой более чем полувековой путь в науке он посвятил изучению истории Польши и российско-польских отношений. С 1958 г. А.М. Орехов работал в Институте славяноведения РАН и заслуженно считался одним из крупнейших российских специалистов по истории польского общественного и революционного движения XIX в., по истории Польской Народной Республики и взаимоотношений СССР и ПНР, а также по новейшей истории Польши рубежа XX–XXI вв.

В Институте славяноведения основным направлением исследований А.М. Орехова на долгие годы стало изучение польского национально-освободительного движения XIX в., польского рабочего движения и русско-польских революционных связей второй половины XIX – начала XX в. во взаимосвязи с российским рабочим движением. Результаты этой работы воплотились в кандидатской диссертации «Русско-польские революционные связи в период возникновения марксистских рабочих организаций в России. 1887–1893 гг.» (1971) и в монографиях «Социал-демократическое движение в России и польские революционеры. 1887–1893 гг.» (М., 1973), «Становление польского социалистического движения. Структура, программные концепции, деятели (1874–1893)» (М., 1979), «Первые марксисты в России. Петербургский “Рабочий союз” 1887–1893» (М., 1979).

А.М. Орехов принимал участие в работе над совместной советско-польской публикацией «Восстание 1863 года. Материалы и документы», в написании коллективных трудов: «Исследования по истории польского общественного движения XIX–XX вв.», «Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX – начале XX вв.», «Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917», «Комплексные проблемы истории культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований», «Исследования по истории народов Центральной и Восточ-

ной Европы XIX в.», «СССР и Польша. Интернациональные связи: история и современность», «Рабочее движение в Центральной Европе и пролетарский интернационализм (1871–1904)».

В 1987 г., в составе исследовательской группы Института славяноведения по изучению современной культуры Александр Михайлович положил начало разработке еще в то время малоизученной в культуроведении, истории и политологии проблематики, связанной с динамикой идеологических структур польского общества после Второй мировой войны. В особенности его внимание привлекали развивавшиеся в польском обществе идеологические процессы в контексте общественно-политических кризисов в ПНР 1956, 1968, 1980–1981 гг. Однако существенные перемены в направлении научных изысканий не помешали Александру Михайловичу продолжать разработку традиционной проблематики, о чем свидетельствует его непосредственное участие в коллективных трудах: «Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864–1914 гг.» (М., 1988), «Социальная структура и общественно-политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (середина XIX в. – 1918 г.)».

В 1980–1990-е годы, многократно посещая Польшу, Александр Михайлович проделал незаурядную работу по собиранию материалов и формированию корпуса исторических источников по новейшей польской истории. Он стал признанным знатоком польских архивов новейшего времени. Им были собраны ценнейшие коллекции материалов польской прессы самых различных общественно-политических направлений, в том числе уникальные неофициальные и подпольные издания. Большое значение А.М. Орехов придавал личным беседам со свидетелями и участниками исторических событий, как с видными политическими и общественными деятелями, так и с представителями самых широких общественных кругов.

Другим важнейшим направлением работы Александра Михайловича в эти годы стало изучение российских архивных фондов новейшего времени, относящихся к польской проблематике. В этой области им были достигнуты выдающиеся успехи, что получило признание в профессиональном научном сообществе историков и архивистов: А.М. Орехов был приглашен в качестве составителя и комментатора к подготовке фундаментальной трехтомной публикации материалов Президиума ЦК КПСС 1954–1964 гг. (М., 2003–2008).

Плодами трудов А.М. Орехова в области новейшей истории Польши и российско-польских отношений стали мастерски написанные главы «Краткой истории Польши» (М., 1995); монография «Советский Союз и Польша в годы “оттепели”: из истории советско-польских отношений» (М., 2005); разделы в опубликованной в 2012 г. в соавторстве с ведущими российскими историками–полонистами коллективной монографии «Польша в XX веке. Очерки политической истории» (отв. ред. А.Ф. Носкова). Благодаря подготовленным А.М. Ореховым публикациям архивных документов и публикациям, выполненным с его участием, в научный оборот были введены и широко используются исследователями многочисленные ценнейшие исторические источники по новейшей истории Польши, а также стран и народов Центральной и Восточной Европы второй половины XX в. Только за последнее десятилетие А.М. Ореховым был опубликован ряд статей, изданных в России, в Польше и в Германии, что убедительно свидетельствует о международном признании научных достижений и заслуг их автора. В последние годы жизни А.М. Орехов работал над монографией «Экономические отношения СССР и ПНР. Очерки истории. 1944–1957 гг.», завершённой им незадолго до кончины и готовящейся в настоящее время к публикации.

В целом научные труды А.М. Орехова отличает широкая научная эрудиция и детальное знание предмета исследования, оригинальность подхода, новизна идей, строгость методологии и точность анализа, безупречная логика изложения материала, скрупулезная работа по выявлению новых источников в архивохранилищах России и Польши.

Александр Михайлович Орехов вел большую научно-организационную работу: с 1962 по 1965 гг. – в качестве ученого секретаря комиссии по международным научным связям

Института славяноведения; с 1974 г. – исполнял обязанности ученого секретаря Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики; с 2006 г. – будучи членом Комиссии историков России и Польши. В 1991–2000 гг. А.М. Орехов заведовал лабораторией информации и документации Института национальных проблем образования Министерства образования Российской Федерации.

Многолетняя плодотворная научная работа А.М. Орехова дала убедительные свидетельства его выдающегося творческого потенциала и высоких научных достижений. В научном сообществе, среди российских и польских коллег, друзей и учеников А.М. Орехов пользовался заслуженным авторитетом и уважением как выдающийся историк, как талантливый исследователь, как уникальный знаток российских и польских архивов. Однако его научные заслуги: монографии, коллективные труды, в которых он выступил соавтором, подготовленные с его участием публикации архивных документов, не заслоняют ото всех близко знавших Александра Михайловича людей его подлинных человеческих достоинств: искренности, душевной прямоты, научной принципиальности, доброжелательности и неподдельного внимания к окружающим, готовности оказать всестороннюю и бескорыстную помощь. Его внешняя сдержанность и немногословность в общении стала свойственной Александру Михайловичу формой выражения доброты и участия, требовательности и доброжелательности – всех его так высоко ценимых достоинств. С его кончиной российская историческая наука понесла тяжелую потерю. Восполнить утрату способно только творческое продолжение дела служения науки, чему полностью посвятил свою жизнь Александр Михайлович Орехов.

© 2014 г. *Б.В. Носов*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Khavanova O.V.</i> (Moscow). In search for a «common denominator» of merits in the eighteenth-century Habsburg Monarchy: the Order of St. Stephan.....	3
<i>Ulunyan Ar.A.</i> (Moscow). Diplomatic documents on the political dimension of historical epochs (the cases of «the Year 1893» and «the Year 1935»).....	14
<i>Murashko G.P., Sloistov S.M.</i> (Moscow). Some words about Čestmír Císař.....	31
<i>Sikimić B.</i> (Belgrade). Mobility and transborder migration of Romanians in the Serbian Banat.....	40
<i>Budagova L.N.</i> (Moscow). Concerning the history and specific character of Slovak Surrealism.....	59

REPORTS

<i>Zhdanovskaya A.A.</i> (Moscow). The Bohemian question at the turn of the 1870s and 1880s: the Czech-German confrontation.....	79
<i>Glatz F.</i> (Budapest). Recollections about Domokos Kosáry (to the centennial anniversary of the historian).....	85

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Lapteva L.P.</i> (Moscow). In memoriam of the two Sorbian scholars. Pavel Novotný (1912–2010). Martin Kasper (1929–2011).....	94
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Zadorozhnyuk E.G.</i> J. Suk. Politika jako absurdní drama. Václav Havel v letech 1975–1989.....	101
<i>Kossik VI.</i> П. Мангачев. Генерал Козимир Ернрот – живот и дело в България.....	106
<i>Peskova A.</i> Yu. Poetika humoru.....	107

SCHOLARLY LIFE

<i>Grishina R.P.</i> International scholarly conference «The Balkans in European political projects of the nineteenth – twenty-first centuries».....	110
<i>Zadorozhnyuk E.G.</i> International scholarly conference «Ideas of new statehood in the programmes and concepts of otherwise-minded and dissidents in the countries of Central and South-Eastern Europe: the late 1960s – 1980s».....	120

OBITUARIES

<i>Mokienko V.M.</i> In memoriam of Galina Alekseevna Lilich (1926–2012).....	123
<i>Nosov B.V.</i> In memoriam of Aleksandr Mikhailovich Orekhov.....	125

Сдано в набор 21.02.2014 Подписано в печать 10.04.2014 Дата выхода в свет 20 нечетн.
Формат 70 × 100¹/₁₆ Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 2,5 тыс. Уч.-изд.л. 11,9
Бум.л. 4,0 Тираж 230 экз. Зак. 107 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6